

Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Центр охраны культурного наследия»
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Сургутский государственный педагогический университет

КЕНИГ Александр Владимирович

**ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ
КАК МЕТОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ**

(на примере тазовских селькупов)

Екатеринбург–Ханты-Мансийск
2010

УДК 930.26+39
ББК 63.48.(253.3)+63.521(253.3)+63.521(=667)
К 35

Ответственный редактор

д. и. н. И. Г. Глушков

Руководитель издательского проекта

к. и. н. А. Я. Труфанов

Издание осуществлено на средства

ООО НПЦ «Югра-Терра»

Кениг А. В.

К 35

Этноархеология как метод археологических реконструкций
(на примере тазовских селькупов). – Екатеринбург– Ханты-
Мансийск: издательство АМБ, 2010. – 128 с.

УДК 930.26+39

ББК 63.48.(253.3)+63.521(253.3)+63.521(=667)

ISBN 978-5-8057-0730-9

© А. В. Кениг, 2010

© Оформление АМБ, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В АРХЕОЛОГИИ	7
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ	
1.1. Состояние проблемы в русской дореволюционной археологии (середина XIX – первая четверть XX вв.)	7
1.2. Археологические дискуссии конца 20-х – первой половины 30-х годов XX века и проблема исторических реконструкций	11
1.3. Методы реконструкции образа жизни в советской археологии (40–80-е гг. XX в.)	16
АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ	
1.4. «Археология как антропология»	25
1.5. Из истории развития «процессуальной археологии»	28
ГЛАВА 2. ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ КАК МЕТОД ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ	34
2.1. Экспериментальные исследования в археологии	35
2.2. Теория этноархеологического эксперимента	38
2.3. Этнографические аналогии и этноархеологические модели	43
ГЛАВА 3. ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕКОНСТРУКЦИИ (на примере тазовских селькупов)	48
3.1. Историко-географическая характеристика тазовских селькупов	48
3.2. Этноархеологические модели летних и зимних поселений	53
3.3. Модели археологизации вещественных комплексов	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ТАБЛИЦ	72
ИЛЛЮСТРАЦИИ И ТАБЛИЦЫ	75
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	119
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	125

ВВЕДЕНИЕ

Археология, как и любая историческая дисциплина, ориентирована, прежде всего, на реконструкцию прошлой исторической действительности. Однако археологические факты состоят не из символов, слов или концепций, а из фрагментов материальной культуры, которые слишком отрывочны, чтобы в полной мере и доказательно представить прошлую реальность. Для извлечения информации из вещественного источника археология разрабатывает свои специфические методы, привлекая самый разнообразный материал, выходящий за рамки собственно археологии. В последнее время в отечественной археологии стали активно развиваться направления, занимающиеся анализом собственно вещественного материала. Большую популярность приобрели методы трасологического и экспериментального исследования с массовым привлечением данных естественных наук и средств математического анализа. Вместе с тем, для создания полноценной археологической реконструкции у исследователей отсутствует самое главное – знание механизмов и закономерностей, которые влияют на преобразование «живой» культуры в культуру «мертвую», реальной деятельности – в остатки и следы этой деятельности.

В поисках необходимых механизмов археологи уже в течение многих лет обращаются к этнографии. Однако на различных этапах развития науки это обращение осуществлялось по-разному. В конце XIX века, благодаря развитию эволюционной теории, археологические материалы интерпретировались путем прямых этнографических аналогий, без какого-либо критического анализа. В 30–50 годы XX века советские археологи обратились к поиску более корректных механизмов применения этнографических параллелей и вышли на уровень этногенетического использования этнографии. Тем не менее, на протяжении длительного времени для отечественной археологии было характерно включение этнографических данных в качестве иллюстративного материала, оживляющего археологические факты. В 60–70-е годы XX века с целью более эффективного использования этнографии для археологических реконструкций отечественная наука стала нарабатывать опыт культурно-хозяйственных и экологических критериев в археолого-этнографических исследованиях, продолжая углублять этногенетическое направление.

В настоящее время совершенно очевиден недостаток методологических критериев применения этнографических моделей для археологических реконструкций. Эти модели оказываются слабо адаптированными к археологическим источникам и слабо увязываются со спецификой археологического исследования. Для того чтобы понять смысл, заложенный в вещественных остатках, необходимо знать механизмы, благодаря которым эти вещи приобрели статус источника: какие факторы повлияли на их изменение и как сложились характерные признаки, которые археологи наблюдают в настоящем. Для ответа на эти вопросы необходимо особое направление, развивающееся в рамках общей археологической теории.

Этнографические модели функционирования «живой» культуры, представляющие традиционные стереотипы поведения неиндустриальных сообществ, являются только первым шагом на пути к созданию полноценной археологической реконструкции. На этом этапе исследователь получает лишь первые ассоциативные впечатления, которые способствуют возникновению эмпирических идей, основанных на интуиции автора. Следующим этапом должна стать разработка методологических приемов, обеспечивающих проверку этих идей и оценку их реальности. Только после этого они могут быть использованы как полноценные источники археологических реконструкций. В этом смысле представляет особый интерес англо-американская археология, которая в 60-е годы XX века, выходя на уровень социально-экономической реконструкции первобытности, обратилась к культурной антропологии и этнологии через такие субдисциплины, как «этноархеология», «археология действия» и «живая археология», акцентируя внимание на анализе механизмов археологизации «живой» культуры.

В советской историографии это направление заслужило лишь несколько критических замечаний, появившихся в 70–80-е годы XX века. Недостаток внимания со стороны отечественных коллег к бурным дискуссиям по проблемам развития и выработки новой методологической базы археологических реконструкций, проходивших на Западе, объясняется многими причинами. По мнению советских исследователей, отечественная наука уже разработала основные теоретические принципы еще в 1920–1930-е годы. Единственным отличием «новой» американской археологии от отечественных теорий признавалось то, что их фундаментальные концепции носили социокультурную направленность, поскольку представители «нового» направления оперировали категорией «культура», в то время как для советской науки основным критерием являлось марксистское учение об общественно-экономических формациях.

К настоящему времени, когда значительно выросла источниковая база археологических исследований и утратила свою теоретическую значимость унифицированная марксистская концепция, отечественная наука переживает серьезный методологический кризис, связанный, прежде всего, со слабой разработанностью механизмов интерпретации накопленного материала и построения культурно-исторических моделей.

В этой связи большое значение приобретают работы, в которых затрагиваются проблемы интеграции данных в археологии и этнографии. Все чаще в названиях работ появляется термин «этноархеология». Возникают даже попытки создать отдельную науку «этноархеологию», наделив ее особыми полномочиями в изучении социокультурных явлений [Томилов, 1995. – С. 179].

Актуальность темы настоящей работы очевидна – в отечественной археологии отсутствует сколько-нибудь обобщенный опыт этноархеологических исследований, как в историографическом, так и в археолого-этнографическом плане. Отсюда вытекают основные задачи данного исследования:

1. Историографический анализ археолого-этнографических исследований в отечественной и зарубежной археологии.
2. Разработка теоретических аспектов этноархеологического моделирования в русле методологии экспериментальной археологии.
3. Классификация археолого-этнографических исследований разного уровня.

4. Разработка конкретных археолого-этнографических моделей на примере поселений и жилищ тазовских селькупов.

Цель работы мы видим в теоретико-методологическом обосновании этноархеологии как метода экспериментального моделирования, связанного с построением научно обоснованных версий для археологических реконструкций на примере традиционной культуры тазовских селькупов.

В целом придерживаясь взгляда на этноархеологию как дисциплину, не ограниченную исследованиями «примитивных» обществ, а выходящую на уровень поиска кросскультурных связей и закономерностей, мы, тем не менее, выбрали в качестве объекта этноархеологического исследования традиционную культуру селькупов. Это обусловлено тем, что часть коренных этносов Западной Сибири до настоящего времени сохранила многие черты архаичного образа жизни, отражающего отдельные элементы социально-экономического и бытового уклада, характерного для обществ с присваивающим типом хозяйства. Наличие этого фактора в определенной степени повышает значимость полученных результатов для археологических реконструкций, по крайней мере, в пределах таежной зоны Западной Сибири.

В ходе осуществленных этноархеологических исследований особое внимание было уделено проблеме сезонной направленности поселений и жилищ через анализ вещественных комплексов. При этом решались другие задачи, связанные с различиями пространственно-временного размещения предметов материальной культуры на летних и зимних поселениях тазовских селькупов. Кроме того, проведен анализ функциональной направленности вещественных остатков и определены закономерности распределения различных категорий предметов относительно сезонного характера поселков. Наряду с этим в работе рассматриваются процессы археологизации «живых» поселений, выраженные в особенностях накопления и образования культурного слоя и процессах утилизации вещественных комплексов.

Полученные результаты позволяют лучше понять процессы формирования археологического памятника и по-иному взглянуть на методы археологических реконструкций. В ходе исследований, наряду со специальными археологическими и этнографическими методами в получении и обработке источников, использованы статистические и математические методы анализа, а также методы теории информации.

В работе представлена нетрадиционная для отечественной археологии постановка проблемы этноархеологического моделирования и использования этнографии тазовских селькупов в качестве источников для таких моделей. В отечественной науке и в сибирской археологии опыт подобных работ отсутствует.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В АРХЕОЛОГИИ

В настоящее время, когда отечественная археология разрабатывает новые концепции теоретико-методического арсенала, апробирует иные (не только марксистские) подходы к реализации своей основной задачи – восстановления прошлого в самом широком смысле, – появляется насущная необходимость в глубоком анализе существующих методов реконструкции, как в отечественной, так и в зарубежной археологии. Такой анализ поможет лучше осознать возможности и область применения различных методик, что, в свою очередь, обеспечит корректную постановку многих задач и реализацию разных подходов в области реконструкции на современном этапе развития науки.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1.1. Состояние проблемы в русской дореволюционной археологии (середина XIX – первая четверть XX вв.)

В середине XIX века русская археология предпринимала лишь первые шаги по пути становления профессиональной науки. Ее основу составляли археологи-любители, а первое общество археологов складывалось на «семейно-домашней» основе [Глушков, 1996. – С. 5]. Исследователи XIX века в определении задач и методов археологии, как правило, лишь косвенно указывали на возможные способы реконструкции общественного быта и отношений на основе ископаемого материала.

И. П. Сахаров один из первых обратил внимание на археологию как науку, восстанавливающую историю. В первом томе «Записок Отделения русской и славянской археологии русского археологического общества» он писал, что «археология исчезнувших народов отыскивает следы древних идей и народных верований, составляет его историю... из обломков протекших веков» [Сахаров, 1851. – С. 4]. Этой цели она может добиться, используя, наряду с вещественными, письменные источники. Несмотря на наивную прямолинейность подобных взглядов, сам факт, что автор не ограничивал задачи науки только источниковым анализом, имел для археологической теории того времени большое значение.

В 1874 году на III Археологическом съезде, состоявшемся в Киеве, аналогичную точку зрения отстаивали многие исследователи. В целом, историчность всегда была

свойственна русской науке. Даже тот факт, что археология включена в структуру исторического образования, уже указывает на осознание некой общности задач этих двух наук. Лидер русской археологии второй половины XIX века граф А. С. Уваров, не отделяя предмет археологии от предмета истории, считал, что они обе суть отрасли одной и той же общей науки «бытоописания народов» [Уваров, 1878. – С. 30]. Археологию, писал Уваров, следует понимать как «науку, изучающую древний быт народов по всем памятникам какого бы то ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа» [Уваров, 1878. – С. 21]. В этом его поддерживал Д. И. Иловайский, отмечавший, однако, что необходимо уточнение, «какие именно стороны быта археология призвана определить» [Иловайский, 1878. – С. 21]. Указывая на единый предмет истории и археологии, А. С. Уваров попытался выделить самостоятельный «археологический метод», при помощи которого наука достигнет поставленных целей. «Археологический метод, – писал А. С. Уваров, – обращает внимание не столько на вещественные памятники по преимуществу, сколько отыскивает во всяком источнике, как письменном, так и устном, ту детальную его сторону, которая раскрывает нам подробности, хотя и мелкие, но иногда так же нам важные, что они кажутся как бы еще живые остатки древнего быта» [Уваров, 1878. – С. 31].

В этом определении акцентирована идея методической значимости приемов извлечения информации из источников, хотя различные виды источников еще не дифференцированы в должной степени, не определен особый статус вещественных источников. Археологический метод здесь понимается не как особый метод особой науки, а как особый метод извлечения информации об историческом прошлом. Это была первая и единственная робкая попытка определить самостоятельный метод в археологии. Даже по прошествии времени эта мысль А. С. Уварова не кажется достоянием только историографии. Особенность современной археологии состоит в том, что все используемые (заимствованные) методы адаптированы к одной задаче – извлечению археологической и исторической информации. Они составляют суть археологической методики или археологического метода, то есть метода извлечения исторической информации.

Однако не только на решение исторических задач в целом была нацелена археология в представлении ученых XIX века. В центре ее внимания находился и человек – в самом широком контексте его взаимоотношений с окружающим миром.

Здесь нельзя не отметить точку зрения И. Е. Забелина. Хотя его взгляды выражены менее определенно, чем у А. С. Уварова, но в них также можно обнаружить моменты, связанные с проблемой образа жизни в прошлом. По мнению И. Е. Забелина, все науки являются науками о «творчестве жизни», а центральное место среди всех наук занимает антропология. С одной стороны, она изучает человека как часть природного мира, что сближает ее с естественными науками. С другой стороны, антропология исследует человеческое творчество во всех его видах. Особое место в этой науке занимает история культуры, которая, как считает автор, «в сущности, есть археология». Человеческое творчество И. Е. Забелин разделяет на «единичное» и «родовое». Археология изучает «единичное творчество человека в бесчисленных разнородных памятниках, вещественных и духовных», в то время как история воссоздает «творчество общественное». Для И. Е. Забелина задача археологии заключается «в раскрытии и объяснении законов единичного творчества, в раскрытии и объяснении путей, по

которым единичное творчество воссоздает творчество родовое или общественное, то есть историческое, в раскрытии и объяснении той живой, неразрывной связи, в какой постоянно находятся между собой творчество единицы и творчество целого рода или народа» [*Забелин, 1878.* – С. 17]. На подобные понятия «единичного и родового творчества» опирались В. В. Никольский и Н. В. Покровский.

Следует отметить, что, несмотря на вполне отчетливое осознание многими исследователями середины XIX века специфики археологического источника и методов его использования, всех их объединяет постановка задачи археологии как науки, способной раскрывать те или иные стороны общественного бытия в прошлом, хотя и сформулированы они недостаточно строго и определенно – «бытописание древних народов», «законы единичного творчества» и т. п.

Во второй половине XIX века в развитии наук о прошлом человечества происходят серьезные изменения, связанные с выходом работ Ч. Дарвина, признанием истории человека как части природной истории и проникновением эволюционной теории во все сферы научного познания.

Археологию многие стали рассматривать как естественно-историческую дисциплину, а исследованием древней истории человечества занялись антропологи, биологи, географы и др., активно внедряя методы своих наук в археологию (особенно это относится к археологии каменного века). Так, в археологии появляются два основных метода: типологический и сравнительный [*Городцов, 1908.* – С. 11]. Последний сыграл важную роль в реконструкции общественных отношений в прошлом. Он базировался на идеях американского этнолога Л. Моргана и английского – Э. Тайлора, основоположников эволюционной теории в первобытной истории.

Будучи сторонником поступательного развития человеческого общества от «дикости» к «цивилизации», Л. Морган в одном из своих фундаментальных трудов «Древнее общество» писал: «Следует заметить, что развитие человечества шло повсюду почти одинаково, что человеческие потребности при аналогичных условиях были по существу одинаковы и что проявления умственной деятельности, в силу видовой тождественности мозга всех человеческих рас, были однородны» [*Морган, 1934.* – С. 8]. Продолжая далее развивать свою мысль, Морган предлагал для облегчения исследования различных категорий фактов установить так называемые «этнические периоды», каждый из которых представляет определенное состояние общества и отличается свойственным данному периоду образом жизни [*Морган, 1934.* – С. 8]. Все человечество проходит одни и те же стадии развития культуры, независимо от каких-либо внешних факторов. «Прогресс оказывается, по существу, одинаковым в своем содержании у племен и наций, живших на различных и даже разобщенных континентах и находившихся на одной и той же ступени» [*Морган, 1934.* – С. 13].

Будучи автором «метода пережитков», Э. Тайлор считал, что «отсталые народы» являются наиболее удачным вариантом реконструкции первобытной истории. Он отмечал, что между свидетельствами, помогающими проследить действительный ход цивилизации, существует обширный класс фактов, в которые входят обряды, обычаи, воззрения и прочее (то есть все то, что составляет образ жизни. – А. К.), будучи перенесенными из одной стадии культуры (которой они действительно свойственны) в другую, более позднюю, они остаются живым свидетельством прошлого [*Тайлор, 1989.* – С. 28].

Таким образом, эволюционная теория открывала широкие возможности для обоснования сравнительного метода в археологии. В частности, она позволяла использовать обширный этнографический материал для археологических реконструкций практически без всякого критического анализа. Так, например, Б. С. Жуков считал одним из успехов русской науки «уничтожение формальных граней между погребенными и современными народами при их интерпретации, осознание существования различий лишь в методике собирания материала по этим культурам, в частности, в методах полевого анализа фактов в момент их обнаружения» [Жуков, 1927. – С. 15]. По мнению Б. С. Жукова, основными критериями сравнительного метода являются типичные и количественные признаки [Жуков, 1929. – С. 34].

Обосновывая значение сравнительного метода для археологии, В. А. Городцов подчеркивал, что наибольшую значимость этот метод приобретает именно в той части археологии, где речь идет о реконструкции прошлых событий [Городцов, 1923. – С. 19]. В лекциях по первобытной археологии в 1908 году В. А. Городцов писал, что сравнительный метод применяется, «когда требуется разгадать смысл и назначение непонятных памятников... Этот метод требует сравнения древних памятников или с предметами культуры современных первобытных народов, или с пережитками в культуре современных цивилизованных народов» [Городцов, 1908. – С. 11, 12]. Однако позднее, в 1923 году, в одном из своих фундаментальных трудов «Археология» В. А. Городцов на основании выдвинутого им закона индустриальной эволюции и причинности отмечал, что сравнительный метод заключается в сравнении схожих явлений и в разъяснении причин сходства и различия их происхождения и назначения. Главной целью метода в археологии является «выяснение культурных течений и влияний одних племен и народов на другие. Путем этого метода сравниваются древние культурные явления или соответствующие одновременные им явления культур современных народов» [Городцов, 1923. – С. 15]. Основу сравнительного метода, по В. А. Городцову, составляют количественные признаки. Для получения более объективной информации, считал автор, необходимо привлечение огромного материала «из всех культур земного шара и со всех времен их существования» [Городцов, 1923. – С. 20].

В целом следует признать, что в дореволюционной русской археологии в силу, выражаясь словами классиков 1920–1930-х годов, господства «сугубого эмпиризма и вещеведения» методы реконструкции древних социокультурных систем были разработаны крайне слабо или же не были разработаны совсем. Между тем, в ряде работ были обозначены некоторые принципы сопоставления археологического и этнографического материалов: Б. С. Жуков и В. А. Городцов указывали на то, что сравниваемые признаки должны быть типичными и количественными, то есть мерными и фиксируемыми.

В начале XX века при разработке В. А. Городцовым курса лекций по археологии все сведения о методах археологического исследования уместились на двух страницах [Генинг, 1983. – С. 47]. Среди этих методов к реконструкции образа жизни косвенное отношение имел лишь сравнительный метод, а все остальные были связаны либо с методикой полевых археологических исследований, либо с систематизацией и классификацией материала. На уровне реконструкции исследователей больше волновали задачи определения хронологических стадий и периодов, типологических

рядов, производимых в духе эволюционизма. Подход к задачам археологии сопровождался определенными недостатками, которые отражались и на выработке процедуры исследования. По оценке В. Ф. Генинга, археология делала только первые шаги в выработке своего предмета и объекта, методов и научного языка познания, поэтому вполне естественно, что ученых больше волновали проблемы накопления и систематизации материала, а также хотя бы приблизительное определение функционального назначения предметов [Генинг, 1983. – С. 53, 54].

В противовес эмпиризму, господствовавшему в русской дореволюционной археологии, молодые археологи марксистской школы во второй четверти XX века, внедряя новую материалистическую методологию в археологию, поставили задачу реконструкции общественных отношений на первое место.

1.2. Археологические дискуссии конца 20-х – первой половины 30-х годов XX века и проблема исторических реконструкций

Период второй половины 20-х – начала 30-х годов XX века отмечают как «всплеск» теоретической мысли в советской археологии, связанный с широкомасштабным внедрением методологии диалектического и исторического материализма в общественные науки [Глушков, 1983. – С. 3; Пряхин, 1986. – С. 108; Генинг, 1982. – С. 98]. В советской историографии это время определено тем, что «в стране рождается вооруженная концепциями диалектического и исторического материализма археология, выступающая как неотъемлемое звено исторической науки» [Пряхин, 1986. – С. 109]. Новый марксистско-ленинский фундамент определил дальнейшее развитие теории и методологии археологического познания. Многие исследования стали диктоваться идеологической направленностью, поскольку археология активно включилась в борьбу с буржуазными историческими концепциями [Пряхин, 1986. – С. 109].

Вместе с тем, внедрение марксизма и всеобщая социологизация исторических наук, как ни парадоксально, сыграли положительную роль в повороте археологии от «чистого вещеведения» в сторону социально-экономических реконструкций. По словам А. В. Арциховского, «археология имеет право на существование только лишь в том случае, если ее задачей является восстановление по памятникам материальной культуры общественно-экономических формаций. Систематика ради систематики никому не нужна» [Арциховский, 1929. – С. 137].

В рамках этого историографического этапа можно выделить два направления, разрабатывавших методы реконструкции древних общественных отношений. Эти направления развивались в рамках двух научных центров того времени – Института материальной культуры в Москве и Государственной академии материальной культуры в Ленинграде.

Первое направление получило в современной историографии название «новое направление» [Глушков, 1989. – С. 32]. Его представляли молодые московские археологи, ученики В. А. Городцова – А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев и А. П. Смирнов. В 1928 году они выступили на заседании «Общества историков марксистов» с докладом «Новые методы в археологии», в котором изложили идеи и методы восстановления общественно-экономической формации на основе археологического материала.

Исходя из главной задачи археологии: восстановление социально-экономических формаций на основе орудий труда – представители «новой археологии» выработали метод, получивший название «метод восхождения» [Арциховский, 1929. – С. 37].

По мнению А. Я. Брюсова, «восхождение от орудий труда и вообще материальных памятников к общественно-экономическим формациям должно корректироваться обратным заключением от последних к первым» [Брюсов, 1928. – С. 14].

Взяв за основу марксистскую теорию зависимости производственных отношений от производительных сил и орудий труда, представители «нового направления» свели предмет археологии к восстановлению общественно-экономической формации. По заявлению А. В. Арциховского, археология может «восстановить... древнюю систему производительных сил. Но если так, то отсюда мы можем восходить к системе производственных отношений, поскольку зависимость производительных сил и производственных отношений установлена марксизмом» [Арциховский, 1929. – С. 137, 138]. Марксистская социологическая схема здесь выступает в качестве аксиомы в доказательности предлагаемых реконструкций.

Существенное влияние на развитие «метода восхождения» оказали идеи В. А. Городцова, в частности, его закон индустриальной причинности: «...орудия труда являются настоящими рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед к большему совершенству. Чем разумнее соображены рычаги, тем выше поднимается культура. Отсюда можно сделать вывод, что улучшение орудий труда позднего времени является положительным признаком улучшения всего быта, улучшения в приготовлении жилищ, одежды и пищи, а все это вместе связывается с усовершенствованием разума и культивированием всей духовной деятельности вообще» [Городцов, 1923. – С. 148].

Все эти теоретические принципы позволили авторам «нового направления» сделать вывод о том, что, поскольку археология имеет дело с орудиями производства, которые определяют производительные силы, по орудиям и продуктам производства можно судить о приеме и масштабе трудовой деятельности. Далее, по количеству и качеству земледельческих орудий, а также по остаткам культурных злаков мы можем восстановить систему земледелия и его роль в хозяйстве [Арциховский, 1929. – С. 137]. Такой же путь предлагался и в отношении реконструкции скотоводства на основе анализа остеологического материала. В свою очередь, остеологический материал и разнообразие оружия, по мнению авторов, позволяют восстановить стадии и формы охоты. Продвигаясь дальше и анализируя материалы жилищ, поселений, шахт и т. д., разделяя их по типам (разовые жилища, мастерские, промысловая стоянка, город и т. д.), а также исследуя типы погребений, предлагалось установить количество людей, занятых в производстве [Арциховский, 1929. – С. 137]. При помощи такой процедуры по археологическому материалу сторонники «нового направления» предполагали восстановить древнюю систему производительных сил, а затем реконструировать систему производственных отношений. Для того чтобы реконструкции выглядели наиболее убедительно, авторы предлагали брать технику широких общественных групп, а не одного или нескольких однородных пунктов, определяемых термином «культура» [Арциховский, 1929. – С. 138]. Другими словами, сторонников «метода восхождения», так же, как и эволюционистов, интересовали общие «формационные» закономерности, а не детали и своеобразие культуры отдельных групп.

В докладе А. В. Арциховского отчетливо прозвучала мысль о том, что культуры необходимо изучать не разрозненно, а в совокупности, используя типологические аналогии и диффузию [Арциховский, 1929. – С. 139].

Следует отметить своеобразие понимания сторонниками «нового направления» термина «общественно-экономическая формация». По мнению И. Г. Глушкова, они вели речь не о «философской абстракции», как это сформулировано в марксизме, а либо о быте, либо о хозяйственном строе [Глушков, 1983. – С. 5, 6], что в полной мере отражает понятие образа жизни. Пытаясь совместить марксистскую социологию и «философию археологии В. А. Городцова», молодые исследователи сделали попытку переосмыслить наследие дореволюционной археологии и выработать теоретические основы советской археологии, где «верное определение предмета археологии нашло неверное отражение в методах реконструкции» [Глушков, 1983. – С. 7]. Тем не менее, как отмечал В. М. Массон, идеи московских ученых имели важное значение в понимании возможностей археологических источников давать информацию о хозяйстве и общественном устройстве древнего населения [Массон, 1980. – С. 19].

Будучи сторонниками идеи о самостоятельности археологической науки, способной своими средствами реконструировать прошлое, «новые археологи» совершенно исключали возможность использования данных этнографии в археологических исследованиях. «Наложение этнографических конкретностей в археологии мы отрицаем, – заявлял А. В. Арциховский, – это главная опасность в нашей науке» [Арциховский, 1929. – С. 14]. Вместо этнографии авторы предлагали обратиться к социологии. По оценке С. В. Киселева, примеры из этнографии могут быть лишь гипотетическими иллюстрациями, по сравнению с социологией они имеют слишком частный характер. На практике такой подход был применен автором в работе «Разложение рода на Енисее» [1933], где С. В. Киселев проанализировал весь археологический материал с точки зрения социологии. Однако, по оценке современной историографии, «жесткое ограничение содержания основных методов только археологией, с одной стороны, и только социологией – с другой, без привлечения данных других наук, делает этот метод порочным» [Глушков, 1983. – С. 9].

Злоупотребление социологическими схемами в археологии 1930-х годов не раз отмечалось отечественными исследователями [Генинг, 1982. – С. 190–196; Пряхин, 1986. – С. 134, 135]. Некоторые ученые рассматривают социологический схематизм как закономерный процесс реакции на буржуазную, вещеведческую науку и утверждение единой и стройной марксистской концепции в истории [Генинг, 1982. – С. 180].

В ходе развернувшейся в начале 1930-х годов дискуссии по проблемам археологии подобные взгляды были подвергнуты жесткой критике со стороны представителей ленинградской школы. Основной удар был направлен на тезис о самостоятельности археологической науки и отрицание использования данных других наук. Итогом этих дискуссий стало признание сторонниками «метода восхождения» археологии как части исторической науки. В 1932 году на страницах сборника ГАИМК появилась статья, где авторы расквасились в допущенных ошибках «нового направления» и признавали, что недооценили значение лингвистического и этнографического материалов для исторической реконструкции [Арциховский, Киселев, Смирнов, 1932. – С. 47].

Второе направление, развивавшееся в Ленинграде в стенах Государственной академии истории материальной культуры, связано с именем лингвиста академика

Н. Я. Марра. Его идея «стадиальности» оказала серьезное влияние на таких ученых, как В. И. Равдоникас, И. И. Смирнов, И. И. Мещанинов и др. Заняв господствующее положение в археологии того времени, ленинградская школа умело спекулировала идеологической конъюнктурой в науке. Многие методологические и теоретические разработки не столько строились на научной логике, сколько определялись социально-политическим заказом. По оценке Г. С. Лебедева, «утверждение новой методологии проходило в условиях острой и неравной, развернувшейся далеко за пределами археологии, идеологической борьбы» [*Лебедев Г. С., 1992. – С. 429*]. Эта борьба доходила до такой крайности, что многие идеи марксизма приходилось навязывать насильно. «Для тех, кто марксистски мыслить не может, – писал С. Н. Быковский, – должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснение и убеждение» [*Быковский, 1931. – С. 21*].

Спроецировав учение Н. Я. Марра на археологию, молодые ученые пришли к выводу о том, что археологические культуры отражают те или иные стадии общественного развития, а смена этих культур есть не что иное, как революция, порожденная внутренним развитием общества. В связи с этим отрицались возможности взаимовлияния и миграций культур. Эти понятия вообще изгонялись из археологии. Изменения культуры объяснялись «скачками» общественно-экономического развития [*Лебедев Г. С., 1992. – С. 430*]. В дискуссиях 1930-х годов теория «стадиальности» приобретала ярко выраженный догматический характер, и в начале 1950-х годов, после выхода работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», теория Н. Я. Марра была ниспровергнута [*Арциховский, 1953. – С. 51–69; Борисковский, Окладников, 1953. – С. 70–93*].

Тем не менее, нельзя отрицать то положительное, что внесла эта теория в развитие советской науки вообще и археологии, в частности. Как отмечают некоторые исследователи, «роль Н. Я. Марра в становлении марксистской методологии первобытной истории велика, несмотря на все его ошибки. Требование создания реконструкции первобытного общества с позиции комплексного подхода явилось основной директивой для ленинградских археологов. Это было особенностью ленинградской школы и немало способствовало в дальнейшем развитию истории материальной культуры» [*Глушков, 1983. – С. 13*].

Одним из наиболее активных проводников идей Н. Я. Марра в археологии был выдающийся советский археолог В. И. Равдоникас. Будучи сторонником комплексного метода, он призывал к использованию этнографического материала для археологических реконструкций социальных и общественных систем прошлого. «Без этнографии, – пишет он, – вещевой скелет давно умершего общества не облечешь живой плотью общественного целого» [*Равдоникас, 1930. – С. 21*]. Основное требование комплексного метода, по мнению В. И. Равдоникаса, заключается в применении массового материала, а не в изучении единичных и редкостных вещей. При этом основной единицей историко-археологического исследования выступают так называемые «культурные комплексы», представляющие всю материальную культуру данного конкретного общества в данный момент или отрезок его развития, в ее конкретном своеобразии, во взаимной связанности отдельных элементов культуры друг с другом и со всеми могущими быть учтенными общественными явлениями [*Равдоникас, 1930. – С. 30*]. Для этого В. И. Равдоникас предлагал использовать

самый разнообразный круг данных (материалы могильников, поселений, письменных и этнографических источников). «Внутри установленных таким образом культурных комплексов-разрезов вещевой материал изучается под углом зрения его социальной значимости по группам, объединенным социально-функциональными признаками. Восстанавливаются все виды существовавших на фоне географической среды производств, выявляются мельчайшие подробности быта, расшифровываются все наличные указания на идеологические представления, реконструируются «отношения по производству» и т. д., пока материально-культурный комплекс не будет понят как именно живая часть живого общественного целого. В этой сложной работе нужно пользоваться разнообразными приемами: и сравнительным методом, и палеонтологией речи и быта, и имманентным истолкованием культурных остатков» [*Равдоникас, 1930. – С. 31*].

Одним из важных моментов в концепции В. И. Равдоникаса является положение о выявлении закономерностей опредмечивания человеческой деятельности. «Сближение археологии с этнографией, – пишет он, – следует понимать не в смысле этнологизирования археологии, что является ошибочным руководящим принципом современной палеоэтнологии, но в смысле социологизирования. Дело совсем не в том, чтобы давать этнические определения тем или иным комплексам археологических находок, а в следующем. Если между элементами общества, например, между его производительным базисом и надстройкой, существует закономерная связь, то, установив конкретные формы этой связи путем изучения жизни современных отсталых обществ, мы можем отправляться от тех или иных найденных археологических элементов, особенно таких важных, как орудия труда, как техника производства, восстанавливать в главных чертах всю древнюю общественно-экономическую формацию» [*Равдоникас, 1931. – С. 6*]. К сожалению, на эту мысль В. И. Равдоникаса в то время не обратили должного внимания. Не получила она развития и в работах самого автора, хотя именно эта идея является наиболее перспективной для развития теории и методологии реконструкций образа жизни в прошлом. По словам И. Г. Глушкова, преимущество такого подхода заключается в конкретизации социологических реконструкций, так как «интерпретация археологических комплексов происходит, с одной стороны, на основе знания общих социологических закономерностей, с другой – на основе закономерностей, установленных этнографией для конкретных обществ» [*Глушков, 1983. – С. 14*]. По существу, В. И. Равдоникас предлагал этнографическое моделирование с целью археологической реконструкции, то есть то, чем сегодня занимается этноархеология. К сожалению, этот важный методологический принцип не нашел конкретного методического решения, а, следовательно, остался на уровне простой декларации.

В начале 30-х годов XX века А. В. Шмидт попытался обосновать идею использования этнографических аналогий для археологических реконструкций в русле эволюционной теории. Он определил три критерия археолого-этнографических параллелей. Первый, и наиболее важный с точки зрения автора, – принцип стадильности. А. В. Шмидт отметил, что прежде, чем привлекать этнографический материал, необходимо определить, соответствует ли он изучаемым памятникам стадильно [*Шмидт, 1932. – С. 14*]. Это соответствие определялось в рамках общей историко-материалистической концепции эволюции. Второй принцип сравнения – природно-географическое соответствие,

то есть реконструкции будут наиболее точными, если аналогии брать из схожих экологических условий. В качестве третьего принципа автор предлагает наличие генетической связи между археологической и этнографической культурами.

Мало что изменилось в отечественной науке в плане разработки критериев сопоставления археологического и этнографического материалов. По-прежнему в русле эволюционной теории сопоставляются данные этих наук – единство социально-экономического уровня, соответствие географических условий и генетическое родство [Матющенко, 1976; Грачева, Хлобыстин, 1981]. Но совершенно очевидно, что данная эволюционная концепция исчерпала свой теоретический потенциал и не способна дать качественный прирост знания. Как бы корректно ни совершалось сопоставление, критерии верификации полученных таким образом моделей отсутствуют.

Вместе с тем, применение комплексного метода в изучении первобытной истории, привлечение данных различных наук, а также определение некоторых критериев соотношения археологического материала и данных этнографии было серьезным шагом вперед на пути построения реконструктивной теории в археологии. Оценивая теоретические дискуссии тех лет с точки зрения современной науки, необходимо отметить, что в целом послужив хорошим толчком для развития археологической науки, определения ее предмета, объекта и методов исследования, историко-материалистическая концепция марксизма, превратившись в орудие политической борьбы, не обеспечила теоретического разнообразия и не позволила развиваться многим плодотворным идеям.

Со второй половины 30-х годов XX века отмечается резкий спад теоретической активности в советской археологии и переход к эмпирическим обобщениям [Клейн, 1977. – С. 14; Глушков, 1989. – С. 31–39]. По оценке некоторых исследователей, внешним поводом для этого послужило постановление Совнаркома и ЦК ВКПб от 16 мая 1934 года, которое было направлено против социологизации гражданской истории и серьезным образом сказалось на развитии археологии [Глушков, 1983. – С. 33; Лебедев Г. С., 1992. – С. 141].

Сталинские репрессии, а затем война унесли жизни многих талантливых археологов молодого советского поколения. Во многом изменился и ракурс археолого-этнографических сопоставлений. Результаты археологических исследований подверглись резкой этнологизации, что было связано как с внешними для науки обстоятельствами (социальный заказ), так и с развитием самой археологии (стремление к историзму). Причем этнологизация осуществлялась в русле все той же эволюционной теории с использованием тех же критериев, предложенных А. В. Шмидтом, с той лишь разницей, что в теоретических и практических исследованиях акценты сместились на изучение генетического родства. Это проявилось в интенсивной разработке этногенетической проблематики.

1.3. Методы реконструкции образа жизни в советской археологии (40–80-е гг. XX в.)

«Возобновление археологических работ и исторических исследований в послевоенные годы в ответ на требования общественного самосознания, многократно усиленное официальным восхвалением и пропагандой патриотизма, сопровождалось

углублением внимания к этнической проблематике, вопросам происхождения и этнической истории народов Союза» [Лебедев Г. С., 1992. – С. 431].

В ходе дискуссий 20-х – первой половины 30-х годов XX века по вопросам теории и методологии науки, проходивших в духе тотального внедрения марксизма в археологию, прочно утвердилась историко-материалистическая концепция общественного развития.

Советская археология стала частью исторической науки. В первом номере журнала «Советская археология» (1936 г.) было дано следующее определение: «Археология есть историческая наука, имеющая своей задачей добывание, оформление и изучение вещественных памятников в качестве исторических источников. Для истории более древней первобытно-коммунистической эпохи, когда еще не существовало фонетической письменности, вещественные памятники часто являются почти единственными видами источников, по которым мы можем с учетом данных этнографии, лингвистики и фольклора реконструировать и изучать исторический процесс» [СА. – № 1. – С. 1]. Задача реконструкции общественных отношений в прошлом стала одной из важнейших для археологии. Однако на деле археологические материалы использовались в качестве иллюстраций социологической теории общественного развития. Точнее, сама теория была изложена системой тщательно отобранных фактов. Интересно, что в археологической литературе этого периода чаще встречается термин «интерпретация», а не «реконструкция».

Тем не менее, несмотря на «монолитное единство» советской археологической науки, в ней можно выделить несколько самостоятельных направлений, авторы которых пытались создать свои методы реконструкции прошлого образа жизни.

Этногенетическое направление

Как уже отмечалось, в конце 1930-х – начале 1940-х годов перед советской археологической наукой была поставлена задача борьбы с шовинистическими построениями германских ученых, а также обоснования идеи об исторических закономерностях сложения новой исторической общности «советский народ». В этой связи большую популярность приобрела тема этногенеза и увязки археологических культур с современными этносами и народами. «В успехе нашей науки по этногоническим проблемам, – писал в те годы М. И. Артамонов, – существенную роль сыграла Великая Отечественная война. Перед советской наукой встала задача борьбы с фашистскими «историческими построениями». Этногонические проблемы приобрели острую политическую актуальность» [Артамонов, 1949. – С. 4]. С этого времени многие археологи в понятие «археологическая культура» стали вводить обязательный набор каких-либо этнических признаков. Так, например А. Я. Брюсов писал: «Археологические культуры... отражают в своем единстве своеобразии техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы родственных племен» [Брюсов, 1952. – С. 20]. Еще категоричнее по этому поводу высказался М. Ю. Брайчевский: «Под археологической культурой мы понимаем такие ассоциации археологических явлений, которым, безусловно, соответствуют определенные этнические единства. Культуру, которой бы не отвечала одна и только одна этническая общность людей, мы не признаем культурой» [Брайчевский, 1965. – С. 31].

Таким образом, если под археологической культурой понимать обязательный набор этнических признаков, то появляется возможность связать эти культуры с ныне

живущими этносами по тем же признакам. А это, в свою очередь, дает возможность на основе всего комплекса культуры того или иного этноса реконструировать образ жизни ископаемых культур. Проблема заключалась лишь в том, какие именно признаки способны наиболее убедительно отразить этническую специфику. По этому вопросу среди археологов не было абсолютного единства мнений.

С точки зрения М. Е. Фосс, единственным возможным критерием определения этнической принадлежности археологического комплекса может быть керамическая орнаментация, так как все остальные предметы материальной культуры в большинстве своем отражают не этнические особенности, а географические [Фосс, 1952. – С. 66, 69].

Не соглашаясь с таким категоричным заявлением, А. А. Формозов попытался обосновать идею о том, что каменные орудия также могут служить этнизирующими элементами культуры. Проведя детальный анализ каменных орудий с привлечением обширного этнографического материала, он пришел к выводу, что «хотя на производственном инвентаре каменного века отражается и различие в занятии населения, тем не менее, орудия производства могут служить материалом для изучения этнической истории. Наибольшее значение при этом приобретает изучение деталей орудий, не связанных непосредственно с производством, и выявление орудий-эквивалентов, распространенных в разных районах, но выполняющих одинаковые функции» [Формозов, 1957. – С. 47].

Кроме перечисленных версий, в качестве этнизирующих признаков предлагалось использовать технику выделки керамики [Кожин, 1964. – С. 53–58], устройство жилищ, способы погребения [Третьяков, 1962. – С. 36–44; Артамонов, 1948. – С. 133; Крупнов, 1957. – С. 69] и так далее.

Вместе с тем М. И. Артамонов указывал на то, что «невозможно указать общий принцип, который следует положить в основу отбора этнографических признаков в археологических данных» [Артамонов, 1949. – С. 11]. В каждом отдельном случае археолог должен сам решать, насколько признаки, находящиеся в его распоряжении, могут служить для этнической интерпретации. «Важно количество и качество наблюдений, – пишет М. И. Артамонов, – все дело только в том, чтобы их (признаки – А. К.) заметить и учесть» [Артамонов, 1949. – С. 12]. Таким образом, в исследовательскую процедуру привносился крайний субъективизм: выводы становились непроверяемыми, усиливалось значение веры в авторитеты.

Этногенетический принцип, положенный в основу археологических реконструкций, привел к тому, что археологи стали совершать «методологически и методически ничем не оправданный прыжок от археологических культур к этносам» [Глушков, 1993. – С. 63] и наоборот.

Исходя из этих положений, А. П. Окладников еще в 1934–1938 годах предпринял попытку реконструировать хозяйственную и общественную жизнь древнего населения Прибайкалья и Амурского бассейна, основываясь на их связи с современными эвенками, нивхами, ульчами, нанайцами и айнами [Окладников, 1938]. Одним из важнейших оснований для подтверждения генетической связи населения неолита и ранней бронзы с современными этносами послужило антропологическое сходство, установленное Г. Ф. Дебецем и Я. Я. Рогинским [Дебец, 1930; 1941]. Вот классическая для того времени система доказательности этногенетического родства, ставшая основой дальнейших археолого-этнографических сопоставлений.

«Если в культуре современных тунгусских племен, – писал А. П. Окладников, – найдутся какие-либо общие черты с культурой древнего населения Прибайкалья, то при наличии их антропологической близости это будет означать, что факт прямого этногенетического родства между современными тунгусами и неолитическим населением Прибайкалья действительно является «этнографической реальностью», то есть, говоря иными словами, что современные тунгусы и на самом деле устойчиво сохранили как черты характерного физического облика, так и самобытной культуры своих предков, проживавших на этой территории несколько тысяч лет назад» [Окладников, 1950. – С. 40].

Перечисляя таким образом характерные черты хозяйства, материальной культуры, социальной организации, искусства, идеологии современных этносов, автор заключает: «...следует признать, что основные черты этого этнографического комплекса, который характерен для тунгусских племен Прибайкалья, и их антропологический тип уже почти полностью были представлены в пределах этой территории в глазковское время, т. е. около трех-четырёх тысяч лет назад» [Окладников, 1950. – С. 44].

Этногенетические исследования вылились в написание «Древних историй» в русле классической эволюционной (стадиальной) схемы. Работы были написаны В. Н. Чернецовым – «Древняя история Нижнего Приобья», А. Я. Брюсовым – «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху», М. Е. Фосс – «Древнейшая история Севера Европейской части СССР» и другими исследователями [Чернецов, 1953; Брюсов, 1952; Фосс, 1952; Киселев, 1949; Окладников, 1950а]. Все работы выполнялись по типичной для того времени схеме: описание археологического материала, классификация, хронология, хозяйство, общественное устройство, духовная культура.

Главный недостаток таких работ заключается в отсутствии каких-либо теоретических и методических приемов, доказывающих правомерность этнографических аналогий, за исключением внешнего сходства. Прыжок из археологической культуры в этнос и обратно оправдывался расширением предмета археологии до предмета истории, а также тем, что «в конце 40 – начале 50-х годов система археологических фактов была построена на основе знания общих закономерностей исторического развития, установленных социологией» [Глушков, 1989. – С. 36].

В 1960–1970-е годы политическая актуальность темы этногенеза значительно снизилась. В этот период растет интерес к теоретическому обоснованию этногенетических построений, где главное внимание уделяется проблеме соотношения понятий «археологическая культура» и «этнос» [Захарук, 1964; Монгайт, 1967; Арутюнов, Хазанов, 1979].

Поскольку этногенетическое направление нас интересует в связи с проблемой социокультурных реконструкций, то мы рассмотрим только те работы, которые имеют к этому непосредственное отношение.

Особую актуальность тема этногенетической связи археологических и этнографических культур приобрела в исследованиях по первобытной истории Западной Сибири, поскольку в этом регионе сохраняются этносы, ведущие традиционный архаичный образ жизни. Генетическая связь современных этносов с прошлыми культурами для многих исследователей стала основанием проведения археолого-этнографических параллелей. Проблема комплексных археолого-этнографических исследований не раз

становилась предметом региональных конференций и совещаний. Однако, несмотря на громкие заявления со стороны археологов и этнографов по поводу более строгого и объективного подхода к использованию этнографической информации в археологических реконструкциях, каких-либо существенных результатов в этой области так и не достигнуто.

По заявлению В. И. Матющенко, сделанном на Томском археолого-этнографическом совещании в 1976 году, «советская археологическая наука, имея своей целью изучение истории первобытного общества, в вопросах реконструкции социальной организации первобытности руководствуется основными методологическими положениями теории марксизма о развитии общества, в частности, о развитии форм общественной организации первобытно-общинной формации» [Матющенко, 1976. – С. 5]. Таким образом, марксистская концепция и в конце 1970-х, и в 1980-е годы продолжала определять общую направленность теоретико-методологических концепций советской археологии.

Формулируя основные принципы этнографических аналогий для археологических реконструкций, Г. Н. Грачева и Л. П. Хлобыстин предлагали следующее: «...во всех случаях для аналогий надо использовать материалы культуры народов: а) обитающих в природных условиях, близких экологической обстановке древнего коллектива, б) находящихся на одном или близком уровне развития производительных сил, в) имеющих возможное происхождение от изучаемого или близкого ему древнего сообщества. Особое внимание следует обращать на традиционные, архаичные черты культуры народа, с которым производится сопоставление» [Грачева, Хлобыстин, 1981. – С. 135]. Такого же мнения придерживались и другие археологи.

Говорить о новизне подобных предложений вряд ли уместно, поскольку те же принципы были сформулированы еще в начале 1930-х годов А. В. Шмидтом. Методологический тупик в таком сопоставлении археологических и этнографических материалов привел к абсолютизации личностных качеств исследователя, его навыков и умений. Основным критерием объективности служили авторитет и профессиональные качества ученого. «Умение находить и объективно осмысливать археолого-этнографические параллели при реконструкции» – одно из важнейших условий, по мнению М. Ф. Косарева, выхода на исторический уровень археологического исследования [Косарев, 1984. – С. 20].

В последние годы разработкой нового направления, находящегося на стыке археологии и этнографии, занимается группа омских археологов и этнографов под руководством Н. А. Томилова [Томилов, 1996]. Исследования проводятся на базе так называемых «этнографо-археологических» или «археолого-этнографических» (ЭАК) комплексов с использованием ретроспективного метода. Основу таких комплексов составляют «этнически определяемые археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией» [Томилов, 1993. – С. 40]. Помимо этнографической информации в работе широко используются письменные источники. Для увеличения надежности и повышения информативности производимых реконструкций авторы ЭАК предлагают либо расширить пути привлечения возможных этнографических, лингвистических, антропологических и прочих параллелей на больших территориях [Томилов, 1995], либо сузить их до изучения малых этнокультурных групп при расширении круга источников [Мельников, 1996. – С. 26].

В основе этих исследований также находится этногенетический принцип, а оценочный критерий доказательности предлагаемых реконструкций основан на личностных качествах исследователя, на вере в его профессионализм. По словам Н. А. Томилова, «значительный эффект может быть достигнут в том случае, если эта работа выполняется специалистами с достаточно высоким уровнем знаний и опыта работы как в археологии, так и в этнографии» [Томилов, 1993. – С. 38].

Разумеется, опыт, квалификация и научная интуиция играют важную роль в процессе познания, однако вряд ли они могут быть выдвинуты в качестве аргументов доказательности научных реконструкций. Необходимо отыскивать независимые источники проверки предположений о прошлом. Именно на такие исследования следует направить научный поиск в археологии.

Функционально-технологическое направление

Ограничение задач археологии источниковедческим анализом, последовавшее после бурных дискуссий 1920-х – первой половины 1930-х годов, способствовало росту эмпиризма в советской археологии [Глушков, 1989]. Реакцией на идеологический детерминизм в археологических реконструкциях стало обращение к более глубокому анализу вещественных источников. По сравнению с дореволюционным «вещеведением», «это были не просто идеографические исследования..., а работы, в которых дана полноценная, добротная критика источников с выходом на его археологическую интерпретацию» [Глушков, 1989. – С. 34].

С первых лет деятельности ГАИМК в ней проводились исследования технологического анализа артефактов с целью установления функционального назначения предметов. Одним из первых такие работы предпринял М. Ф. Фармаковский. В дальнейшем они были продолжены М. П. Грязновым, который разработал «функциональный» метод. Исследования в этом направлении осуществлял С. А. Семенов, предложивший так называемый «трасологический» метод [Лебедев Г. С., 1992. – С. 437]. Авторы ставили перед собой задачи извлечения как можно большего количества информации из археологических источников с целью более объективной реконструкции первобытной истории.

В 1950–1960-е годы в связи с научно-техническим прогрессом, развитием таких наук, как физика, химия, кибернетика и так далее, значительно расширился диапазон использования естественнонаучных методов в археологии. Вместе с этим значительно увеличилось использование математических и статистико-комбинаторных методов. Появились такие дисциплины, как металлография, дендрохронология, спектрография, петрография и другие.

Функционально-технологический подход, основанный на данных точных и естественных наук, резко противопоставлялся гуманитарной расплывчатости «историко-археологического» толкования по причине его голого субъективизма [Лебедев Г. С., 1992. – С. 437].

Первая лаборатория исторической технологии была открыта в 1955 году в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. В нее вошли группы радиоуглеродного датирования, химического и спектрального анализов и другие. Несколькими позднее в Москве в Институте археологии и на кафедре археологии Московского университета также образовались группы по внедрению «новых методов» в археологию [Колчин, 1965. – С. 7].

Для проведения реконструкции древних социально-экономических отношений результаты технологических исследований анализировались при помощи комплексного историко-теоретического метода. В ходе таких исследований появлялась возможность определить уровень технологического развития того или иного древнего производства (каменной индустрии, металлургии, керамического производства и т. д.), степень специализации, источник сырьевых баз и их связь с ремесленниками. Это, в свою очередь, предоставляло возможность реконструировать производительность труда и уровень развития древнего хозяйства.

Признавая большое значение естественнонаучных методов для археологических реконструкций и положительно оценивая достижения советской археологии в этом отношении, необходимо заметить, что отсутствие общей теории перевода источниковедческой археологической информации на язык исторических реконструкций во многом затрудняет выполнение задач социокультурных построений.

В 1960–1970-е годы эту проблему некоторые археологи пытались решить путем сплошных раскопок древних поселений и могильников на основе комплексного исследования, используя данные как естественных, математических, так и исторических наук.

Классическим примером такого исследования является работа В. М. Массона «Поселение Джейтун» [1971]. В ней автор представил развернутую картину археологической реконструкции с использованием методов палеогеографии, геоморфологии, реконсцировки, почвоведения, палеоботаники, статистики и других.

При всей положительной оценке таких работ следует отметить их единичный характер, а также то, что вся историческая реконструкция основывалась на общесоциологической схеме материалистического понимания истории первобытного общества. Для более продуктивного использования методов функционально-технологического направления необходима развернутая программа с целостной теоретико-методологической базой, «охватывающая кросскультурными исследованиями отдельные категории источников» [Глушков, 1996. – С. 3].

Такие работы в период конца 1980-х – первой половины 1990-х годов успешно проводились «Лабораторией экспериментальной археологии» Тобольского государственного педагогического института под руководством И. Г. Глушкова. Опубликованы статьи, монографии, в которых излагаются основные принципы, подходы и методы исследования (напр., Глушков, 1996; Глушков И. Г., Глушкова Т. Н., 1992).

Экологическое направление

Об экологической обусловленности формирования и развития культуры в отечественной археологии впервые заговорили в конце XIX – начале XX веков представители палеоэтнологического направления. Формирование этих взглядов связано с именем выдающегося русского географа Д. Н. Анучина. Занимаясь вопросами антропологии, он рассматривал географический фактор в неразрывной связи с проблемой развития человеческой деятельности [Генинг, 1982. – С. 78]. Его последователь Б. С. Жуков, лидер московской школы палеоэтнографии 1920-х годов, в целом придерживаясь комплексного метода изучения первобытной истории, также на первое место ставил природный фактор в совокупности с признаками географического ландшафта [Генинг, 1982. – С. 80].

Однако по причине социологизации и марксистизации археологической науки в конце 1920-х – начале 1930-х годов идеи палеоэтнологов подверглись жесткой критике и были ниспровергнуты, а вместе с этим утратила свое значение концепция природно-географического фактора. Лишь в последние десятилетия в связи с углублением экологического кризиса и обращением к проблеме взаимодействия человеческой культуры и природной среды значительно выросла популярность экологического подхода. Этот подход в настоящее время является одним из перспективных в этнологии и археологии именно на реконструктивном и объяснительном уровнях.

Появившись в 50–60-е годы XX века в американской антропологии в рамках неозволюционных идей Л. Уайта и Дж. Стюарда, концепция культуры как целостного адаптивного механизма проникла в отечественную науку благодаря работам Э. С. Маркаряна, который считал «адаптацию» фундаментальным свойством саморегулирующихся систем [Маркарян, 1981. – С. 96]. При этом автор подчеркивает, что рассмотрение общественной жизни в «адаптивной системе отсчета» имеет ряд принципиальных различий между ними и процессами биоэволюции, которые базируются на двух взаимопредполагающих методологических операциях. Во-первых, создание общей интегральной перспективы рассмотрения этих качественно различных путей развития жизни, связанной с нахождением присущих им инвариантов; во-вторых, установление фундаментальных специфических проявлений человеческого общества как адаптивной системы [Маркарян, 1981. – С. 97].

Ссылаясь на то, что западная наука, несмотря на длительное использование понятия «адаптация», так и не смогла найти приемлемой формулировки, способной четко определить качественно особый класс человеческого общества как адаптивной системы, Э. С. Маркарян предлагает решить эту проблему с позиции историко-материалистического мировоззрения. Он относит человеческое общество к особому классу «универсальных адаптивно-адаптирующих систем», где приспособительный эффект достигается не путем генетической перестройки, как это происходит в биоэволюции, а путем материального преобразования природы» [Маркарян, 1981. – С. 98]. В рамках этой теоретической концепции автор выделяет два плана исследований: «локально-экологический» и «формационно-экологический». Сочетание обоих планов, по мнению Э. С. Маркаряна, позволит не только выявлять конкретные локальные особенности адаптивных систем, но и обеспечит «генерализацию общих черт, присущих различным способам существования людей» [Маркарян, 1981. – С. 105]. Своими идеями Э. С. Маркарян привлек внимание многих отечественных этнологов и отчасти – археологов.

В 1984 году вышла работа М. Ф. Косарева «Западная Сибирь в древности», в которой автор попытался выйти на объяснительный уровень в археологии, используя экологическую концепцию. Подчеркнув явную диспропорцию между источниковедческим и интерпретационным уровнями археологического исследования, М. Ф. Косарев пишет: «Можно без преувеличения сказать, что вне «экологизации» археологической науки нельзя плодотворно разработать такие важные проблемы древней истории Сибири, как факторы изменения форм экономики (в частности, предпосылки становления производящего хозяйства), причины расцветов и упадков древних культур, условия неравномерности исторического развития населения различных районов, региональные особенности материальной и духовной культуры первобытных

обществ, причины, содержание и социальные последствия древних миграций и так далее» [Косарев, 1984. – С. 25].

К пониманию общественных процессов прошлого М. Ф. Косарев подходит, используя две теоретические посылки. Первая, основанная на экологическом подходе, заключается в существовании общих региональных и эпохальных закономерностей адаптации человеческих коллективов к окружающей среде. Вторая вытекает из наблюдений Л. Бинфорда и, подтвержденная специалистами по экологии, состоит в том, что «первобытным людям не было свойственно стремление к улучшению хозяйства и орудий труда до тех пор, пока их не вынуждали к этому изменения окружающей среды» [Косарев, 1984. – С. 4, 49].

В экологическом подходе к археологическим реконструкциям М. Ф. Косарев выделяет три направления: 1) исследование миграционных процессов, поскольку именно в них наиболее наглядно представлены пути приспособления человеческих коллективов к иному естественно-географическому, социально-экономическому и этнокультурному окружению; 2) исследование переходных историко-археологических эпох; 3) исследование фактов и проявлений неравномерности социально-экономического развития [Косарев, 1988. – С. 4, 7, 9].

Осознавая тот факт, что археологический материал не дает прямой информации о социокультурных отношениях в прошлом, автор предлагает, наряду с экологическим подходом, использовать традиционный палеоэтнографический (этноархеологический) и сравнительно-исторический подходы. Именно эта сторона концепции М. Ф. Косарева представляется наиболее слабой, поскольку в отечественной науке указанные методы остаются методологически не обоснованными. Они опираются на устаревшую историко-эмпирическую концепцию реконструкций, где предпочтение отдается профессиональным качествам и интуиции исследователя, а не независимым фактам проверки предположений о прошлом. «Тактика палеоэтнографического подхода, – пишет М. Ф. Косарев, – заключается в выборе наиболее подходящей этнографической модели реконструированного археологического явления» [Косарев, 1988. – С. 12]. Но автор ничего не говорит о построении самих этнографических моделей, в которых прослеживалась бы связь между деятельностью человека и ее материальным отражением. По его мнению, «любая этнографическая параллель, характеризующая экологическую обусловленность археологического явления, а, следовательно, и его реальность, является одновременно и моделью этого явления, основой его реконструкции» [Косарев, 1988. – С. 13]. Думается, что одной экологической обусловленности явления недостаточно для археологической реконструкции социокультурных процессов древности. Необходима более развернутая программа построения теории опредмечивания человеческой деятельности в любых условиях и на различных уровнях. Эта программа позволит выявить определенные универсальные законы поведения человека, выраженные в свойствах и распределении материальных остатков.

В данном случае вряд ли можно согласиться с М. Ф. Косаревым относительно невозможности создания жестких механизмов археолого-этнографических реконструкций, пользуясь которыми археолог будет приходить к правильным и бесспорным выводам [Косарев, 1984. – С. 21]. Разумеется, вывести формулу для бесспорных реконструкций очень сложно, если вообще возможно, но создать механизмы проверки наших предположений, ограничивающие фантазию и субъективизм исследователя

обоснованными фактами, просто необходимо. Работы в этом направлении уже практически 50 лет ведутся зарубежными учеными. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть опыт англо-американской археологии.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1.4. «Археология как антропология»

В 40–50-е годы XX века начался новый этап в развитии американской и западноевропейской археологии. Он связан с глубокими изменениями, произошедшими в социально-культурной антропологии, и поворотом к эволюционизму.

В послевоенные годы зарубежная наука переживала серьезный кризис, связанный с отсутствием общей теории. Возрождение эволюционизма явилось своего рода реакцией на полувековое засилье диффузионизма, основанного на эмпиризме и релятивизме и не способного обеспечить теоретическую базу науки. В 1967 году Э. Констас писала: «Когда Франц Боас и его ученики завершили общую критику идей Л. Моргана, его прямолинейная схема общественного развития лежала в развалинах. Однако критиковать теорию легче, чем пытаться улучшить ее, и сторонники Ф. Боаса так и не сумели заменить разрушенное новой концептуальной структурой. В результате стали господствовать научный эмпиризм и релятивизм, которым особенно способствовала манера Боаса трактовать всякую новую теорию как «незрелое обобщение», подчеркивая при этом первоочередную важность задачи сбора возможно большего объема полевого материала в среде быстро вымирающих примитивных обществ. Ф. Боас, Р. Лоуи и другие сделали нечто большее, чем просто отвергли идеи Л. Моргана, они создали теоретический вакуум, который, как предполагал еще А. Кребер, выбивает почву из-под ног антропологии как науки» [*Constas, 1967. – P. 459*].

В археологии этот кризис проявлялся не в меньшей степени. Отсутствие общей теории, несоответствие старых методов исследования возросшему объему информации, а также оторванность археологии от смежных историко-социальных дисциплин вызвали реакцию со стороны молодых американских археологов (Binford L., Phillips P., Willey G. и др.). В 1950–1960-е годы в американской археологии формируется новое направление, получившее название «процессуальная», или «новая» археология. «Новые археологи» ставили перед собой задачи объяснения процессов, происходящих в прошлом, на основе материальных остатков. Пути решения этой задачи они видели в сближении археологии с антропологией, где в качестве теоретического фундамента должна выступить концепция эволюционизма. По словам лидеров «процессуальной археологии» Г. Уилли и Дж. Саблова, «все подходы в новой археологии возможны только в рамках культурно-эволюционной теории» [*Sabloff, Willey, 1974. – P. 183*]. С ними соглашались многие представители «нового направления», подчеркивая, что археологической теорией следует считать эволюционную антропологию [*Watson, LeBlanc, Redman, 1971. – P. 164*].

«Великое возрождение эволюционизма» в американской антропологии связано с историко-философскими концепциями выдающегося американского исследователя Л. Уайта [*Аверкиева, 1979. – С. 219*].

Развивая теорию «культурной эволюции», Л. Уайт полагал, что эволюция – это космический процесс, содержанием которого является концентрация и организация свободной энергии Вселенной. Культуру он определял как надбиологическое средство адаптации человека к постоянно изменяющимся условиям существования. Основной функцией культуры, по мнению Л. Уайта, является «обуздание» энергии Вселенной и контроль над ней [White, 1949. – P. 367]. Придерживаясь в целом тайлоровского определения культуры как «совокупности орудий, инструментов, утвари, одежды, украшений, обычаев, языка и т. д.», которые образуют независимые друг от друга развивающиеся ряды, Л. Уайт подчеркивал целостность и взаимосвязь ее отдельных элементов. «Культура любого самостоятельного общества людей, – писал он, – образует социокультурную систему» [White, 1949. – P. 328]. Все составные части культурной системы взаимосвязаны и дополняют друг друга. Изменения в одной части влекут за собой изменения во всех частях.

Не меньший интерес вызывали и идеи Дж. Х. Стюарда, автора так называемого «многолинейного эволюционизма». Основу многообразия форм человеческой культуры Дж. Стюард видел в различных способах адаптации. Для их изучения он предложил «метод культурной экологии», основанный на убеждении, что различные аспекты культуры (плотность населения, хозяйственный цикл, характер поведения, система родства и т. д.) обусловлены особенностями деятельности в особых экологических условиях. Метод включает в себя три важные установки: 1) установление связи между особенностями технологии и природной средой; 2) изучение поведения, направленного на эксплуатацию природной среды; 3) анализ степени влияния этого поведения на другие аспекты культуры [Шнирельман, 1979. – С. 146]. «Культурно-экологическая адаптация, – писал Стюард, – является одним из важнейших созидательных процессов культурного изменения» [Steward, 1955. – P. 13]. По его мнению, характер естественной среды определяет специализацию общества, а последняя, в свою очередь, определяет характер общественных отношений [Аверкиева, 1979а. – С. 234].

Обосновывая связь археологии с антропологией, представители «новой археологии» во многом восприняли идеи Л. Уайта и Дж. Стюарда.

В 1958 году вышла работа Г. Уилли и Ф. Филлипса, в которой авторы отмечают, что археология и социальная антропология исследуют одни и те же процессы социокультурного развития, и разница между ними заключается лишь в том, что антрополог (этнолог) наблюдает сами процессы, в то время как археолог – их результаты, получаемые в виде статичных остатков материальной культуры. Однако на уровне описания (классификация, систематизация, типология) разница между этими дисциплинами уменьшается. Поскольку цель типологии заключается в «максимальном приближении типов к поведенческой реальности», то единицам археологического описания должны соответствовать единицы структуры общественной организации. На следующем этапе, когда возникает необходимость объяснения культурных явлений, археолог не может обойти причины и закономерности общественного развития. На этом уровне практически исчезает грань между археологией и социокультурной антропологией [Willey, Phillips, 1958. – P. 2–4]. Эти рассуждения привели авторов к выводу, ставшему программной установкой «процессуальной археологии»: «американская археология есть либо антропология, либо ничто» [Willey, Phillips, 1958. – P. 2].

Спустя несколько лет вышла статья Льюиса Бинфорда под названием «Археология как антропология» («Archaeology as Anthropology»). В этой работе автор, используя системный подход Л. Уайта, попытался обосновать идею возможности реконструкции всех сторон жизни прошлого человечества на основе материальных остатков. При этом Л. Бинфорд подчеркивал, что археология способна стать объясняющей наукой наряду с социальной и культурной антропологией [Binford, 1962]. Системный подход стал одним из важнейших средств познания в «процессуальной археологии». Вселяя огромный оптимизм в лидеров «нового направления», он стал основным способом обоснования познавательных возможностей археологии. По мнению Л. Бинфорда, используя теорию системного анализа, археолог может получить не меньше информации о социальных институтах прошлого, чем этнограф. Коль скоро изменения, происходящие в каком-либо одном компоненте системы, влекут за собой изменения в других ее компонентах, если знать общие законы внутрисистемных взаимодействий, можно рассчитать и представить реакцию каждой переменной на структурные изменения системы в целом. В частности, Л. Бинфорд писал: «Зачастую предполагается, что мы не можем откопать социальную систему или идеологию. Допускается, что мы не можем «вырыть» родственную терминологию или философию, но мы можем и отыскиваем материальные предметы, которые функционировали вместе с этими более поведенческими элементами внутри соответствующей культурной подсистемы. Формальная структура комплекса всех артефактов вместе с промежуточными элементами родственных связей представляет системную и понятную картину всеобщей исчезнувшей культурной системы» [Binford, 1962. – P. 219]. Исходя из экологической концепции Дж. Стюарда, Л. Бинфорд предлагал объяснять вариации в технологических компонентах археологических комплексов на основе экологической структуры [Binford, 1962. – P. 219].

Таким образом, обосновывая идею связи археологии с антропологией, представители «нового направления» выдвинули в качестве цели археологического познания уровень «процессуальной интерпретации», а в качестве общей теории объяснения социокультурных процессов предложили системный анализ.

В Англии археология была слабее связана с социокультурной антропологией. Интерес к проблемам объяснения в английской археологии возник благодаря идеям антропогеографического учения. На его основе возникли экологические концепции Р. Гродмана, О. Кроуфорда, К. Фокса, Г. Чайлда и системно-функциональный подход Д. Кларка [Clarke, 1972; Trigger, 1970]. В 60-е годы XX века английская археология восприняла ряд аналитических методов кембриджской школы «новой географии» и стала развиваться по тому же пути, что и американская археология [Renfrew, 1969; Trigger, 1970].

Возрождение эволюционных идей в англо-американской социокультурной антропологии оказало большое влияние на развитие археологии в этих странах во второй половине XX века и вывело эту науку на первое место среди других социально-исторических дисциплин. Таким образом, англо-американская археология после длительного периода сбора и обобщения эмпирических данных развернулась в сторону теоретического объяснения – от изучения отдельных явлений к исследованию социокультурных процессов.

Преимущества, приобретенные археологией, определялись тремя обязательными условиями. Прежде всего, она поровну разделила ответственность с антропологией

за адекватность и полноту объяснений культурных феноменов. Другими словами, стала «антропологической археологией», или «социоархеологией» [Binford, 1962; Renfrew, 1969]. Второе преимущество заключалось в том, что, по сравнению с этнологией, археология охватывает более длительные промежутки времени и способна сосредоточиться на долговременных культурных изменениях. Как писали Е. Хиггс и М. Джармен, «большой временной масштаб измерений есть уникальное преимущество археологии» [Higgs, Jarman, 1975]. Третье условие, наиболее важное, заключалось в том, что археология обязана разработать свои собственные способы проверки и обоснования гипотез, объясняющих социокультурные изменения. Это условие стало основой формирования методологических принципов «процессуальной археологии».

1.5. Из истории развития «процессуальной археологии»

После выхода в 1962 году статьи Л. Бинфорда «Археология как антропология» появилась серия работ, посвященных методологическому обоснованию «процессуальной археологии» [Binford, 1964; 1965; 1968; Binford L., Binford S., 1966; Flannery, 1967 и др.]. Тем не менее, в среде сторонников традиционной археологии их идеи воспринимались достаточно скептически. Л. Бинфорд, вспоминая первый семинар в Чикаго, на котором он выступал с докладом «Эволюционная антропология», писал: «Я сел в лужу. Археологи на Национальном собрании слышать ничего не хотели о новых подходах... Антропологи не желали слушать о потенциальном вкладе археологии в антропологию... Расстроенный, сидя в своем кабинете в Уолкеровском музее поздно ночью, я решил, что буду бороться» [Binford, 1972]. Практически в течение целого десятилетия «новые археологи» пробивали себе дорогу к всеобщему признанию. Это был первый этап становления «процессуальной археологии», началом которого можно считать выход работы Уилли и Филиппса в 1958 году, а окончанием – появление сборника «Новые перспективы археологии» в 1968 году [Willey, Phillips, 1958; Binford, 1968].

Во время работы Л. Бинфорда в Чикаго вокруг него сложилась команда молодых исследователей, ставших впоследствии лидерами «нового направления». Среди них были такие археологи, как Стюард Стрювер, Билл Лонгакр, Роберт Веллон, Джеймс Хилл, Лесли Фриммен, Джеймс Браун, несколько позднее Ричард Гоулд, Кент Фленнери, Салли Скенфилд (Салли Бинфорд). Сам Бинфорд стал признанным лидером и проводником новых идей в американской археологии.

В 1963 году в Боудере, штат Колорадо, состоялся съезд общества американских археологов. Вместе с Бинфордом на нем присутствовали С. Стрювер, Б. Лонгакр, Л. Фримен и Дж. Браун. Был сделан доклад о достижениях в работе группы Бинфорда, зачитана статья, которая позднее была опубликована под заглавием «Рассмотрение плана археологического исследования» [Binford, 1964]. Но и в этот раз на «новую археологию» не обратили внимания. Однако энтузиазм исследователей не убавлялся, а напротив, возрастал. В 1964 году Л. Бинфорд выступил на ежегодном собрании археологов с докладом «Археологическая систематика и изучение культурного процесса» [Binford, 1965], в котором продолжил развитие идеи о культуре как совокупности субсистем. В 1966 году вышли две работы Л. Бинфорда и С. Бинфорд, в которых авто-

ры подвергли критике традиционные взгляды на «генетическое развитие» каменной индустрии [Binford L., Binford S., 1966].

В ноябре 1965 года в Денвере проходило 64-е ежегодное совещание Американской антропологической ассоциации. Л. Бинфорд решил в рамках этого совещания организовать симпозиум «Социальная организация преисторических обществ». Именно этот симпозиум стал переломным моментом в судьбе «процессуальной археологии». Как вспоминал сам лидер «нового направления», «зал был переполнен, дела шли прекрасно, статьи принимались с энтузиазмом... Я не помню, как окончил чтение. Первое, что я услышал, были аплодисменты; люди вставали, продолжая аплодировать. Это продолжалось до тех пор, пока я не вернулся на свое место» [Binford, 1972. – P. 12, 13]. В 1968 году был выпущен сборник под названием «Новые перспективы археологии», в него вошли статьи, прочитанные «новыми археологами» на вышеупомянутом симпозиуме. «Вся первоначальная «идея», – писал Л. Бинфорд, – теперь получила свои степени и преподается в университетах по всей стране. «Новая археология» принята серьезно, и археологическая наука находится в состоянии перемен» [Binford, 1972. – P. 13]. По словам Л. С. Клейна, сборником «Новые перспективы археологии» «конституировалось обозначившееся с начала 1960-х годов новое направление в американской археологии, признанным лидером которого является Л. Бинфорд» [Клейн, 1973. – С. 303].

С этого момента начался новый этап в развитии «процессуальной археологии», в ходе которого она распространилась по всей Америке и начала активно развиваться в Европе. В начале 1970-х годов стали появляться первые учебники, написанные представителями «новой археологии», а к 1980-м годам это направление было воспринято большинством археологов США. В 1980 году Уилли и Саблов писали: «Новый дух господствует сейчас в американской археологии – идеи и положения, развивавшиеся в контексте «новоамериканского мышления» с отношением к артефактам как к отражению человеческого поведения, с культурной экологией в широчайшем ее смысле, системным анализом и процессом как центральной концепцией культурной истории изменили и изменяют развитие американской археологии» [Willey, Sabloff, 1980. – P. 246]. Благодаря более широкому и разнообразному набору аналитических методов и процедур, включая сюда широкое использование новых технологических достижений, ЭВМ и так далее, «новая археология» быстро завоевала умы американских и западноевропейских археологов.

Цели и задачи «новой археологии», а также основные методы исследования были сформулированы в программной статье Л. Бинфорда «Перспективы археологии» [Binford, 1968. – P. 5–32].

Первая задача археологии, по мнению Бинфорда, заключается в реконструкции истории культуры, вторая – в реконструкции образа жизни в прошлом (хозяйства, быта, социальной структуры, идеологии и т. д.), и третья задача – в реконструкции культурного процесса в пространственном и временном измерении. Поскольку реконструкция истории культуры осуществлялась на уровне генетического сходства форм и содержания предметов, образ жизни реконструировался путем прямолинейных этнографических аналогий, а культурный процесс сводился к стадийной классификации. Подвергнув строгой и конструктивной критике традиционные принципы и методы решения названных задач, которые сводились к эмпирическим обобщениям, Л. Бинфорд

призвал к поиску научно обоснованных и объективных механизмов реконструкции прошлой действительности, в которых акцент падает не на источник возникновения идей, а на способы их проверки [Клейн, 1973. – С. 305]. «Археолог должен использовать свои данные как документы прошлых условий, переходить к формулировке утверждений относительно прошлого и разрабатывать средства проверки их на археологическом материале. Именно проверка гипотез делает наше знание прошлого более определенным» [Binford, 1968. – Р. 14]. Решение этой проблемы Л. Бинфорд видит в использовании, наряду с системным подходом, гипотезно-дедуктивного метода, предполагающего многоэтапную процедуру исследования: наблюдение – обобщение – объяснительные предположения – проверка на археологических фактах [Binford, 1968. – Р. 16, 17]. Он заявляет: «Точность нашего знания прошлого может быть измерена; критерий есть степень, по которой предположения о прошлом могут быть подтверждены или опровергнуты посредством проверки гипотез – не путем прохождения обсуждения профессиональных качеств исследователя, выдвигающего эти предположения» [Binford, 1968. – Р. 17].

Смысл гипотезно-дедуктивного метода, таким образом, заключается в проверке и ограничении возможных вариантов интерпретации. Метод предполагает выдвижение двух и более гипотез, объясняющих наблюдаемое явление, и выведение (дедукция) из этих гипотез нескольких рядов предположений, принципиально проверяемых на том материале, которым непосредственно оперирует археолог. Проверка состоит в сравнении ситуаций, которые описывают эти предположения, с реальными наблюдениями археологических ситуаций. Результатом проверки может быть вывод о соответствии либо не соответствии этих описаний и наблюдаемых данных, поэтому гипотез должно быть не меньше, чем две.

Наличие гипотез необходимо по нескольким причинам. Во-первых, они устанавливают связь между поставленными проблемами и эмпирическими данными, обеспечивая таким образом отбор данных; во-вторых, гипотезы позволяют оценить и проверить правильность выдвигаемых предположений [Binford, 1964].

Подробно структура гипотезно-дедуктивного метода была описана одним из ведущих методологов «процессуальной археологии» Дж. Хиллом в работе «Методологические дискуссии в современной археологии: модель» [Hill, 1972]. В качестве примера автор использует археологические данные, по которым обнаруживается перерыв в заселении юго-западных территорий США в XI–XIV веках.

Особенность созданной Дж. Хиллом модели заключается в том, что если данные, полученные из наблюдений, совпадут с какой-нибудь одной из перечисленных гипотез, то это не будет значить, что именно это событие является причиной ухода населения. Другими словами, доказательство факта не является объяснением. Значение дедуктивной модели, по Дж. Хиллу, заключается в том, чтобы сократить круг возможных предположений, выбрав из них наиболее логичные и доказуемые и отбросив заведомо неверные.

Вместе с тем, гипотезно-дедуктивный метод сам по себе не решал проблему археологической реконструкции. Для проверки гипотез необходимо было выявить те социокультурные и природные процессы, которые в прошлом повлияли на формирование археологического памятника и его современное состояние. Это, в свою очередь, требовало создания совершенной научной методики.

Осознание этой проблемы уже в конце 1960-х годов привело к выделению в рамках «процессуальной археологии» самостоятельного направления, получившего название «исследования среднего уровня».

Термин «теория среднего уровня» (ТСУ) был впервые введен в научный оборот социологом Р. Мертоном. Он использовал его в качестве обобщений, которые поддаются проверке данными наблюдений [*Salmon, 1982.* – Р. 170]. Однако «новые археологи» вкладывали в это понятие несколько иной смысл. По мнению Л. Бинфорда, ТСУ является своего рода теоретическим обоснованием методов, с помощью которых определяется связь между человеческим поведением и вещественными остатками [*Binford, 1977.* – Р. 7, 23, 32]. Поскольку установление такой связи возможно лишь на основе данных, полученных из современных «живых» культур, и последующей их экстраполяции на археологию, то, по своей сути, ТСУ должна стать логическим обоснованием использования этнографических аналогий для археологических реконструкций прошлого образа жизни. Выступая против эмпиризма, царившего в этой области исследования, Л. Бинфорд призывал к подведению теоретической базы под процедуру общественных реконструкций, поскольку, по его словам, «археолог вне рассудочных процедур не может перевести данные наблюдений современных явлений в утверждения, касающиеся прошлого. Точность этого перевода непосредственно зависит от методологии, применяемой для оценки выводов из наших суждений» [*Binford, 1981.* – Р. 22]. В другой работе он пишет: «Пытаясь понять процессы, ответственные за изменение организационных форм «живых» социокультурных систем, мы создаем общую теорию. Пытаясь понять изменчивость процессов, приводящих к появлению статичных явлений, мы создаем ТСУ. Это развитие общей и средней теории должно производиться параллельно, потому что при отсутствии критериев релевантности мы можем тратить бездну времени на развитие ТСУ, устанавливая определенное динамическое значение статичных фактов, которые впоследствии окажутся нерелевантными нашим идеям, касающихся процессов, детерминировавших изменения в прошлых живых системах» [*Binford, 1977.* – Р. 7].

Таким образом, «исследования среднего уровня» – это своего рода парадигма, создание языка эмпирических описаний, соответствующего процессуальному объяснению, позволяющего достичь однозначности наблюдений [*Binford, 1981.* – Р. 23–30].

Практическое осуществление задач ТСУ в «новой» американской археологии взяли на себя такие субдисциплины, как этноархеология и экспериментальная археология. Их цель заключается в установлении точных связей между «мертвыми» археологическими остатками и различными видами человеческой деятельности, а также процессами природного воздействия, обусловившими современное состояние археологического памятника и объектов, содержащихся в нем.

Термин «этноархеология» (*Ethnoarchaeology*) впервые был использован американским археологом Дж. Фьюксом в конце XIX века, который попытался проверить устную традицию индейцев пуэбло методами археологии. Однако в то время термин не привился, и на него обратили внимание лишь в середине XX века [*Шнирельман, 1984.* – С. 100]. В 1950-е годы в американской археологии выделяется ряд дисциплин, одна из которых получила название «археология деятельности» (*Acting archaeology*). Суть ее изложена в одноименной работе П. Дж. Уотсон и М. Кляйндинста «Археология деятельности: археологические исследования живых обществ» [*Kleindienst,*

Watson, 1956]. В это же время появляется еще один термин – «живая археология» (*Living archaeology*). Однако со временем эти термины были практически полностью вытеснены термином «этноархеология». Он наиболее удачно отразил промежуточное положение определяемого им направления между археологией и этнографией, где объектом исследования являются «живые» этнографические общества, а цели сформулированы в соответствии с задачами археологии.

Изначально цель этноархеологии формулировалась таким образом: «получение аналогий из современных наблюдений с целью построения возможно большего числа интерпретативных гипотез, обеспечивающих понимание археологических остатков» [*Watson, 1979. – P. 276*]. По заявлению одного из ведущих теоретиков американской археологии Чжан Гуанчжи, «существует только один подход к реконструкции прошлых общественных систем – изучать закономерности функционирования современных обществ» [*Chang, 1980. – P. 64*]. Однако возникает справедливый вопрос: на чем основываются эти аналогии? Некоторые американские исследователи, так же, как и их советские коллеги, обосновывали свои аналогии допущением прямых генетических связей между культурами современных этносов и ископаемыми культурами, поэтому они считают, что наиболее продуктивные исследования будут в тех районах, где сохраняется историческая целостность культурных традиций – в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и т. д. [*Watson, 1979. – P. 278*].

С крайне отрицательной оценкой таких взглядов выступил Л. Бинфорд. Он был сторонником научно обоснованных методов, поэтому заявлял: «Мы можем бесконечно расширять наши знания об образе жизни существующих народов, но мы не сможем реконструировать образ жизни угасших народов, если только мы не будем использовать более разработанную методологию» [*Binford, 1968. – P. 11*]. Он справедливо подчеркивал, что археологам необходимо не просто установление аналогий, а выявление законов и закономерностей, порождающих аналогичные ситуации. В последующем с такой точкой зрения согласились многие археологи. Рамки этноархеологии были значительно расширены. Так, появилась идея о том, что общества, проживающие в сходных экологических условиях, также способны обеспечить этноархеологию необходимым материалом: «Наблюдения в современном обществе, – пишет К. Кремер, – могут способствовать развитию представлений о прошлом, особенно когда такие подобию могут показать взаимосвязь между окружающей средой и технологиями в прошлом и в наше время при их сопоставлении» [*Kramer, 1979. – P. 1*]. В поисках возможных аналогий этноархеологи пытаются отыскать универсальные законы человеческого поведения. С этой целью предпринимаются попытки изучения не только традиционных обществ, но и обследование мест стоянок туристических групп и сезонных рабочих. Кроме того, предметом этноархеологии становятся процессы, происходящие в современных индустриальных культурах с их проекцией на материальные остатки [*Gould, 1981*].

Таким образом, этноархеология была призвана на арену археологических реконструкций не только, да и не столько с целью расширения диапазона этнографической информации для построения наибольшего числа гипотез, сколько с целью обеспечения археологии общей интерпретационной методологией.

В последние десятилетия этноархеология тесно переплелась с экспериментальной археологией. Это связано с тем, что перед обоими направлениями стоят одинако-

вые цели, а также существует ряд схожих принципов и приемов в процедуре исследования. Подробнее речь об этом пойдет в следующей главе.

Оценивая уровень разработанности теоретико-методологической базы историко-социальных реконструкций древних культур по археологическим остаткам, приходится признать, что зарубежная наука достигла в этом отношении больших успехов, в сравнении с отечественной. Анализ отечественных работ показывает, что для интерпретации археологического материала используются, главным образом, этнографические параллели, метод в большей степени иллюстративный, чем объясняющий. Многие работы объединяет задача сблизить археологию и этнографию в общем контексте истории. В последнее время все большую популярность завоевывают работы этноархеологического и археолого-этнографического толка. Но парадокс заключается в том, что, несмотря на явную необходимость подобных исследований, ни археологи, ни этнографы не владеют соответствующим теоретико-методическим арсеналом, позволяющим интегрировать данные двух наук. До сих пор остаются неопределенными содержание этноархеологического источника, его связи и возможности. Имеет ли он принципиально новое качество или же не выходит за рамки археологических и этнографических источников? Что представляет собой метод сбора и обработки этноархеологической информации, какие проблемы способна решать этноархеология и что такое этноархеология вообще – метод, наука или научное направление?

Вместе с тем, еще в начале 60-х годов XX века, решая проблемы процессуального объяснения, западные археологи обнаружили пробел в традиционной методике археологической интерпретации и реконструкции процессов человеческой деятельности в прошлом. Это вывело на первый план две вспомогательные дисциплины в рамках «процессуальной археологии» – этноархеологию и экспериментальную археологию. За три десятилетия наработан солидный теоретический и практический материал, позволяющий по-иному взглянуть на проблему исторической реконструкции в археологии.

ГЛАВА 2

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ КАК МЕТОД ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

В последние два десятилетия в отечественной науке стал активно использоваться американский по происхождению термин «этноархеология» [Томилов, 1995. – С. 179; Грачева, Хлобыстин, 1981. – С. 135; Косарев, 1984. – С. 4]. Чаще всего он употребляется в контексте комплексных этнографо-археологических или археолого-этнографических (в зависимости от процедурной стороны методики) исследований. Главная их цель заключается в этнической интерпретации археологических материалов и реконструкции на этой основе хозяйственных, социальных и духовных отношений древних обществ. Вместе с тем, предпринимаются попытки создания «новой науки» – этноархеологии, складывающейся на стыке археологии и этнографии, которая должна взять на себя ответственность за решение широкого круга проблем, связанных с изучением истории общества и культуры на разных стадиях развития человечества [Томилов, 1996. – С. 10]. Объектом этноархеологии должны стать «социокультурные системы с их сложной структурой и связями», а предмет составят «свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность, их внутренние связи и отношения с другими системами» [Томилов, 1996. – С. 10]. Данное определение выглядит настолько обобщенным, что может быть отнесено к любой историко-социальной дисциплине: этнологии, культурологии, социологии, археологии и т. д. Следовательно, возникает вопрос целесообразности создания «новой науки» с таким предметом и объектом.

Качество научного познания зависит не от количества дублирующих друг друга дисциплин, а от конкретной теоретико-методологической базы, применяемой для решения тех или иных задач в рамках соответствующей науки. Проблема использования этнографической информации в археологических реконструкциях существует достаточно давно и заключается не в том, чтобы выделить самостоятельную науку, занимающуюся интеграцией этих двух дисциплин, а в разработке механизмов исследовательской процедуры, позволяющих спроецировать этнографические данные на археологический материал. Этнографическая информация будет адаптирована к археологическим данным только тогда, когда ее сбор и анализ будет проводиться в рамках общей археологической методологии. В связи с этим этноархеологию предлагается рассматривать как метод экспериментального моделирования, связанный с созданием обоснованных исследовательских версий, устанавливающих связи и механизмы между деятельностью и ее вещественным проявлением.

2.1. Экспериментальные исследования в археологии

Опыт археологического экспериментирования насчитывает уже около 150 лет, то есть оно существует практически столько же, сколько и сама археология. Однако долгое время многие ученые игнорировали значение результатов эксперимента для научного познания в археологии. Первые эксперименты основывались на этнографических данных и носили любительский характер. Интерес к ним был вызван не столько научными целями, сколько простым человеческим любопытством [Coles, 1968].

Первые попытки осмысления экспериментальных исследований на эмпирическом уровне принадлежали Ж. Эвансу. Он впервые обратил внимание на способы изготовления каменных орудий, возможности использования и эффективность работы с ними. Однако его результаты имели довольно гипотетический характер [Коробкова, 1978. – С. 34].

Игнорирование результатов первых экспериментов было связано с тем, что они не имели обоснованной теоретико-методологической базы, которая позволила бы включать их в контекст научного познания, и как следствие – общая непригодность экспериментов для последующей археологической реконструкции [Tringham, 1978. – Р. 171]. «Любительский характер экспериментов и сомнительность получаемых результатов являлись причиной того, что большинство археологов оставляли свои работы неопубликованными» [Семенов, 1957. – С. 2].

В отечественной археологии первые попытки научного обоснования экспериментов принадлежат автору экспериментально-трасологического метода С. А. Семенову. Он предложил при реконструкции деятельности древнего человека сосредоточиться на изучении функционирования орудий труда по следам их сработанности [Семенов, 1968. – С. 24]. Ему же принадлежит первая классификация археологических экспериментов. Поскольку основное внимание С. А. Семенов сосредоточил на изучении технологии изготовления и приемах использования древних орудий, то свои опыты он ставил в соответствии с двумя основными критериями: материалом, из которого изготавливалось орудие, и наиболее эффективными приемами его использования [Семенов, 1957. – С. 33]. Автор считал, что для того чтобы придать наибольшее научное значение экспериментам, их необходимо проводить в тесной связи с трасологическими исследованиями. Его последователи и ученики, в частности, Г. Ф. Коробкова, считает одним из основных недостатков многих экспериментов игнорирование микроанализа и отрыв от трасологии [Коробкова, 1987. – С. 5]. По ее мнению, это не дает полного представления о многообразии и глубине изучаемого процесса или явления. Для того чтобы археологические эксперименты были максимально адаптированы к получению научных данных, их задачи должны вытекать из задач самой археологии, поскольку в противном случае возникает опасность превращения эксперимента в «модель опыта ради опыта». «Экспериментальные исследования, – пишет Г. Ф. Коробкова, – не могут быть формальной схемой абстрактной логической модели. Они должны находиться в тесной связи с историческими задачами и проблемами, решать, дополнять и уточнять которые призваны» [Коробкова, 1987. – С. 6]. Она считает, что конкретную историческую привязку археологических опытов к реальным общностям древности способно осуществить только правильное сочетание экспериментального и трасологического методов.

Несколько иначе к решению данной проблемы подходил И. Г. Глушков. Он считал, что археолог проводит эксперименты с вещью в первую очередь ради приобретения опыта общения с ней, для того, чтобы «почувствовать» вещь [Глушков, 1996. – С. 12]. «В этом смысле, – писал И. Г. Глушков, – эксперимент ради эксперимента столь же, а может быть, и в большей степени необходим археологу, как и эксперимент «в тесной связи с историческими задачами и проблемами» [Глушков, 1996. – С. 13].

Если рассматривать экспериментальные исследования как источник дополнительных знаний, позволяющих более независимыми и объективными способами интерпретировать археологический материал, то данное утверждение представляется вполне обоснованным. В этой связи вызывает особый интерес работа американского археолога Р. Эшера, в которой он не только классифицировал археологические эксперименты, но и попытался дать им теоретическое обоснование и определить их место в системе археологического знания [Asher, 1961].

Проанализировав различные виды экспериментов, используемых в археологии, Р. Эшер выделил три основные категории:

1. Эксперименты, связанные с полевыми работами.
2. Эксперименты, связанные с аналитическими методами.
3. Имитирующие эксперименты.

По мнению автора, для первых двух категорий термин «эксперимент» чаще всего означает испытание – тест с целью оценки нового метода. К ним относятся: а) мысленный эксперимент, предшествующий конкретным действиям; б) сравнительный эксперимент, сравнивающий различные методы раскопок с целью определения их эффективности; в) оценивающий эксперимент, определяющий продукты человеческой или природной деятельности.

Третья категория – имитирующий эксперимент, – по мнению Р. Эшера, является «краеугольным камнем экспериментальной археологии». Эти исследования относятся к более высокому уровню интерпретационной процедуры, при которой материи придается форму и используют в виде моделирования процессов прошлого. «Цель имитирующих экспериментов заключается в проверке представлений о прошлом и превращении интуитивных гипотез в объективные заключения» [Asher, 1961. – Р. 792].

Процедура археологических экспериментов была описана Р. Эшером и Д. Коулзом. В обобщенном виде она предполагает выполнение следующих операций:

1. Превращение ограниченной рабочей гипотезы в форму, поддающуюся проверке.
2. Отбор экспериментального материала с учетом того, что именно он использовался в первобытном обществе.
3. При проведении эксперимента необходимо выполнять столько альтернативных вариантов, сколько возможно.
4. Проводить работу с предметными (изучаемыми в эксперименте) и действующими (которые меняются сами или производят изменения в изучаемом предмете) материалами.
5. Исследование и анализ результатов эксперимента.
6. Интерпретация результатов в выводы.
7. Поиск подтверждающих доказательств [Asher, 1961; Coles, 1968].

При этом, по мнению Р. Эшера, достоверность выводов можно усилить тремя положениями:

- а) выбором экспериментального материала, который был или мог быть на месте древнего поселения;
- б) поиском подтверждающих данных;
- в) выполнением возможно большего числа предполагаемых вариантов [Asher, 1961].

Критика археологических экспериментов сосредоточена, в основном, на том, что полученные выводы не дают однозначной оценки убедительности результатов, что предмет или предметы, о которых идет речь, могли изготавливаться и другими способами. На это Р. Эшер заявляет: «Если экспериментатор устанавливает, что он может получить один и тот же результат более чем одним набором экспериментальных операций, это не уменьшает ценность его выводов», поскольку он не пытается установить действительный процесс изготовления предмета, а лишь проверяет существующие на этот счет интуитивные гипотезы [Asher, 1961. – P. 808]. Он убежден, что никакое представление о прошлом нельзя считать окончательным, и никакое знание не основывается на знании всех фактов. «Никакие аналогии, ни один имитирующий эксперимент или любое другое средство не могут считаться исчерпывающими в реконструкции прошлого» [Asher, 1961. – P. 809]. В этом смысле экспериментальную археологию следует рассматривать как средство, ограничивающее вероятность интуитивных выводов [Глушков, 1996. – С. 13]. В данном случае следует согласиться с Д. Коулзом в том, что любая экспериментальная работа, выполненная научно, дает полезную и ценную информацию, даже если результат будет отрицательный. «Кремень может не работать как гравировальный инструмент только потому, что так решили археологи, и подтверждение этого экспериментальным путем будет полезным при определении функций древних каменных орудий» [Coles, 1968].

В 60–70-е годы XX века археологические эксперименты приобретали все большую и большую популярность. Развитие теоретической базы способствовало тому, что экспериментальные исследования перестали ограничиваться изучением только структуры и функций орудий труда и материальных предметов. Исследователи начали выходить на более высокий уровень, связанный с реконструкцией различных форм общественной организации древних обществ. Так появились особые разновидности археологических экспериментов – контекстуальный эксперимент (изучение накопления и разрушения культурного слоя) и этноархеологический эксперимент [Гиря, 1992. – С. 5].

В 1980 году американская исследовательница Р. Трингхэм в одной из работ отмечала, что «краеугольным камнем археологических экспериментов» является не только имитирующий эксперимент, как полагал Р. Эшер, а, по крайней мере, два его вида: эксперимент над побочным продуктом человеческой деятельности и поведенческий эксперимент [Tringham, 1978. – P. 181, 182].

Эксперименты над побочным продуктом человеческой деятельности направлены на проверку процессов, под влиянием которых данные археологического памятника приобретают те характерные черты и признаки, которые археологи обнаруживают при раскопках. Эти исследования связаны со структурой материалов и их видоизменением в результате человеческого и природного воздействия. Сюда входит изучение свойств камня, глины, дерева, кости, металла, осадочных пород, человеческой и животной остеологии и т. д. Основная цель этой категории экспериментов – реконструкция че-

ловческого и природного факторов, ответственных за видоизменение (разрушение, повреждение, гниение) материалов до, во время и после их обнаружения. Кроме того, подобные эксперименты направлены на проверку свойств материалов для того, чтобы установить их потенциал для человеческой эксплуатации [Tringham, 1978. – P. 182]. В проведении этих экспериментов важную роль играют данные естественных наук (химии, физики, биологии и других).

Поведенческие эксперименты Р. Трингхэм разделила на два уровня. Первый уровень включил эксперименты, которые Р. Эшер назвал имитирующими. Они предназначены для проверки и установки взаимосвязей между человеческой деятельностью и материальными предметами, выраженной в таких терминах, как «эффективность», «производительность», «функциональное назначение», «энергоёмкость» и т. д. [Tringham, 1978. – P. 183].

Второй уровень поведенческих экспериментов связан с реконструкцией факторов социальной и экономической организации, отраженной в материальных остатках и их пространственно-временном размещении. Именно к этому уровню относится этноархеологический эксперимент, нацеленный на моделирование социально-экономических процессов на основе пространственно-временного размещения материальных остатков и их качественного содержания в функционирующих обществах.

Таким образом, экспериментальные исследования в археологии могут использоваться в различных контекстах. Во-первых, как форма научного опыта, при которой происходит воздействие на исследуемый объект при помощи различных средств в строго контролируемых условиях. При этом выявляются и регистрируются различные свойства объектов с целью их познания и практического использования. Во-вторых, как часть теории, используемая для проверки эмпирических гипотез. В-третьих, как метод, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления действительности, отраженные в статичных объектах материальной культуры.

2.2. Теория этноархеологического эксперимента

Сущность и возможности экспериментов, в том числе и этноархеологических, становятся наиболее понятны тогда, когда мы отвечаем на вопрос, для чего необходимы подобные исследования. Общеизвестно, что археологические источники сами по себе не дают информации о социально-экономических, хозяйственно-бытовых и духовных отношениях в первобытном обществе. Для того чтобы реконструировать эти процессы, археологи используют самый широкий набор информации, выходящий за рамки собственно археологического знания. В этом смысле любая археологическая реконструкция – это лишь огрубленная модель прошлой исторической действительности [Глушков, 1996. – С. 10]. Ее ценность и значимость зависят от системы логических доказательств, основанных на конкретных фактах. Кроме того, каждая версия должна быть верифицируема. Не случайно работу археологов сравнивают с работой криминалистов. Однако, в отличие от последних, археологи восстанавливают события не просто по вещам, а по древним вещам. В этом состоит особенность исследовательской процедуры в археологии, сталкивающейся с двойным разрывом [Клейн,

1978. – С. 61; Глушков, 1996. – С. 11]. С одной стороны, это хронологический разрыв (между прошлым и современностью), с другой – идейно-информационный (между вещами и идеями, в них заложенными). Для того чтобы преодолеть этот разрыв, необходимы внешние опоры – «возможность привлечения дополнительной информации, которая бы позволила перебросить мостик от известного к неизвестному: знание смысла других археологических объектов, расшифрованных ранее; иные, неархеологические источники о той же самой прошлой действительности, общие сведения о структуре объектов, подобных изучаемым, знание законов, по которым происходит воплощение идей в вещах и превращение вещей и событий в археологические следы и остатки» [Клейн, 1978. – С. 62].

Единственная возможность установить эти законы – это наблюдать процессы, происходящие в современном мире, в живых этнографических сообществах. Теоретическим основанием для подобных наблюдений и переноса их на археологические материалы могут служить общечеловеческие стереотипы поведения. «Деятельностно-психологические стандарты, базирующиеся на адаптации человека как вида к окружающей действительности, создают те необходимые основания, которые позволяют связывать поведенческие стереотипы древнего и современного человека», поскольку «устройство мозга, руки, ноги, кинематика движения глаза, уши, реакция на раздражения не изменились на протяжении десятков тысячелетий» [Глушков, 1996. – С. 11].

Данные сравнительно-этологического исследования, охватывающего как область поведения представителей различных рас и культур, так и область поведения различных животных, несмотря на разнообразие историко-культурных стереотипов народов и этносов, свидетельствуют о том, что все важнейшие черты поведения оказываются универсальными – природа человека неизменна [Плюснин, 1994. – С. 37]. «В поведении человека – и не только в индивидуальных моторных атаках, но и во взаимодействиях, что особенно важно, – существуют инварианты, относительно которых можно сказать, что они одинаково присущи и современному, и древнему человеку» [Плюснин, 1994. – С. 37].

Основная проблема заключается в том, на что именно необходимо обращать внимание при наблюдении за современными процессами для того, чтобы они были максимально адаптированы к археологической реконструкции. Ведь в археологии мы имеем дело с фрагментами, не связанными с жизнью и очень неопределенно связанными между собой [Клейн, 1978. – С. 61]. Еще в 50-е годы XX века немецкий археолог Г. Ю. Эггерс заметил, что «живое» культурное достояние (*lebendes Gut*), которое изучают этнографы, имеет принципиальное отличие от «мертвого» достояния (*totes Gut*), попадающего в руки археологов [Eggers, 1950. – S. 49–59]. Чаще всего археологи имеют дело с вещами, которые еще в период функционирования культуры приходят в негодность, выходят из употребления или меняют свое функциональное и социальное назначение.

Тем не менее, поведение человека имеет временную детерминанту и всегда представлено в физической среде, в пространстве. Следовательно, «система социальных отношений любого общества, любой группы людей каким-то определенным образом транспонируется в систему пространственных диспозиций; последняя, в свою очередь, каким-то образом способна отпечататься физически в этом пространстве – и самыми многочисленными способами» [Плюснин, 1994. – С. 37].

Проблема заключается в том, чтобы определить набор правил, по которым социальные отношения транспонируются в пространственные, а последние, в свою очередь, – в физические отпечатки.

Таким образом, для того чтобы мы могли использовать этнографическую информацию в археологических целях, необходимо не просто изучать поведение человека в этнографических сообществах, а устанавливать механизмы отражения поведения в материальных остатках. Другими словами – рассматривать «живую» действительность в археологическом контексте.

Прямые этнографические аналогии в данном случае не отвечают необходимым требованиям, поскольку процедуры этнографического и археологического исследования имеют взаимнообратную последовательность: этнографы реконструируют реальные связи объекта через обобщение и проверку идеальных (в концептуальном плане) представлений информаторов об этих связях. Археологи, напротив, реконструируют саму реальность в ее объективной, наблюдаемой форме, и лишь потом они могут строить предположения о возможных «родственных связях» [Renfrew, 1984. – P. 31–33]. Вместе с тем, этнография обеспечивает контролируемые и проверяемые условия наблюдения. Важно применить соответствующую методологию. По мнению Л. Бинфорда, вполне приемлемой основой для методологического обоснования этноархеологии могут служить так называемые «когнитивные схемы» процесса опредмечивания деятельности [Binford, 1977. – P. 8; 1981. – P. 25]. Эти «схемы» были разработаны одним из ведущих теоретиков этноархеологии М. Шиффером [Schiffer, 1972; 1976].

В вышедшей в 1976 году монографии «Поведенческая археология» М. Шиффер отмечал, что нельзя отождествлять структуру археологических остатков и структуру прошлой деятельности [Schiffer, 1976. – P. 42]. Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах проследить путь, который проделывают артефакты, прежде чем попасть в руки археолога. Исходя из этого, М. Шиффер выделил два источника воздействия на археологический материал: 1) сам человек; 2) природа. Отсюда вытекают два источника трансформации: «культурные трансформации» и «природные трансформации». Выделив два источника воздействия на археологические объекты, М. Шиффер объединил их в «системный контекст» (совокупность поведенческих условий) и «археологический контекст» (совокупность природных условий). Для того чтобы не происходило смешения разноуровневой терминологии, автор предложил установить эквиваленты в обоих контекстах. Поскольку основная единица археологического наблюдения – артефакт, в системном контексте ему должна соответствовать основная единица человеческого поведения – деятельность. Впоследствии эту схему частично продублировал Л. С. Клейн [1978]. В силу специфики археологического источника археологию интересуют именно предметные компоненты деятельности, соответствующие артефакту в археологическом контексте. Вещественный эквивалент деятельности и системный эквивалент артефакта М. Шиффер называет «элементами», определяя их через три основные категории:

1. Предметы длительного пользования (оружие, орудия, устройства и т. д.).
2. Предметы потребления (главным образом, пища и топливо).
3. Источники энергии (человек и внешние природные силы).

В данном случае деятельность понимается как продукт взаимодействия какого-либо элемента культуры с источником энергии [Schiffer, 1976. – P. 45].

Разграничив системные процессы (С-процессы) и археологические процессы (А-процессы), М. Шиффер устанавливает более дробную классификацию процессов формирования археологического памятника:

С-А процесс – образование культурных отложений.

1. Нормального типа – характеризует повседневную жизнедеятельность исследуемого района. Выделяются три разновидности процессов этого типа:

- а) выброс вещи;
- б) использование вещи в качестве погребального инвентаря;
- в) утеря вещи.

2. Оставление – характерно для районов, покинутых населением:

- а) обычные отбросы. Сюда попадают вещи, утратившие свою пригодность;
- б) псевдоотбросы. Это вещи, пригодные к использованию, но оставшиеся в покинутом районе. В данном случае важно выяснить не характер использования вещей, а причины, по которым район был оставлен.

А-С процесс – выметание мусора.

1. Использование мусора в строительстве (например, для подсыпки монументального сооружения), коллекционирование древностей и даже археологические раскопки.

А-А процесс.

1. Любая деятельность, вызывающая переотложение культурного слоя (вспашка почвы, рытье каналов и т. д.).

С-С процесс.

1. Любое изменение функции и социального контекста вещи без прекращения ее использования. Выделяется четыре типа этого процесса:

- а) обратный цикл – использование сработанной вещи в качестве сырья, либо для воспроизводства старой вещи, либо для изготовления новой вещи с новыми функциями (например, заточка серпа или переделка его в нож);
- б) вторичное использование – например, использование зернохранилища в качестве мусорной ямы;
- в) консервация – изменение социального контекста вещи. Типичный пример – музейная коллекция;
- г) побочный цикл – изменение социального контекста вещи при полном сохранении ее функционального контекста (например, переход вещи от одного владельца к другому):
  - формальный переход (через узаконенные каналы);
  - неформальный переход (дарение, кража и т. п., неофициальные каналы перехода вещей из рук в руки) [Schiffer, 1976. – Р. 29–40].

В данной схеме представлены процессы только культурной трансформации памятника. Природные трансформации М. Шиффер не затрагивает, хотя вводит их в общую схему получения выводов о прошлых социокультурных процессах как особый раздел (рис. 1).

На основе классификации М. Шиффера было создано несколько моделей культурной трансформации. Самая простая – «*модель потока*», основанная на том, что любые технологические процессы (приготовление пищи, изготовление орудий или строительство жилища) можно записать в виде символов последовательно сменяющихся друг

друга операций (рис. 2). Другая модель – «*модель поведенческой цепи*», предназначенная для реконструкции деятельности внутри малых хозяйственных систем. Она основана на описании любой деятельности при помощи семи характеристик:

1. Вид деятельности.
2. Источник энергии для осуществления деятельности (доля человеческого и вне-человеческого компонентов).
3. Соединение культурных элементов с источником энергии (орудия труда и вспомогательные средства).
4. Продолжительность деятельности и частота выполнения операций в единицу времени.
5. Точное место выполнения деятельности.
6. Отходы деятельности и/или дополнительные ее элементы.
7. «Траектория деятельности» от системного к археологическому контексту.

Если пункты 2–7 расположить в горизонтальной колонке таблицы, а виды деятельности выстроить в хронологической последовательности по вертикали, то можно будет установить, была ли «цепь деятельности непрерывной в пределах одного места» [Schiffer, 1976. – P. 49–53].

«*Модель траектории*» описывает переход системного контекста в археологический. В этой модели степень износа отдельного элемента за время выполнения трудовой операции, для которой он предназначался, определяется по формуле: $C = 1/b$, где b – устанавливаемое опытным путем количество операций, приводящих к полному износу элемента. Поскольку деятельность в «схеме» М. Шиффера является продуктом взаимодействия нескольких элементов, степень износа всех элементов, участвовавших в деятельности за один акт деятельности Y , выражается формулой: $Y = rdC1 + rdC2 \dots + rdCn$, где $C1 \dots Cn$ – степень износа каждого элемента деятельности; r – коэффициент обратного цикла; d – коэффициент износа элемента (артефакта) под воздействием природных процессов. Таким образом, общая траектория формирования археологического памятника определяется как сумма всех случаев выполнения деятельности: $Z = \text{сумма } Y$. Темпы этого процесса можно учесть, если ввести дополнительную переменную – «активность деятельности» $A1 \dots An$; тогда темпы выполнения одного акта деятельности можно выразить как $FA1 \dots FAn$. С учетом времени, необходимого для выполнения всей совокупности актов деятельности, формула общей «траектории» примет следующий вид: $Z = t (YFA1 + YFA2 \dots + YFAn)$ [Schiffer, 1976. – P. 53, 54].

Представленные в качестве примеров модели западных археологов являются многоцелевыми. Для применения в конкретной археологической ситуации они требуют тщательной модификации. Тем не менее, в общей оценке направленности этноархеологического исследования классификационная схема М. Шиффера представляется вполне продуктивной, хотя и не лишенной определенной «заформализованности».

Удачным примером ее использования является «*модель Риды*», предназначенная для анализа ситуации, описанной Л. Бинфордом во время этноархеологических исследований среди эскимосов нунамут.

Среди археологов существует убеждение, что для реконструкции прошлых систем наибольшее значение имеет массовый материал. Чем чаще встречается та или иная вещь в раскопах, тем более значима ее функция. Л. Бинфорд проверг такую

точку зрения. Наблюдая жизнь эскимосов, он обнаружил серию «привилегированных вещей», обладающих, с точки зрения аборигенов, особой хозяйственной и бытовой значимостью. Именно эти вещи реже всего встречаются в археологическом контексте и практически не попадают за пределы циклов процессов системного контекста.

«Модель Рида» представляет попытку ответить на вопрос, можно ли, основываясь на данных археологического контекста, реконструировать набор «привилегированных вещей», не данных археологу в наблюдениях. Модель основывается на допущении, что набор вещей в культурных отложениях, образующихся в период функционирования поселения (С-А процесс нормального типа), должен соответствовать набору вещей, попадающих в культурный слой в момент оставления этого поселения людьми, за исключением «привилегированной» серии. Если исключить из рассмотрения обратные циклы и процессы консервации, то модель примет следующее символическое выражение: $C = (P+S) - D$, где С – совокупность типов «привилегированных вещей»; Р – типы элементов первичного отложения (целые вещи, помещенные в погребение или утерянные в период функционирования поселения); S – типы элементов вторичного отложения (вещи, сломанные или выброшенные в период функционирования поселения); D – псевдоотбросы (функционально пригодные вещи в отложении, образовавшемся в момент оставления поселения людьми) [Schiffer, 1976. – P. 55–57].

Таким образом, использование этнографической информации для археологических реконструкций является вполне обоснованным и приемлемым. Основанием для таких исследований является допущение универсальности человеческого поведения, где объектом наблюдения становится социально-экономическая деятельность человека, выраженная в пространственно-временном распределении материальных остатков и их качественном содержании. Кроме того, большое значение приобретают наблюдения за процессом дезорганизации (археологизации) «живой» культуры.

2.3. Этнографические аналогии и этноархеологические модели

До сих пор одним из дискуссионных вопросов в использовании этнографической информации для археологических реконструкций является соотношение этнографических аналогий и этнографических моделей [Глушков, 1993. – С. 62; Кениг, 1995. – С. 81–84; Томилов, 1995. – С. 179–188; Богомолов, Томилов, 1981]. В чем принципиальная разница между этими понятиями? Действительно, какой бы строгой ни была процедура анализа этнографической информации в приложении к археологическим данным, она всегда будет выступать как аналогия. Тем не менее, существует несколько принципиальных отличий между прямой этнографической аналогией и этноархеологической моделью.

Некоторые отечественные исследователи, обнаруживая общность предметной области археологии и этнографии, связанную с этническими свойствами культуры, считают вполне приемлемой основой для реконструкции социокультурных систем древности прямые этнографические аналогии [Богомолов, Томилов, 1981. – С. 125]. При этом чаще всего называются два основных условия, учет которых необходим при использовании археолого-этнографических сопоставлений. Во-первых, зависимость между природной средой и характером хозяйства, уровнем общественного развития

и особенностями идеологии; во-вторых, рассмотрение этой зависимости с учетом общих закономерностей исторического развития [*Косарев, 1981. – С. 120*].

Вместе с тем существуют подходы, основанные на сравнительно-историческом методе – через хозяйственно-культурные типы (ХКТ) [*Зализняк, 1989; Кокшаров, 1992*]. В рамках этого подхода выделяют три последовательных этапа:

1. Определение ХКТ реконструируемого общества прошлого.
2. Построение этнографической модели установленного хозяйственно-культурного типа.
3. Проецирование на прошлое полученной этнографической модели ХКТ [*Кокшаров, 1992. – С. 3*].

Обоснованием первого этапа исследования является то, что все явления ХКТ «располагают надежными реперами в археологическом материале». Упорядочение этнографического материала, статистические данные и сравнительный анализ этнографических моделей, позволяющие выявить типичные и повторяющиеся элементы в различных структурах, обосновывают второй этап исследования. На третьем этапе установленные модели проецируются на материальные остатки археологических культур с учетом комплексной, многосторонней и перекрестной проверки [*Кокшаров, 1992. – С. 4*].

По мнению С. Ф. Кокшарова, предложившего вариант реконструкции социально-экономического устройства кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке, основная сложность описанной процедуры заключается в отсутствии целостного этнографического исследования, посвященного охотникам и рыбакам таежной зоны Зауралья и Западной Сибири [*Кокшаров, 1992. – С. 4*]. По его мнению, расширение диапазона привлечения фактического материала, обеспечивающего достоверность этнографической модели, придает полноту археологической реконструкции.

Безусловно, все перечисленные варианты реконструкции в целом имеют большое значение для исторических интерпретаций в археологии. Однако основной их недостаток заключается не в отсутствии обобщающих этнографических работ, а в отсутствии критериев, по которым этнографические модели могли бы проецироваться на археологический материал.

По справедливому замечанию В. А. Шнирельмана, предмет изучения археологии и этнографии совпадает только на первый взгляд. На самом деле этнография изучает «живые» общества во всем их многообразии и целостности, в то время как археология исследует остатки материальной культуры в их пространственно-временном соотношении. «Этнограф, имея дело с живой культурой, обращает внимание прежде всего на общественное (половозрастное, межобщинное и прочее) разделение труда, организацию труда, навыки и методы ведения хозяйства, народные знания, а также при желании имеет возможность измерить реальный объем продукции, проследить особенности ее распределения и связать это с социальными взаимоотношениями» [*Шнирельман, 1995. – С. 145*]. У археологов такая возможность отсутствует. Поэтому прямой перенос этнографической модели на археологические культуры с учетом только экологических и общеисторических условий представляется не совсем корректным. Таким образом, основной недостаток этнографической аналогии заключается в отсутствии каких-либо корреляционных признаков между человеческой деятельностью и материальными остатками этой деятельности. Следовательно, для

археологии, где основной источник познания прошлой действительности – вещь и ее связи, этнографические параллели могут быть использованы только как средство выдвижения интуитивных предположений, основанных в большей степени на профессионализме и компетенции исследователя.

Разумеется, отсутствие объективности в этнографических аналогиях не уменьшает их ценности для исторических реконструкций, поскольку в любой реконструкции участвуют два фактора: субъективный и объективный, и последний всегда опосредован первым [Глушков, Захожся, 1992. – С. 127–130]. В данном случае проблема заключается в том, чтобы снизить долю субъективного фактора, а также сделать информацию, получаемую из этнографической действительности, максимально адаптированной к археологическим источникам.

По словам Дж. Йеллена, проблемы археологов связаны не только с ограниченностью и фрагментарностью их материала, но и с более фундаментальной трудностью – «определить законы, применимые к материальным останкам человеческой культуры», которые позволят восстанавливать социальные процессы в древних обществах [Yellen, 1977. – P. 3]. Эти законы можно определить только через серию наблюдений за структурой социально-экономических процессов и структурой материальных остатков в «живых» этнографических обществах.

Таким образом, процедура этноархеологического исследования, концентрируясь на выявление связей между поведением и материальным результатом этого поведения, является определяющим условием этнографической аналогии.

По мнению Л. Бинфорда, этнографическая информация для археологического исследования имеет двойное значение: во-первых, как источник аналогий для моделирования общественных процессов; во-вторых, как средство проверки предположений о характере связей между поведением человека и материальными остатками [Binford, 1968. – P. 270]. Если названные Л. Бинфордом пункты представить как этапы этноархеологического исследования, то получится, что на первом этапе при помощи этнографических аналогий выдвигается несколько априорных предположений, основанных на интуиции и компетенции исследователя; на втором этапе эти гипотезы проверяются через серию наблюдений за структурой материальных остатков, находящихся на функционирующем или недавно оставленном поселении, с целью установления механизма отражения в них хозяйственной и общественной деятельности. В последнем случае для результатов проведенного анализа целесообразнее заменить термин «аналогия» на термин «модель» для того, чтобы разграничить эти понятия в общей системе этноархеологического исследования, в ходе которого аналогии либо подтверждаются и приобретают доказательную форму, становясь моделью, либо опровергаются и теряют свою научную форму.

Таким образом, получается следующая дефиниция: этнографические аналогии (археолого-этнографические параллели) – это несколько априорных предположений, основанных на этнографических моделях, экстраполированных на археологический материал с учетом эколого-географической специфики и особенностей хозяйственно-культурного типа определенного региона, обладающих значительной долей вероятности и слабо соотносимых с археологическими материалами. Этноархеологические модели – это версии, основанные на этнографической аналогии и проверенные дедуктивным методом через серию экспериментов и наблюдений

за структурой материальных остатков функционирующих культур и их социально-экономическим укладом. Такой подход обеспечивает наибольшую объективность и доказательность археологических интерпретаций.

Американские этноархеологи выделяют два типа этноархеологических моделей [Yellen, 1977. – P. 6, 7; Schiffer, 1981. – P. 231].

Первый тип – общие модели. По мнению М. Шиффера, это модели, которые строятся на двух или более связанных между собой переменных, независимо от места и времени [Schiffer, 1981. – P. 232]. Для создания общих моделей необходима серия кросскультурных исследований в рамках какой-либо общей структуры, для того чтобы обнаружить законы, характерные, например, для охотничье-рыболовческого типа хозяйства, независимо от географического расположения и временных границ. Общие модели представляют аналогичные ситуации, характерные для всех земледельческих или охотническо-собираТЕЛЬСКИХ обществ. Вместе с тем, общие модели могут представлять и такие ситуации, которые присущи и присваивающему, и производящему хозяйству, а также могут быть обнаружены в индустриальных культурах. Таким образом, диапазон поиска общих моделей достаточно широк. По словам Дж. Йеллена, для того чтобы использовать общие модели, археологам необходимо принять, что «отдельные процессы прошлого – это часть огромной реальности, которую мы можем наблюдать в настоящем» [Yellen, 1977].

Дж. Йеллен, проведя исследования среди бушменов Кунг в районе Доуб и изучив связь между различными аспектами социокультурной системы (время обитания на поселении, количество и состав жителей, хозяйственная занятость, сезонность и т. д.), окружающей средой (наличие водных, растительных и животных ресурсов) и материальными остатками (анализ концентрации, пространства распределения и содержания пищевых отходов и мусора), сделал несколько интересных выводов. Во-первых, по размеру стоянки можно судить о ее долговременности, а по размеру территории, занятой жилищами, – о численности общины. Во-вторых, на основе созданной им так называемой «модели кольца» можно определить количество социальных союзов, проживающих на поселении [Yellen, 1977. – P. 134]. Хотя сам автор признает, что его выводы далеки от совершенства, при дополнительной проверке они, возможно, могут быть применимы к различным системам охотников-собираТЕЛЕЙ.

Примером создания общих этноархеологических моделей может также служить работа О. Р. Квирквелии. Автор обследовала московские квартиры, освобожденные в результате сноса или капитального ремонта, условно сравнивая их с однослойными археологическими жилищами. Цель исследования состояла в установлении соответствия между оставленными вещами и социальной характеристикой их владельцев [Квирквелия, 1989. – С. 43–48]. Другими словами, проверялась возможность реконструкции социального положения группы на основе «археологического» материала. Несмотря на то что в результате исследований О. Р. Квирквелии ни в одном случае «археологическая группировка» не совпала полностью с социологической, ценность эксперимента от этого не уменьшилась, поскольку полученные выводы наводят на размышления о корректности проводимых в настоящее время социологических реконструкций в археологии.

Второй тип моделей – специфический, то есть применимый к определенным условиям и соответствующий одной или нескольким культурным группам [Schiffer,

1981. – Р. 231]. Как правило, эти модели используются в тех местах, где существует историко-генетическое соответствие между археологическими и этнографическими культурами. Примером такой специфической модели может служить работа М. Станиславски [*Stanislawski, 1977. – Р. 378–408*]. Автор провел большую работу по анализу керамической посуды, ее связи с элементами социальной организации и этнической характеристикой. В результате он пришел к следующему выводу: племена хопи и хопи-теуа, отличающиеся друг от друга многими культурными аспектами и считающие себя разными этносами, имеют очень схожую по облику керамическую посуду. Кроме того, изменения стиля орнаментации не всегда свидетельствуют о каких-либо общекультурных изменениях [*Stanislawski, 1977. – Р. 378–408*]. По мнению М. Шиффера, хотя эти выводы основаны на анализе большого количества глиняной посуды, они ограничены в применении конкретным местом и временем. Таким образом, «все специфические модели, – пишет М. Шиффер, – имеют такую формулу: поведение Y обнаружено в культуре X во время T» [*Schiffer, 1981. – Р. 237*].

Слабая сторона специфических моделей заключается в том, что, во-первых, историко-генетическое соответствие между ископаемой и «живой» культурами требует особой процедуры доказательности; во-вторых, это соответствие не всегда обеспечивает культурное сходство; в-третьих, большинство археологических культур не имеет в настоящее время прямых потомков. Тем не менее, подобные модели предостерегают археологов от однозначности их суждений. В частности, работа М. Станиславски, например, показывает неправомочность отождествления археологической культуры с каким-либо этносом на основе анализа керамической посуды.

Существенным элементом, отличающим этноархеологические модели от этнографических аналогий, является не только сосредоточение первых на объектах, которые имеют прямое отношение к археологии, но и в процедуре сбора необходимой информации. Этнографические аналогии, как правило, строятся на информации, получаемой этнографами путем устного интервьюирования. Зачастую случается так, что информаторы, рассказывая о тех или иных элементах и явлениях своей культуры, стараются выдать за реальность идеальные модели поведения, которым они не всегда следуют в действительности. Поэтому для этноархеологического исследования наибольшее значение имеет метод непосредственного наблюдения.

В целом следует отметить, что и этнографические аналогии, и этноархеологические модели являются частью общей исследовательской процедуры, направленной на реконструкцию социально-экономических, хозяйственных, бытовых и прочих процессов, происходивших в древнем обществе. При рассмотрении их как метода экспериментального моделирования в археологии появляется возможность получения дополнительной информации, которая наиболее адаптирована к археологической процедуре и отличается большей объективностью и независимостью.

ГЛАВА 3

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕКОНСТРУКЦИИ (на примере тазовских селькупов)

3.1. Историко-географическая характеристика тазовских селькупов

В качестве объекта этноархеологического исследования была выбрана часть северных (тазовско-туруханских) селькупов, проживающих в верховьях реки Таз. В административном отношении эта территория входит в состав Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Выбор данного региона связан с тем, что территория проживания тазовских селькупов на момент исследования была значительно удалена от промышленного (в частности, нефтегазового) освоения, а, следовательно, от непосредственного влияния цивилизационного фактора на традиционную культуру. Кроме того, до настоящего времени тазовские селькупы сохранили многие архаичные элементы образа жизни, которые отражают некоторые черты адаптации древнего человека к таежным условиям Западной Сибири. Это позволяет соотносить отдельные признаки охотничье-рыболовецкого типа хозяйства и транспортного оленеводства с более древними культурами таежной зоны Западной Сибири. Ярко выраженная сезонность поселений тазовских селькупов, а также «археологичность» типов жилищ (полуземляночного типа) позволяют определить механизмы отражения «живой» культуры в археологическом контексте, что, в свою очередь, способно обеспечить археологическую науку необходимым источником для исторических реконструкций древних культур.

Экологические особенности региона

Как известно, одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на развитие хозяйства и весь уклад жизни того или иного этноса, является экологическая, климатическая и ландшафтная специфика региона.

Река Таз берет свое начало под 62° с. ш. и 103° в. д. из двух небольших озер, расположенных в пределах Верхнетазовской возвышенности – одной из самых высоких во внутренней части Западно-Сибирской равнины. Ее максимальная высота достигает 285 метров в Балтийской системе высот. В геологическом отношении это хрупкое тектоническое поднятие, в своде которого обнажаются верхнемеловые пески, перекрытые ледниковыми отложениями [*Физико-географическое...*, 1973. – С. 81]. В физико-географическом отношении эта территория входит в состав Верхнетазовской провинции в рамках лесной равнинной широтно-зональной области Западной Сибири.

Провинция расположена в основном в средней и частично в северной тайге, что определяет ее климатические условия. Циркуляция атмосферы над таежной территорией зависит от процессов, которые происходят над Европой. Однако влияние континента и особенности географического положения придают атмосферной циркуляции западносибирской тайги определенное своеобразие. В летнее время сюда проникают воздушные массы атлантического происхождения, поступающие в циклонические системы арктического и полярного фронтов. С этим связаны увлажнение территории и облачность. Таежная часть отличается наибольшей циклоничностью в летний период. Это способствует продвижению на эти территории арктического воздуха, притекающего с Карского моря, который имеет малую влажность и низкую температуру. Чаще всего его вхождение происходит в начале и в конце лета. С этим связаны поздние весенние и ранние осенние заморозки.

Из местных факторов существенное влияние на климатические особенности исследуемого региона оказывают геоморфологические условия, а также обширные болота и озера. Влияние болот и озер наиболее значительно при формировании теплового режима в весенний период, в начале лета и отчасти осенью. Весной и в начале лета разлившиеся реки, озера и болота образуют сплошные водные пространства, которые способствуют повышению температуры и влажности воздуха.

Среднемесячная температура января в районе реки Таз составляет $-26,2^{\circ}$, средняя июльская температура не опускается ниже $+15^{\circ}$. Высота снежного покрова составляет 50–60 см [*Физико-географическое...*, 1973. – С. 60].

Поверхность Верхнетазовской провинции сильно расчленена, хорошо дренирована, что способствует сплошному распространению лесов. Преобладают темнохвойные, кедрово-еловые, с участками сосны и березы, зеленомошные леса на подзолисто-элювиально-глеевых почвах, которые развиты на покровных лесовидных суглинках. Менее дренированные участки заняты заболоченными лесами.

Поскольку провинция расположена далеко от тундровой зоны, а открытых болотистых пространств мало, эти обстоятельства не способствуют использованию территории для развития крупностадного оленеводства. Вместе с тем в рамках этой территории имеются достаточные кормовые ресурсы для содержания небольших стад оленей с сезонным перемещением на сравнительно короткие расстояния.

Район богат ценными породами пушного зверя. Здесь наблюдается скопление большого количества белки, имеется соболь, горностай, лисица.

Река Таз, несмотря на свою немалую протяженность, достаточно мелководна. Она принадлежит к числу немногих рек Западной Сибири, в верховьях которых не происходит замора воды в зимнее время. Это благоприятствует развитию интенсивного рыболовства. Ледостав происходит в октябре–ноябре, вскрытие – во второй половине мая. После вскрытия ледяного покрова с Тазовской губы в верховья поднимается значительное количество сиговых пород рыбы – нельмы, муксуна, пыжьяна, сырка. Кроме того, в реку Таз заходит осетр. В верховьях встречается таймень. Круглый год в реке Таз и на ее притоках есть возможность для промысла язя, окуня, щуки, чебака и прочей рыбы.

Обеспечили развитие географического положения, ландшафтных, водных и других ресурсов обеспечили развитие комплексного охотничье-рыболовческого хозяйства с наличием транспортного оленеводства среди селькупов, проживающих в верховьях реки Таз.

Историко-этнографическая характеристика

Северная группа тазовско-туруханских селькупов сложилась в результате переселения на Таз и его притоки, а также на реку Турухан тымских и караконских селькупов [Соколова, 1980. – С. 90].

В результате переселения они практически полностью переняли традиционные черты хозяйства проживающих на этой территории лесных энцев и ненцев. К концу XIX – началу XX веков у тазовских селькупов сложился глубинно-таежный тип хозяйства (по типологии А. В. Головнёва) со всеми присущими ему элементами [Головнёв, 1993].

Традиционными видами хозяйственной деятельности для тазовских селькупов являются рыболовство, охота на мясного и пушного зверя и транспортное оленеводство [Лебедев В. В., 1980. – С. 84]. Годовой хозяйственный цикл делится на две части – зимнюю и летнюю. «Зимний год» начинается с октября и продолжается до мая месяца, в этот период основу хозяйства составляет охота – как на пушного зверя, так и на крупных копытных (лося, дикого оленя). В мае начинается «летний год», в течение которого селькупы находятся практически на одном месте, занимаясь рыболовным промыслом. В период всего хозяйственного цикла выбор того или иного места жительства определяется благоприятным выпасом небольших стад оленей (10–20 голов).

Как правило, осенью (в конце августа – начале сентября) селькупы осуществляют активный промысел проходных пород сиговых (нельмы, муксуна, пыжьяна и т. д.) в верховьях Таза и на его притоках. Основными орудиями лова в этот период являются ставные сети, невода и остроги [Скалон, 1930. – С. 131]. С появлением льда устанавливают запоры. В ходе осеннего рыбного промысла происходит заготовка рыбы впрок. Часть ее замораживается и оставляется на хранение здесь же на всю зиму, а часть увозится и используется при дальнейших перекочевках. В этот же период осуществляется охота на боровую дичь (глухаря, тетерева, рябчика), а также производится отстрел белки. Основная часть семьи остается, как правило, на летних поселениях, и лишь отдельные ее члены (большей частью мужчины) покидают стойбище на два-три дня [Скалон, 1930]. Охоту в осенний период на боровую дичь производят чаще всего при помощи слопцов; на водоплавающую дичь (уток и гусей) в начале августа устраивают загонную охоту. По случаю убивают лося.

В середине декабря с наступлением морозов охотничий промысел прекращается. Хозяйства откочевывают к верховьям небольших речек, в места, примыкающие к открытым тундрам, где во второй половине зимы начинается охота на дикого оленя. Дикого оленя добывают преимущественно гоньбой. Группа мужчин преследует стадо диких оленей и загоняет его в лес, в глубокий снег. Теряя подвижность, олени становятся легкой добычей охотников [Лебедев В. В., 1980].

Период с середины декабря до начала февраля можно охарактеризовать как время промыслового затишья. Семьи селькупов переезжают в зимние землянки, и основная их деятельность заключается в осмотре запоров и установке капканов на близлежащей территории. Именно в этот период они осуществляют поездки на фабрики для сдачи продуктов промысла и приобретения необходимых продуктов питания и промышленных товаров.

Охотничий промысел возобновляется в конце января – начале февраля и продолжается до апреля, когда шкурки пушных животных становятся непригодными,

а стада диких оленей уходят на север. Заканчивается зимний цикл в апреле, и с ним заканчивается охотничий промысел. У оленей начинается отел, и селькупы перекачывают на летние стойбища на берега Таза и его основных притоков. Со вскрытием рек и прилетом водоплавающей птицы начинается ее промысел, который продолжается недолго, так как утки и гуси садятся на гнездо. В этот период осуществляется весенний рыболовный промысел. Для оленеводческих хозяйств это самый трудный период, связанный с отелом оленей и борьбой с гнусом.

Такой годовой хозяйственный цикл, с присущими ему способами охоты, рыболовства и содержания оленей, был характерен для всей зоны северной тайги, прилегающей к ней подзоны бассейна Турухана и левобережья Енисея [*Лебедев В. В., 1980*].

Несмотря на то что оленеводство является вспомогательной отраслью по отношению к охоте и рыболовству, оно имеет большое значение в хозяйстве тазовских селькупов. В этой связи необходимо остановиться на особенностях выпаса и содержания оленя несколько подробнее.

В летний период после весеннего отела оленей отпускают на вольный выпас. В это время на летнем стойбище сооружают каркасную конструкцию в виде сарая из сосновых жердей. С каждой стороны олений сарай имеет узкий выход, возле которого сооружают один-два дымокура, огороженных жердями. Такие же дымокуры сооружают около сарая на открытой площадке. Из-за большого количества комаров олени не отходят далеко от дымокуров, и лишь в ночное время, когда наступает прохлада, они уходят в лес в поисках корма. Для поддержания дымокуров среди членов семьи устанавливается круглосуточное дежурство. Только ближе к осени, когда комаров становится меньше, олени уходят дальше от стойбища, находясь на свободном выпасе. Осенью их собирают и проводят сортировку. Стадо делится на три части, примерно равные по количеству. Две трети составляют важенки, столько же – кастрированные быки, одну треть – быки-производители, телята и молодежь, а также олени, предназначенные для жертвоприношения на священных местах [*Гемуев, Пелих, 1974. – С. 84*].

Поскольку стада оленей у селькупов небольшие, а их значение в хозяйстве довольно значительное, то ими очень дорожат. Оленя используют в основном как транспортное животное, из шкур изготавливают одежду и покрытие для чума, а мясо идет в пищу.

Собирательством занимаются в основном в конце лета – начале осени. Ягоды чаще всего употребляют в пищу в свежем виде.

Основу годового рациона северных селькупов составляет продукция рыбного промысла: на семью из пяти человек в XIX веке добывали в среднем 8–10 тыс. кг. Расчеты показывают, что взрослый мужчина способен в сутки съесть пять чиров, при среднем весе одного чира 2 кг. При этом если учитывать, что треть рыбы в пищу не идет, то в среднем одному мужчине необходимо до 4 кг рыбы в день. Примерно столько же нужно женщине и детям. Таким образом, семье из пяти человек необходимо около 20 кг рыбы в день [*Лебедев В. В., 1980. – С. 86*]. Поскольку с начала июня до конца ноября в течение шести месяцев мясо практически не употребляли (только осенью в период охоты на боровую и водоплавающую дичь), а зимой и весной мясо составляло около трети рациона, то приблизительно 200 дней в году рыба являлась основным продуктом питания. Таким образом, годовая потребность в рыбе одной семьи составляла около 4 тыс. кг. Если учесть, что около 1 тыс. кг шло на изготовление

рыбной муки, часть заготавливалась впрок и на продажу, то в среднем на семью приходилось от 3 до 15 тыс. кг рыбы в год [Лебедев В. В., 1980. – С. 86].

За прошедшее столетие в хозяйственном укладе и образе жизни тазовских селькупов многое изменилось. Как свидетельствуют литературные источники, «исчезновение диких оленей, становление домашнего оленеводства и, главное, активное развитие в XIX веке товарно-денежных отношений существенно изменили экономику северного населения» [Лебедев В. В., 1980. – С. 86]. Однако обеспечение селькупских хозяйств рыбной продукцией не менялось на протяжении всего XIX века, зато мясом и шкурами при трансформации хозяйства значительно сократилось.

В период советского строительства и активного индустриального освоения края традиционные формы жизнеобеспечения тазовских селькупов претерпели еще большие изменения. Однако и в настоящее время приблизительно треть селькупского населения Тазовского региона занята в традиционных отраслях хозяйства (охоте, рыболовстве, оленеводстве) [Шаргородский, 1994. – С. 46].

По-прежнему значительную роль в хозяйстве играет охота на пушного зверя (белку, соболя, горностаю, песца) и охота на крупных копытных, преимущественно на лося. Важное значение сохраняет промысел боровой дичи (глухаря, тетерева, рябчика, куропатки) и водоплавающей дичи (утки, гуся). Во многом сохранился традиционный годовой хозяйственный цикл. Рыболовством занимаются круглый год. В начале лета ловят щуку, язя, окуня, чебака, а в конце лета проводят промысел сиговой и лососевой рыбы: нельмы, щёкура, муксуна, пыжьяна, сырка, тайменя. Основными орудиями лова являются ставные сети, невода и запоры.

Наряду с современными видами транспорта (моторными лодками, снегоходами) продолжают бытовать долбленые лодки-«ветки», нарты, лыжи. Сохранение промыслово-олeneводческого уклада способствует сохранению традиционных типов поселения, жилищ и хозяйственных построек.

Основу рациона продолжает составлять продукция рыбного промысла, которую употребляют как в сыром, так и в соленом виде. Рыбу заготавливают впрок и готовят из нее муку (порсу).

В мясном рационе предпочтение отдается оленине и лосятине. По данным опроса, проведенного Л. Т. Шаргородским, говядина составляет 39,9% в мясном рационе опрошенных; свинина – 34,4%; баранина – 27,7%; лосятина – 43,6%; оленина – 87,2% [Шаргородский, 1994. – С. 128]. Кроме того, большое значение в рационе приобрели консервированные продукты, которые обеспечивают разнообразие питания в периоды межохотничьих сезонов и особенно в летний период, когда основным продуктом является рыба, а также в тяжелые месяцы года, связанные с различного рода кризисными явлениями.

Таким образом, традиционный уклад жизни тазовских селькупов с полным основанием можно рассматривать как объект этноархеологического моделирования с целью установления взаимосвязи между функционирующей культурой и материальными объектами этой культуры для их дальнейшей экстраполяции на археологический материал.

3.2. Этноархеологические модели летних и зимних поселений

Одной из распространенных задач при реконструкции социально-экономического и хозяйственно-бытового уклада древних обществ по археологическим материалам является определение сезонности поселений и жилищ (летние и зимние). Как правило, в качестве основных признаков, способных отразить тот или иной тип поселения или жилища, археологи используют специфику расположения памятника (в устье или у истока реки, на возвышенности или гриве, на открытой поляне или защищенной местности), мощность культурного слоя, конструктивные особенности жилищ (наземные или земляночного типа, наличие или отсутствие очага и т. д.) и другие [Кирюшин, Малолетко, 1979. – С. 122–125].

В этой связи основной задачей описываемого этноархеологического эксперимента является попытка обнаружить характерные признаки сезонной направленности селькупских поселений и жилищ, отражающихся в археологическом контексте. Другими словами – определить отличительные черты сезонных поселений селькупов путем анализа вещных комплексов.

В «живой» этнографической действительности, при наблюдении жизни тазовских селькупов в летних и зимних поселках, разница между этими типами поселений прослеживается отчетливо. Прежде всего, это выражается в топографическом размещении стойбищ, в выборе места их расположения. Летние поселения располагаются, как правило, недалеко от реки, на невысокой – до двух-трех метров – террасе, хорошо обдуваемой ветром. Выбор места определяется несколькими основополагающими факторами. Во-первых, это наличие богатых кормовых угодий для выпаса оленей в летний период, наличие небольшого болотца или ручья, обеспечивающих прохладу в ночное время суток (благоприятствует содержанию оленей); кроме того, площадка должна хорошо обдуваться ветром, чтобы было меньше гнуса. Во-вторых, возможность занятия рыболовным промыслом, являющимся основным источником жизнеобеспечения в летний период.

Зимние поселения располагаются в глубине сосновых боров сравнительно недалеко от реки. Выбор места зимних стойбищ связан с закрытостью от ветра, наличием ягельных угодий для оленей и возможностью осуществлять неинтенсивный охотничье-рыболовческий промысел.

Существенным признаком, отличающим летние и зимние поселения тазовских селькупов, является срок эксплуатации в течение годового хозяйственного цикла. На летнем стойбище в среднем проживают около шести месяцев в году (с мая по октябрь). В то время как на зимнем – только два месяца (с конца декабря до начала февраля). Все остальное время селькупы проводят в постоянных перекочевках, промысля пушного зверя и выпасая оленей. Стоянки этого периода настолько кратковременны, что зачастую не оставляют характерных следов не только в археологическом, но и в этнографическом контексте.

Различная длительность проживания на летнем и зимнем стойбищах обеспечивает разницу в площадном освоении этих типов поселений. Поскольку большая часть хозяйственно-бытовой деятельности приходится на летний период, то основная масса хозяйственных построек располагается на летнем стойбище (лабазы, навесы, летние кухни и т. д.). На зимнем стойбище, кроме жилищ, никаких других

сооружений селькупы не строят; исключения составляют имеющиеся на некоторых стойбищах небольшие срубы для хранения мяса.

Хозяйственная направленность летних и зимних стойбищ, описанная выше, – также один из существенных признаков, отличающих сезонные поселения. В данном случае на него хотелось бы обратить особое внимание для того, чтобы попытаться проследить закономерность отражения хозяйственной деятельности в вещественных комплексах различных типов поселений.

В археологическом контексте (если абстрагироваться от наблюдений этнографической действительности) на визуальном уровне отчетливо прослеживается степень концентрации и порядок размещения предметов материальной культуры и вещественных остатков на зимнем и летнем стойбищах. В соответствии с этим была поставлена задача определить, каким образом концентрация предметов может отражать сезонную направленность поселения, выявлять наличие здесь каких-либо закономерностей. В данном анализе не учитывались жилища, поскольку эти объекты имеют особую значимость, и им посвящены отдельные исследования.

* * *

Во время полевых работ 1994 года нами в пределах Красноселькупского района ЯНАО были сняты инструментальные планы восьми селькупских стойбищ: четырех – летних (рис. 4–7) и четырех – зимних (рис. 8–11), что и составило источниковую базу настоящего исследования. Единые условные обозначения к планам стойбищ приведены на рисунке 3.

* * *

Концентрация предметов на летнем и зимнем поселениях

Для того чтобы определить в цифровом выражении степень концентрации предметов на различных сезонных стойбищах, вся их площадь была разбита на квадратную сетку (площадь одного квадрата 16 кв. м). Предметы, попадающие дважды в отдельный квадрат, заносились на план и отмечались соответствующим порядковым номером. Отдельно записывалась функциональная направленность предметов, материал изготовления и степень сохранности. Эти особенности использовались при дальнейшем анализе. Коэффициент концентрации рассчитывался при помощи методов теории информации, в частности – энтропии как меры неопределенности информации: $P = \sum P_i \log P_i$ – и избыточности как меры избыточности или предопределенности информации: $R = 1 - H/H_0$, где $H = \log N$, N – общее число значений признаков. В данном случае R выступает как коэффициент концентрации.

За признак было взято распределение предметов по квадратам, а в качестве его вариантов – следующие параметры:

1. Количество квадратов, не содержащих предметы.
2. Количество квадратов, содержащих от одного до четырех предметов.
3. Количество квадратов, содержащих пять и более предметов (т. е. зоны наибольшей концентрации).

В результате расчетов (табл. 1, 2) были получены следующие данные: для летних

поселений избыточность (R) составила R A1=0,61; R A2=0,32; R A3=0,63; R A4=0,61; в то время как для зимних – R B1=0,21; R B2=0,15; R B3=0,13; R B4=0,20.

Таким образом, концентрация предметов на летних поселениях является их характерным признаком, в то время как на зимних стойбищах преобладает равномерное распределение по всей площади.

Этнографически данные выводы объясняются тем, что на летних поселениях основным центром хозяйственно-бытовой деятельности является летняя кухня, представляющая собой каркасную конструкцию из восьми опорных столбов с крышей, огороженную по периметру небольшими сосновыми жердями. Именно в летней кухне и около нее размещается большое количество предметов (соответственно высок коэффициент концентрации). Кроме того, селькупы периодически производят уборку территории летнего стойбища (три-четыре раза за сезон), поэтому все предметы, не связанные с функциональной значимостью, концентрируются в мусорных кучах. Примечательно, что на трех обследованных стойбищах мусорные кучи размещаются в «естественных» впадинах, которые являются котлованами археологических жилищ бронзового века. Этот факт наводит на размышления о формировании многослойных памятников и представляет особый интерес для этноархеологических исследований; в данной работе приведен только в качестве иллюстрации.

Таким образом, для летних селькупских поселков характерна объектность концентрации предметов материальной культуры и вещественных остатков, в то время как для зимних характерно равномерное распределение предметов. Уборка летних поселений, по словам селькупов-информаторов, обусловлена содержанием оленей, которые на замусоренном стойбище могут легко поранить себе ноги о жестяные банки или осколки стекла. Вместе с тем возникает потребность в наведении и санитарного порядка. На зимних поселениях такая потребность отсутствует, поскольку зимой мусор находится под значительным покровом снега и не приносит особого вреда. Если учесть, что время эксплуатации зимних стойбищ гораздо меньше летних, то и накопление остатков на них значительно меньше.

Рассматривая функционирующие селькупские стойбища в контексте археологии, мы наблюдаем существенное различие в сезонной направленности летних и зимних поселков, выраженное в степени концентрации и размещении предметов. Для летних характерно пообъектное размещение (т. е. выделяются отдельные локальные центры: летние кухни, мусорные кучи и т. д.). Для зимних, напротив, характерно равномерное распределение предметов по всей площади.

Наиболее значимыми объектами концентрации предметов на летних поселениях являются жилища, летние кухни, мусорные кучи, места ремесленных работ мужчин; на зимних – собственно жилище и околжилищное пространство (табл. 3).

На следующем этапе этноархеологического эксперимента было решено проверить наличие закономерностей зонального размещения и концентрации предметов материальной культуры на селькупских стойбищах относительно жилища, то есть в пред-входовой части околжилищного пространства, в задней, левой и правой частях относительно входа. Количественное и процентное соотношение показывают, что зонами наибольшей концентрации предметов является предвходовая часть околжилищного пространства (табл. 4; 5). Процент концентрации в этой зоне во всех поселениях (летних и зимних) не опускается ниже 50%. Кроме того, наиболее «осваиваемой»

(по количеству предметов) можно назвать правую от входа зону, где удельный вес содержания вещей колеблется от 32% до 74%, независимо от сезонной направленности поселения. Задняя и левая зоны имеют довольно большой диапазон колебания в процентных соотношениях, поэтому говорить о какой-либо закономерности здесь не приходится.

Описанные наблюдения и расчеты раскрывают на археологическом уровне два основных момента: во-первых, с уверенностью можно сказать, что каких-либо устойчивых закономерностей в распределении предметов по зонам относительно жилища, которые бы отличали летние поселения от зимних, не существует. В то же время наблюдается устойчивый стереотип в распределении предметов в предвходовой части околоселищного пространства. Эта закономерность может служить одним из критериев в определении входа археологических жилищ, особенно в тех случаях, когда он плохо фиксируется в слое.

Плотность размещения предметов и сезонная направленность поселений

Следующий этап эксперимента заключался в определении закономерности в распределении предметов на летних и зимних поселениях, выраженной в количестве на 1 кв. м. Другими словами, необходимо установить плотность распределения вещей на поселениях различных типов. Для того чтобы полученные выводы можно было максимально использовать в археологии, все вещи были разделены на две категории: предметы, используемые в хозяйственно-бытовой деятельности, и предметы, вышедшие из употребления и попавшие в категорию «мусор». В таблицах эти категории обозначены буквами: «Ф» – функционирующие предметы; «М» – мусор (табл. 6; 7).

Количественный анализ распределения предметов по категориям показывает, что как на летних, так и на зимних стойбищах встречается наибольшее число предметов, попавших в категорию «мусор». В этом смысле сложно говорить о каких-либо закономерностях. В то же время, если сравнивать летние и зимние поселения по плотности предметов на 1 кв. м, то явно прослеживаются и сезонные различия.

На летних стойбищах плотность мусора колеблется от 0,02 до 0,04, в то время как на зимних – от 0,90 до 0,21. Вместе с тем плотность функционирующих предметов на летних и зимних поселениях характеризуется стабильностью. Таким образом, получается, что наиболее «мусорными» являются зимние стойбища. Основным фактором, влияющим на данную закономерность, является разница в площади обоих типов поселений. Малая площадь зимних поселков предполагает и соответственное распределение вещей, выраженное в их количестве на 1 кв. м. В то же время на разницу в плотности мусора и стабильность функционирующих вещей оказывают влияние и другие факторы. Например, уборка летних поселков, в ходе которой часть мусора может выпадать за рамки площади поселения, в то время как на зимних весь мусор остается на поверхности и не растаскивается за пределы осваиваемой площади, поскольку, как уже отмечалось, этому препятствует наличие снега. Относительно стабильная плотность функционирующих вещей на сезонных поселениях объясняется большой площадью летнего поселения и количеством предметов, используемых в хозяйственно-бытовой деятельности. Таким же образом выравнивается меньшее количество функционирующих вещей с меньшей площадью на зимних поселениях. Поэтому при сравнении их плотности разница между летними и зимними стойбищами отсутствует.

Следует отметить также, что поскольку «мусор» – это, прежде всего, археологическая (нефункционирующая) категория, то анализ плотности распределения археологического материала в слое (с учетом других закономерностей) на поселении может вывести на определение характера сезонности. Плотность находок на зимних поселениях значительно выше, чем на летних (если учитывать только мусор).

Таким образом, плотность материальных остатков может быть использована как один из признаков сезонности поселения.

Функциональная направленность материальных остатков в связи с сезонностью поселений

Анализ функциональной направленности материальных остатков (мусора) на летних и зимних поселениях был предпринят для того, чтобы определить наличие закономерности между их сезонным типом и хозяйственно-бытовой направленностью. Другими словами, ставилась задача проследить, насколько вещественные остатки способны отражать реальную картину «живой» культуры.

Прежде всего, необходимо отметить, что анализ летних поселений проводился в соответствии с объектами, на которых находятся вещественные остатки. К таким объектам относятся летние кухни и собственно мусорные кучи. При исследовании зимних поселений, в связи с отсутствием каких-либо объектов, за исключением жилища, анализ вещественных остатков проводился суммарно, околожилищное пространство рассматривалось как отдельный объект. Количественная характеристика предметов материальной культуры на летних и зимних поселениях по категориям «мусор» и «функционирующие» относительно объектов представлена в таблицах 8 и 9. Процентное соотношение предметов указывает на то, что для зимних поселений характерно преобладание мусорных остатков, в то время как предметы, пригодные в хозяйстве, представлены в незначительных количествах. Доля мусора в среднем составляет 85,6–97,7%, а функционирующих вещей – от 2,3% до 14,4% (табл. 11). На летних поселениях картина несколько иная. Если брать в расчет не собственно мусорные кучи, где доля вещественных остатков естественным образом составляет 100%, а другие объекты, например, летнюю кухню, то здесь соотношение мусора и функционирующих вещей представлено следующим образом: мусор – от 16,3% до 48%; функционирующие вещи – от 52% до 83,7% (табл. 10). Но даже если сравнивать вещественные остатки с используемыми предметами на летних стойбищах, учитывая мусорные кучи, то диапазон между количеством функционирующих предметов и материальными остатками на летних поселениях значительно ниже, чем на зимних.

Таким образом, соотношение мусорных остатков и предметов, находящихся в эксплуатации, в рамках летних и зимних поселений практически противоположно. Наиболее насыщенными мусором являются зимние поселения, в то время как на летних больше функционирующих вещей. Исходя из этого, в археологическом контексте для зимних поселений будет характерно большее количество находок.

Хозяйственно-бытовая направленность вещественных остатков в связи с сезонностью поселений

Следующая задача нашего эксперимента состояла в том, чтобы выяснить, существуют ли какие-либо закономерности между хозяйственно-бытовым назначением

вещей и сезонной направленностью поселений. С этой целью при обследовании поселений и фиксации предметов материальной культуры учитывались их функциональное назначение и сфера использования. В ходе анализа все предметы были разделены на 16 основных видов:

1. Железные банки (к ним относятся консервные банки, независимо от размеров и содержимого).
2. Стеклянные банки (все банки, независимо от размера и содержимого).
3. Бутылки (стеклянные и полиэтиленовые).
4. Пузырьки (небольшие стеклянные и полиэтиленовые емкости из-под лекарств, парфюмерии и пр.).
5. Крышки (независимо от материала изготовления и принадлежности к той или иной посуде).
6. Битая посуда (осколки стеклянных банок, бутылок и пр.).
7. Кастрюли (емкости для приготовления пищи, включая котелки, ковши, жестяные банки, приспособленные под котелки).
8. Ведра (включая тазы, баки, канистры, бидоны и т. д.).
9. Кружки, тарелки (столовая посуда).
10. Техника (детали и предметы, связанные с техническими средствами: лодки, лодочные моторы, снегоходы, бензопилы и пр.).
11. Одежда (включая обувь и головные уборы).
12. Утварь (предметы хозяйственно-бытового обихода: берестяные туески, предметы туалета и пр.).
13. Пищевые отбросы (кости рыбы, птицы и животных).
14. Предметы охоты, рыболовства, оленеводства (прямо или косвенно относящиеся к основным сферам хозяйственной деятельности).
15. Материалы (предметы, связанные со строительством и ремесленными работами, используемые в качестве сырья).
16. Орудия ремесленного производства (ножи, топоры, молотки, сверла, грабли, лопаты и т. д.).

В отдельный вид включен органический мусор (щепа, стружка, солома, хвоя, мох и т. д.), однако он обозначался не количественно, а либо наличием «+», либо отсутствием «-». Количественная характеристика предметов материальной культуры и вещественных остатков по хозяйственно-бытовой принадлежности представлена в таблицах 12 и 13.

Процентное соотношение предметов и мусора на летних и зимних стойбищах по категориям показывает, что как на летних, так и на зимних стойбищах наибольший процент мусора составляют железные банки (летние – 95,7%, зимние – 100%); стеклянные банки (летние – 61,7%, зимние – 100%), бутылки и пузырьки – 100% как на летних, так и на зимних поселениях, техника (летние – 84,8%, зимние – 75%), материалы (летние – 91,1%, зимние – 73,3%). Вместе с тем, наблюдаются различия в процентном соотношении между сезонными поселками в такой категории мусора, как утварь (летние – 6%, зимние – 63,4%). Примечательно, что предметы, связанные с традиционными видами хозяйственной деятельности (охотой, рыболовством, и оленеводством), на летних поселениях не представлены совсем, в то время как на зимних их количество в мусоре составляет 16,7% (табл. 14; 15; 16). При сравнении

летних и зимних стойбищ по степени значимости той или иной категории мусорных остатков получается следующая картина: количественная структура различных категорий мусорных остатков на обоих типах поселений почти полностью повторяется (табл. 17). В этом отношении зимние стойбища очень слабо отличаются от летних. Только несколько категорий мусора имеют прямо противоположное количественное выражение. Так, например, вид «бутылки» для летних поселений составляет 4,4%, для зимних – 15,1%, «техника» – для летних – 9,5%, для зимних – 1,3%; материалы – для летних – 15,6%, для зимних – 2,4%. Кроме того, можно отметить такую категорию, как «пищевые отбросы». На летних стойбищах они составляют 5,1%, в то время как на зимних – 10%.

Таким образом, если рассматривать летние и зимние стойбища селькупов с точки зрения распределения на них функционирующих предметов и вещественных остатков, то можно отметить, что наиболее «мусорными» оказываются зимние поселения. Особых различий между сезонными поселениями по функциональной направленности различных остатков не наблюдается. Вместе с тем необходимо отметить, что отдельные категории мусора («бутылки», «техника», «материалы», «пищевые отбросы») по количественному соотношению отличают зимнее поселение от летнего. Эта особенность в распределении названных категорий связана с особенностями хозяйственно-бытовой деятельности тазовских селькупов в различные периоды сезонных циклов. Например, обилие бутылок на зимних стойбищах объясняется тем, что в период с конца декабря до начала февраля (время проживания на зимнем поселении) из-за наступления сильных морозов временно прекращаются интенсивные занятия охотничьим и рыболовным промыслом, соответственно, увеличивается количество свободного времени. По традиции в этот период селькупы ездят к друг другу в гости, навещают своих родных и соседей, договариваясь о совместных промыслах и обмениваясь товарами и т. д. Естественно, что в ходе гостевых поездок, продолжающихся несколько дней, происходит потребление большого количества спиртного, что выражается в соответствующем количестве бутылок.

Большая доля «техники» и «материалов» на летних поселениях объясняется тем, что основная часть строительных и ремонтных работ происходит в летний период. Зимой эта деятельность практически не производится. Наличие на зимних поселениях большего, по сравнению с летними, количества пищевых остатков объясняется, по-видимому, тем, что летом они представлены в основном костями рыбы (главный источник питания), которые практически полностью съедаются собаками. На зимних поселениях больше костей животных (оленья, лося) и птицы. Их большая сохранность обусловлена, тем, что они попадают в снег и меньше растаскиваются.

Таким образом, по отдельным категориям вещественных остатков в археологическом контексте можно судить о сезонной направленности поселений тазовских селькупов.

Конструктивные особенности жилища и сезонная направленность

Зимнее жилище тазовских селькупов представляет собой каркасно-столбовую конструкцию полуземляночного типа. Высота такого сооружения составляет около 1,8 м. В основе сооружения лежит квадрат (4 × 4 м) или прямоугольник (7 × 6 м) [Лёзова, 1991. – С. 101]. Для строительства полуземлянки выбирается котлован глубиной

20–30 см. По краям котлована выкапываются четыре ямы глубиной 1 м, в которые вставляются под небольшим наклоном к центру котлована несущие столбы диаметром около 15 см. На вершине опорных столбов вырезаются секторообразные пазы, в которые укладываются продольные перекладины с соответствующими пазами на концах. Пазы несущих столбов и перекладин изготавливаются таким образом, что при давлении на каркас жилища происходит взаимораспирание столбов, обеспечивающее прочность конструкции без каких-либо дополнительных скрепляющих средств.

После того как каркас готов, со стороны переднего фасада в центре устанавливаются два столба, образующие дверной проем. Стены изготавливаются из плах (расщепленные на две половины стволы лиственницы), укладывая их плотно одна к другой на каркас землянки. Затем с торцевой стороны в центре устанавливают два столба, образующие дверной проем. Эти столбы также вкапываются на глубину не менее 40 см. На углах плахи располагаются веерообразно: так, что углы приобретают округлую форму. На крышу, в направлении от входа к задней стене, поверх каркаса накладываются два бревна, на расстоянии друг от друга, равном ширине дверного проема. Перекрытие делается из двух рядов плах, аналогичных стеновым, уложенных поперек на боковые и центральные балки каркаса. В центре оставляют отверстие для выхода дыма. Щели между плахами прокладывают мхом. С внешней стороны жилища застилают рубероидом или выделанной берестой, сверху кладут пласты дерна, извлеченные при выборке котлована. Затем всю конструкцию засыпают песком, который берут недалеко от жилища. В результате с внешней стороны образуются небольшие ямы по всему периметру жилища. Толщина насыпи на крыше и в верхней части составляет 10–15 см, у основания – 35–40 см [Лёзова, 1991. – С. 101].

Вся конструкция представляет собой вид усеченной пирамиды. В предвходовой части жилища делается пристрой в виде «коридора», представляющий собой конструкцию из продольно уложенных сосновых жердей с перекрытием. Вход жилища ориентируется по направлению восток – юго-восток, по дневному расположению солнца. Интерьер зимнего жилища представлен железной печкой, расположенной в центре. С трех сторон по полу землянки печка огораживается небольшими бревнами, которые фиксируются при помощи вбитых в землю кольшков. В периоды эксплуатации на земляной пол жилища укладывают доски. С правой и левой стороны от входа располагаются спальные места, представляющие собой настил из травы и веток, поверх которых стелют олени шкуры.

Предвходовая часть жилища считается женской – здесь хранятся женские вещи, посуда, утварь, дрова. Противоположная от входа часть жилища принадлежит мужчине, здесь же находятся дети. В этом месте хранятся мужские вещи (ножи, сверла, оружие и т. д.). Место за очагом, напротив входа, считается сакральным. Несмотря на особенности конструкции зимнего селькупского жилища, которые могут быть связаны с его стационарным характером, а также трудоемкость строительства, по сообщению селькупов-информаторов, при наличии бензопилы один мужчина, имеющий опыт строительства такой землянки, при помощи женщины способен построить ее за два дня. Это несколько противоречит общепринятому среди археологов мнению, что процесс строительства таких жилищ требует больших физических затрат.

Конструкция зимнего селькупского жилища имеет явные археологические проявления. Во-первых, это выражается в наличии котлована; во-вторых, в стационарной конструкции, которая в археологическом контексте проявится в глубоких столбовых ямах. Интересный в этом плане момент заключается в том, что, несмотря на зимний характер жилища, в нем не будет проследиваться очаг, поскольку селькупы используют железные печи. Кроме того, каждый раз при оставлении жилища его убирают, срезая небольшой слой земляного пола. Таким образом, в археологическом плане «натопы» будут фиксироваться слабо. Эти наблюдения позволяют по-иному взглянуть на слишком прямолинейные интерпретации в археологии: «наличие очага – зимнее жилище», «отсутствие очага – летнее жилище» и т. д. Интересным представляется и то, что, несмотря на стационарную конструкцию зимнего жилища тазовских селькупов, время проживания в нем очень незначительное, поэтому можно сказать, что это тип временного жилища.

Летнее жилище селькупов представлено традиционным для многих народов таежной и тундровой зоны Западной Сибири чумом. В конструктивном плане это достаточно простое сооружение наземного типа, состоящее из 28–30 жердей длиной 4–5 м. Два шеста в верхней части имеют развилку, при установке их упирают одна в другую, а затем на эти шесты укладывают остальные. С внутренней стороны чума на высоте около 1,5 м укрепляют обруч, изготовленный из черемухи или ивняка. Диаметр чума в среднем составляет около 6 м. Для покрытия в настоящее время используют преимущественно брезент, хотя у селькупов встречаются и берестяные тиски. В зимнее время чум покрывают оленьими шкурами.

Для установки летнего чума выбирают ровную площадку, освобождают ее от дерна и приступают к установке каркаса. Место расположения чума в рамках одного поселения меняют через два-три года. Таким образом, на одном поселении может быть несколько мест установки одного и того же чума.

Интерьер летнего жилища селькупов такой же, как и зимнего. В центре находится очаг, обложенный с трех сторон бревнами, к которым примыкают с правой и левой стороны доски пола. По обеим сторонам от входа располагаются спальные места.

В археологическом плане место установки чума проследиваться не будет, поскольку уже через несколько лет, после того как площадку перестают эксплуатировать, она быстро зарастает и практически не фиксируется в рельефе. В этом заключается особенность археологического проявления летних и зимних жилищ селькупов. Как уже отмечалось, для конструкции зимнего жилища характерна стационарность и ярко выраженная археологичность, хотя реально оно является временным, в то время как летнее жилище конструктивно является временным, но живут в нем большую часть года. В этом смысле следует более осторожно подходить к проблеме интерпретации легких наземных конструкций в археологии как временных жилищ и наоборот.

Важной чертой зимних и летних жилищ является количество и содержание предметов материальной культуры, находящихся в них. В археологии, особенно в таежной зоне, очень часто стационарным исследованиям подвергаются не все поселения, а отдельные жилищные комплексы. После раскопок на основе имеющегося материала *a priori* определяется их сезонный характер. Вместе с тем, практически совершенно не известно, какие факторы влияют на накопление материальных остатков в жилище

(являющихся порой единственным источником реконструкции) и насколько эти факторы, а также структура вещественных остатков соответствуют закономерностям, действующим на поселении. В этой связи вещественные комплексы селькупских жилищ в соответствии с их сезонной направленностью были проанализированы отдельно. Количественная характеристика вещей в зимних и летних жилищах представлена в таблицах 18 и 19. Как и при анализе вещественных комплексов на поселении, все предметы, находящиеся в жилище, были распределены по следующим видам:

1. Посуда (к этой категории относятся кружки, тарелки, чайники, котелки, банки для сыпучих продуктов и пр.).
2. Столовые принадлежности (ложки, вилки и пр.).
3. Утварь (предметы бытового обихода: ящики для хранения посуды, предметы туалета, керосиновые лампы и т. д.).
4. Орудия труда (ножи, орудия для выделки шкур, молотки, отвертки и пр.).
5. Предметы охоты, рыболовства, оленеводства (прямо или косвенно относящиеся к этим видам хозяйственной деятельности).
6. Техника (предметы и детали, связанные с фактором цивилизации: радиоприемники, детали лодочных моторов, бензопил и т. д.).
7. Материалы (в большинстве случаев – остатки рубероида, полиэтиленовой клеенки, брезента).
8. Пищевые отбросы (остатки костей рыбы, животных, птицы).

Процентное соотношение вещественных остатков и предметов, находящихся в эксплуатации, показывает, что в летнем жилище подавляющее большинство предметов по категориям относятся к «функционирующим» вещам. Практически во всех случаях они составляют 100% (табл. 20). Исключением является категория «техника», которая в жилище А2 в виде мусорных остатков составляет 43,7%, в жилище А3 – 80%. Однако если учесть небольшое количество этих предметов (в одном случае 7 единиц, в другом – 4) в сравнении с другими вещами, то их показатели не представляют какой-либо значимости. Вместе с тем следует отметить, что наличие этих предметов в жилище является исключением. Практически все они представлены деталями лодочного мотора, и их присутствие в чуме носило временный характер.

Для зимних жилищ характерна несколько иная картина (табл. 21; 22). Вещественные остатки (мусор) в зимних жилищах в среднем составляют 40%, в то время как функционирующие вещи – 65%. Наибольшим количеством представлены такие виды, как «посуда» (доля в мусоре составляет 40,4%) и «утварь» (доля в мусоре – 45,2%). Число предметов остальных видов среди мусора невысокое, и распределяются они практически равномерно.

Таким образом, несмотря на явное преобладание функционирующих предметов, мусорные остатки в зимних жилищах, тем не менее, присутствуют, иногда в довольно больших количествах. Этот факт свидетельствует о существовании иных закономерностей в распределении предметов, с одной стороны, на поселении, с другой – в жилище. Если для зимних поселений в целом характерно большое количество мусора и малое – функционирующих вещей, то для летних жилищ, напротив, характерно малое количество мусора и большое – используемых вещей. Для летних поселений и жилищ действуют одни и те же закономерности, соотношение мусора и функционирующих вещей на них одинаково, и преобладающими являются используемые пред-

меты. По-видимому, существует несколько факторов, влияющих на такое распределение. Во-первых, летние поселения селькупов являются долговременными и полустационарными, поэтому на них расположены основные объекты хозяйственно-бытовой деятельности, в которых находятся именно действующие вещи. Зимнее поселение – кратковременное, и кроме жилища никаких объектов не имеет, следовательно, доля функционирующих предметов на нем значительно ниже. Во-вторых, немаловажное значение имеет фактор проживания и, соответственно, уборки летних жилищ и поселений. Поскольку обследование зимних жилищ происходило в летний период (когда они не эксплуатируются), то в них зафиксировано большее, по сравнению с летними, количество мусорных остатков.

Следует также отметить, что как летние, так и зимние жилища тазовских селькупов имеют очень ограниченную площадь, вследствие чего в них находится максимально ограниченное количество вещей (только предметы первой необходимости). Основная часть предметов находится за пределами жилищного пространства. В этом смысле наиболее показательной для археологического контекста является территория всего поселения.

Подводя итог, можно отметить, что этноархеологическое моделирование позволяет разработать серию признаков для определения сезонности поселений и жилищ на основе анализа вещественных комплексов функционирующих культур, являющихся наиболее адаптированными к археологическим целям. Исходя из проведенного анализа этнографических поселений тазовских селькупов, можно выделить следующие признаки:

- а) степень концентрации предметов материальной культуры (как функционирующих, так и попавших в категорию «мусор») на сезонных поселениях и в жилищах;
- б) распределение предметов по площади поселения относительно жилища;
- в) плотность распределения вещей на летних и зимних поселениях;
- г) функциональная направленность мусорных остатков на сезонных поселениях;
- д) конструктивные особенности летних и зимних жилищ, выражающиеся в археологическом контексте и т. д.

Выделение таких признаков поможет археологам лучше понять закономерности, влияющие на структуру и формирование археологического памятника, а следовательно – обеспечить археологическую науку дополнительной информацией для исторической реконструкции.

3.3. Модели археологизации вещественных комплексов

Накопление и образование культурного слоя

Исследования процессов археологизации на функционирующих или недавно оставленных поселениях являются важным источником информации для создания археологических реконструкций. Установление определенных закономерностей в накоплении и образовании культурного слоя, связанных с определенностью, дает возможность археологам более объективно интерпретировать свои материалы.

Археологизация вещественных комплексов связана, прежде всего, с особенностями формирования культурного слоя, на который действуют самые различные факторы:

сезонная направленность поселений, время эксплуатации, количество и половозрастной состав жителей, конструктивные особенности жилищ и хозяйственных построек и так далее. Разумеется, проанализировать все эти факторы в рамках одной работы невозможно. Поэтому здесь рассматриваются лишь некоторые процессы, связанные с археологизацией «живой» культуры.

Сезонная направленность поселений.

Различие образования культурного слоя на поселениях выражается, прежде всего, в их сезонной направленности. Так, например, для зимних селькупских стойбищ характерно отсутствие интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности в рамках поселения, что, в свою очередь, отражается в потревоженности слоя. Поскольку зимнее стойбище эксплуатируется только в зимний период, наличие мощного снежного покрова препятствует процессу интенсивного вытаптывания. Верхний дерновый слой практически полностью сохраняется, его потревоженность связана главным образом со строительством жилища. Здесь большое значение приобретает переотложение грунта, происходящее в результате выкапывания котлована и засыпки вынутым песком готового жилища. Кроме того, для подсыпки завалинок песок берут непосредственно рядом с жилищем, в результате чего по всему периметру околоселькупского пространства образуются небольшие ямки. В процессе эксплуатации в этих ямках скапливаются мусорные остатки (банки, бутылки, кости и т. д.). В археологическом контексте они могут быть интерпретированы как «хозяйственные ямы». Однако в реальности процесс накопления вещественных остатков в них носит случайный характер.

На летних поселениях существуют противоположные закономерности. Длительный срок эксплуатации и интенсивная хозяйственная деятельность приводят к значительному вытаптыванию дернового слоя на поселении. Кроме того, присутствие на стойбище оленей приводит к вытаптыванию всей площади летнего стойбища. Из-за постоянного дыма от дымокуров и очагов деревьев, находящиеся на поселении, постепенно высыхают, и их используют в качестве топлива. Таким образом, в результате длительной эксплуатации площадь поселения постепенно освобождается от древесной растительности. Нарушение почвенного и растительного покрова определяется сроком эксплуатации поселения. По свидетельству селькупов-информаторов, летние стойбища эксплуатируются в среднем от 8 до 10 лет. На срок эксплуатации влияет поголовье оленей и интенсивность хозяйственного освоения угодий.

Вместе с тем, на формирование культурного слоя в летних поселениях влияет такой фактор, как уборка территории, в результате которой вещественные остатки концентрируются в определенных зонах. Чаще всего для мусорных остатков специальных ям не выкапывают, а используют естественные впадины. Сосредоточенный в таких местах неорганический мусор с течением времени закладывается ветками деревьев, щепой и стружкой от ремесленных работ, вышедшими из эксплуатации постельными циновками и прочими органическими остатками. По мере накопления этого мусора кучу сжигают. Поэтому основная часть содержащихся в них остатков представлена неорганическим мусором и углистой прослойкой.

Значительное влияние на формирование культурного слоя оказывают собаки. В летний период для того, чтобы собаки не распугивали оленей, их привязывают в определенных местах в рамках стойбища поодаль от жилища. Кроме того, для их

содержания сооружается конура, представляющая собой углубление в земле с деревянным перекрытием. С течением времени вокруг «собачьих домов» накапливается большое количество органических отходов (остатки пищи и кал). Периодически селькупы проводят уборку освоенной собаками площади, собирая отходы в отдельную кучу. Таким образом на площади поселения происходит образование небольших зон концентрации рыбьих костей и экскрементов.

Особого внимания заслуживает формирование культурного слоя, связанного с очагом в летней кухне. Традиционной для тазовских селькупов является выпечка хлеба в очажном песке. Для этого используют специальный белесый песок, который добывают здесь же на стойбище. В результате в определенных местах в рамках поселения образуются ряды неглубоких ямок. Использованный для выпечки песок периодически выгребают и выбрасывают за пределы кухни. Таким образом около очаговой стены кухни образуются небольшие кучи прокаленного песка с углистыми прослойками. Частота замены песка зависит от частоты выпечки хлеба. В среднем один и тот же песок используют три-четыре раза. В связи с этим содержимое очага всегда должно быть свободным от посторонних предметов, поэтому в нем никогда не сжигают мусор или пищевые отходы.

Таким образом, формирование культурного слоя на селькупских поселениях имеет ярко выраженный сезонный характер. Наиболее мощный и разнообразный слой представлен на летних стойбищах. Для них характерно площадное вытаптывание и различные нарушения, связанные с хозяйственной деятельностью. На зимних стойбищах слой практически не нарушается. Его образование связано только с накоплением мусорных остатков.

В сезонных жилищах действуют несколько иные закономерности. Так, например, в археологическом плане наиболее насыщенным будет выглядеть культурный слой зимнего жилища. Поскольку конструкция этого типа имеет котлован, то по мере разрушения, кроме мусорных остатков, он заполняется материалами перекрытия (берестой, рубероидом, дерном и материковым песком). В археологическом контексте конструкция летнего жилища проследиваться не будет в силу особенности формирования его культурного слоя. В то же время в археологической интерпретации летняя кухня может быть представлена как жилище, определяемое наличием опорных столбов, перекрытия и очага.

Таким образом, этноархеологические модели формирования культурного слоя в ряде случаев отличаются от стереотипов, существующих в археологии.

Наряду с фактором сезонной направленности для обоих типов селькупских поселений и жилищ действуют факторы времени эксплуатации, численности и половозрастного состава населения, но, к сожалению, их очень сложно выявить археологически. В то же время существует возможность проследить процессы утилизации вещественных остатков, влияющие на формирование культурного слоя, а также определить их информационно-содержательную направленность.

Процессы утилизации материальной культуры

В археологических реконструкциях социально-экономического и хозяйственно-бытового уклада древних обществ археологи чаще всего используют прямолинейное отождествление находок с той или иной сферой хозяйственной деятельности. Такой

принцип в отечественной археологии получил свое развитие в 30–50-е годы XX века, когда советские археологи активно пытались распространить предмет истории на предмет археологии. В результате это привело к тому, что основной методической базой археологов стал «визуально-ассоциативный» метод, в основе которого лежат здравый смысл, интуиция и знание общесоциологических закономерностей [Глушков, 1989. – С. 35]. Благодаря этому методу археологический материал интерпретировался по принципу: «грузило или крючок – рыболовство, наконечник стрелы – охота». По количеству тех или иных орудий судили о преобладании соответствующей отрасли в хозяйстве.

Этноархеологические исследования позволяют соотнести реальную картину хозяйственно-бытового уклада тазовских селькупов с вещественными комплексами, уделяя при этом особое внимание мусорным остаткам. Такой анализ позволяет по-иному взглянуть на информативность археологических источников при выявлении значимых и малозначимых признаков. С точки зрения реконструкции по утилизированным остаткам материально-бытовой культуры, различные объекты в рамках поселения обладают различной информационной значимостью. Уже отмечалось, что в археологии наличие очага принято ассоциировать с жилищем. Кроме того, по количеству и разнообразию обнаруживаемых в нем предметов делался вывод о том, что они являлись местом сосредоточения производственной и хозяйственной деятельности [Конигов, 1991. – С. 40].

Этноархеологические материалы тазовских селькупов представляют несколько иную картину. На летних селькупских стойбищах, помимо жилища, существуют еще несколько объектов, обладающих хозяйственно-бытовой значимостью, в частности, летняя кухня (рис. 4–7). Даже на визуальном уровне прослеживается интенсивная осваиваемость этого объекта. Именно в летней кухне проводится большая часть бытовой деятельности, связанной с приготовлением пищи, ремонтными работами и так далее. Жилище в этом смысле эксплуатируется реже, за исключением периода холодов и ненастной погоды.

Для определения значимости каждого объекта, находящегося на поселении, были привлечены методы теории информации. На летних поселениях выделяются такие объекты, как жилище, летняя кухня, мусорная куча и рабочее место. Поскольку на зимних стойбищах подобные объекты отсутствуют, то расчеты проводились в соответствии с собственно жилищем и околоселькупским пространством. Расчеты проводились при помощи коэффициента информации – энтропии (H) и избыточности информации (R) (табл. 25–34). В качестве вариантов признака была выбрана функциональная направленность предметов, содержащихся в объектах. Следует учитывать, что при сопоставлении данных значимыми считаются только те объекты, коэффициент избыточности которых имеет среднее по величине значение, тогда как в остальных случаях R стремится к «1» – значение объекта является предопределенным; R стремится к «0» – значение объекта обладает недостатком информации. Следовательно, объекты с такими значениями являются малоинформативными.

На летних поселениях наиболее значимыми являются летние кухни. Коэффициент информативности составляет: A1 – 0,26; A2 – 0,22; A3 – 0,36; A4 – 0,34. На втором месте находятся жилища: A1 – 0,12; A2 – 0,03; A3 – 0,29; A4 – 0,39 (табл. 33). В данном случае обнаруживается сравнительно низкое значение жилища A2. По-видимому, это связано с тем, что категории предметов, находящихся в жилище A2, отличаются

однородностью, следовательно они не представляют какой-либо классификационной значимости. В результате этот объект становится малоинформативным.

Мусорные кучи по своей информативности находятся на третьем месте. Это несколько отличается от распространенного среди археологов мнения о том, что помойки несут наибольший спектр информации о хозяйственно-бытовой деятельности на поселении. Структура предметов, находящихся в мусорных кучах на летних селькупских стойбищах, достаточно однородна – более 90% составляет категория «посуда». Вследствие этого информативность данных объектов невелика. В то же время летние кухни и жилища обладают более разнообразной и многочисленной информацией, поэтому и значимость их достаточно высока.

На зимних поселениях, так же, как и на летних, жилище является менее информативным объектом, в сравнении с околोजилищным пространством: В1 – 0,32; В2 – 0,13; В3 – 0,20; В4 – 0,09. В то время как значения околोजилищного пространства составляют: В1 – 0,38; В2 – 0,48; В3 – 0,49; В4 – 0,61 (табл. 34). Эти данные свидетельствуют о том, что не всегда по количеству и разнообразию археологических находок можно судить об интенсивности хозяйственной деятельности в тех или иных объектах. Так, селькупские материалы показывают, что в зимнее время большая часть деятельности осуществляется в жилище, однако в археологическом плане оно представлено меньшим количеством информации, в то время как околोजилищное пространство, менее осваиваемое в зимний период, является более информативным.

Таким образом, утилизация вещей на селькупских стойбищах происходит по объектно. Объекты, имеющие наибольшую классификационную значимость с точки зрения археологии (например, жилища или мусорные кучи), являются менее информативными в реальности.

Так же, как и поселенческие объекты, виды предметов, отличающихся по своей функциональной направленности, имеют различную информационную значимость относительно пространственного распределения. Для анализа этих категорий были также использованы методы теории информации. Все предметы были разделены на восемь основных видов:

1. Посуда (включая железные и стеклянные банки, бутылки, кастрюли, ведра и т. д.).
2. Орудия труда (ножи, топоры, сверла и т. д.).
3. Одежда (включая головные уборы и обувь).
4. Техника.
5. Утварь.
6. Пищевые отбросы.
7. Предметы охоты, рыболовства, оленеводства.
8. Материалы.

В качестве вариантов признака были выбраны объекты размещения анализируемых вещей (табл. 35–43).

На зимних поселениях наибольшей значимостью отличается такой вид остатков, как «посуда». На поселении В1 ее коэффициент составляет 0,21; В2 – 0,54; В3 – 0,42; В4 – 0,76. Средняя значимость «посуды» на всех зимних поселениях составляет 0,4–0,5. На втором месте находятся «пищевые отбросы» и «материалы» (среднее значение 0,4). В то же время следует отметить, что последние два вида представлены только на двух из четырех поселений. Поэтому говорить о строгой

закономерности можно с определенной долей вероятности. Наименьшей информативностью обладают «утварь», «техника», а также предметы охоты, рыболовства и оленеводства.

На летних поселениях наибольший коэффициент значимости имеют такие виды, как «орудия труда» (в среднем 0,36), «утварь» (в среднем 0,20) и «материалы» (в среднем 0,15). Малоинформативными являются предметы охоты, рыболовства и оленеводства, пищевые отбросы и одежда.

Таким образом, анализ процессов утилизации вещественных комплексов на поселениях тазовских селькупов показывает, что в категорию «мусор» попадают преимущественно вещи, которые слабо или же абсолютно не соответствуют основным видам хозяйственной деятельности. Специфически распределенные относительно различных объектов, эти категории отражают структуру бытовой направленности культуры. Наиболее значимые в хозяйственном плане предметы (техника, материалы, орудия охоты, рыболовства и оленеводства) практически не попадают в археологический контекст, а если и попадают, то являются малоинформативными с классификационной точки зрения.

Особый интерес в исследовании процессов утилизации вещественных комплексов вызывает анализ мусорный куч. Мы попытались определить значимость всех мусорных остатков для археологической реконструкции. Процентное соотношение остатков показывает, что наиболее значимой среди отходов является «посуда» (65%) (табл. 44). По своему функциональному назначению эта категория подразделяется на несколько типов. Среди них наиболее массово представлены жестяные банки (A1 – 58,9%; A2 – 31,1%; A3 – 28,5%; A4 – 57,8%). Общий процент жестяных банок в мусорных кучах на всех поселениях составляет практически 42%. На втором месте находятся «материалы» (13,1%) и «стеклянные банки» (10,1%). Если рассматривать остальные виды, кроме «посуды», то наибольшим количеством здесь представлены «техника» (26,4%), «пищевые отбросы» (16,1%) и «одежда» (14,7%). Наименьшую значимость имеет такой вид, как «утварь» (4,4%).

В контексте археологической реконструкции анализ мусорных куч свидетельствует, что наиболее употребляемыми продуктами для тазовских селькупов являются консервы, о чем свидетельствует большое количество жестяных и стеклянных банок. Бутылки относятся ко второй группе мусорных предметов в категории «посуда». Совершенно не встречаются в мусорных кучах ведра, тазы и прочий инвентарь, что свидетельствует об их вторичном использовании. Этнографические наблюдения подтверждают данный вывод: прохудившиеся ведра и тазы не выбрасываются, а используются селькупами в качестве емкостей для дымокуров. Любопытно и то, что абсолютно не представлены в мусорных остатках предметы охоты, рыболовства и оленеводства.

В целом можно сказать, что мусорные кучи не отражают реальной хозяйственно-бытовой направленности селькупских коллективов. Также неадекватно этот источник отражает и основу традиционного рациона. Вместе с тем, если иметь в виду механизм этноархеологического моделирования, то отсутствие в мусоре предметов, связанных с основными видами хозяйственной деятельности, свидетельствует об их высоком социальном статусе, а следовательно – значимости данных отраслей хозяйства. Высокий удельный вес консервированных продуктов косвенно свиде-

тельствует о каких-то экстраординарных нарушениях в потреблении традиционных продуктов питания. Это может быть вызвано неудачным рыболовным или охотничьим промыслом, экологическими проблемами, ведущими к отсутствию рыбы, птицы и мясных животных.

Таким образом, анализ вещественных комплексов «живой» культуры с точки зрения археологии позволяет установить процессы утилизации различных категорий предметов, выявить особенности их пространственного размещения, определить значимость той или иной категории вещей в хозяйстве. Изучение состава мусорных остатков (основной археологический источник) позволяет выяснить, насколько их информативность соотносится с реальными условиями жизнедеятельности. Этноархеологические модели механизмов взаимодействия и соотношения мира идей и мира вещей являются дополнительным и необходимым источником археологических реконструкций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении более чем столетнего периода развития археологии как самостоятельной науки исследователи пытались разработать теоретические и методологические принципы использования этнографической информации для археологических реконструкций. Во второй половине XIX века в связи с появлением эволюционной теории Ч. Дарвина и признанием истории человека как части природной истории возникла возможность использования этнографического материала для археологических реконструкций. При этом большинство исследователей применяли данные этнографии практически без всякого критического анализа.

В начале XX века сформировались специфические методы археологического анализа, среди которых важное место занял сравнительный метод. С его помощью осуществлялось сопоставление археологического и этнографического материалов. Русские археологи Б. С. Жуков и В. А. Городцов одними из первых указали, что при сравнении данных двух наук сравниваемые признаки должны быть мерными и фиксируемыми. Это, по их мнению, должно было обеспечить наибольшую объективность реконструируемых процессов древности [Жуков, 1927; 1929; Городцов, 1908; 1923].

В 20–30-е годы XX века в связи с внедрением марксизма в археологию проблема социально-экономической реконструкции вышла на первое место среди других вопросов советской археологии. В ходе дискуссий предлагались самые различные варианты реконструкции социально-экономических отношений в древних обществах. Идею использования этнографических аналогий для археологических реконструкций в русле эволюционной теории разрабатывал А. В. Шмидт. Он выделил три основных критерия археолого-этнографических параллелей: принцип стадильности, принцип генетического и экологического соответствия. В последующие периоды развития советской археологии эти принципы оставались определяющими. С их учетом производились практически все археолого-этнографические реконструкции. Особенно это было характерно для сибирской археологии, поскольку на территории Сибири до настоящего времени проживают народы, сохранившие многие черты архаичного образа жизни, являющегося незаменимым источником археолого-этнографических параллелей.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века рост источниковой базы и кризис общей марксистской методологии во многом изменили отношение отечественных археологов к проблеме этнографических аналогий. Стало совершенно очевидно, что прежняя теоретико-методологическая концепция исчерпала свой потенциал и не способна дать качественного прироста знания.

В настоящее время все большую популярность приобретают работы, в названиях которых звучит термин «этноархеология». Отечественные исследователи по-разному относятся к содержательной и практической стороне этноархеологии.

Необходимо отметить, что термин «этноархеология» впервые появился в среде американских исследователей в конце XIX века, а в 50–60-е годы XX века он обозначил самостоятельное направление в рамках «процессуальной археологии», основной целью которого является установление точных связей между «мертвыми» археологическими остатками и различными видами человеческой деятельности, а также процессами природного воздействия, обусловившими современное состояние археологического памятника и объектов, содержащихся в нем [Binford, 1981].

В последние десятилетия этноархеология тесно переплелась с экспериментальной археологией. Основные положения этих дисциплин способны в определенной степени заполнить образовавшийся в отечественной науке методологический вакуум.

Американские археологи выделяют два типа этноархеологических моделей: общие и специфические. Тип общих моделей связан с кросскультурными исследованиями, обеспечивающими археологов законами, которые являются своего рода рычагами археологических реконструкций, независимо от конкретного места и времени. Специфические модели применимы только к определенным условиям и соответствуют одной или нескольким группам. Устанавливаемые путем экспериментального моделирования, обе модели обеспечивают археологов дополнительной информацией, которая является более адаптированной к археологической процедуре.

Этноархеологические исследования, проводимые среди тазовских селькупов, позволили в полной мере оправдать данное заключение. В ходе экспериментального наблюдения и анализа селькупских поселений и вещественных комплексов, расположенных на них, удалось определить ряд закономерностей в сезонном характере стойбищ и выявить процессы археологизации «живой» культуры.

Так, например, совершенно отчетливо прослеживаются различия между летними и зимними стойбищами в степени концентрации вещественных остатков. На летних поселениях она значительно выше, чем на зимних. Кроме того, анализы функциональной направленности мусорных отбросов отражают различную сезонную направленность поселений. Таким образом, имея этноархеологические модели особенностей летних и зимних поселков, археологи получают возможность осуществлять более корректные реконструкции сезонной направленности раскопываемых поселенческих комплексов.

Модели археологизации «живой» культуры позволяют по-иному взглянуть на состояние культурного слоя археологического памятника в зависимости от сезонного характера. Изучение процесса утилизации вещественных комплексов выявляет ряд закономерностей, которые несколько расходятся с устоявшимися в археологии стереотипами. Так, например, анализ материалов мусорных куч свидетельствует о том, что вещественные остатки селькупских поселений не отражают реальной хозяйственной направленности коллективов; точно так же в них неадекватно отражается основа рациона.

В целом, анализ селькупских поселений представляет ряд этноархеологических моделей, раскрывающих процессы преобразования «живой» культуры в «мертвую», реальной деятельности – в ее остатки. Эти модели являются реальными источниками археологических реконструкций.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ТАБЛИЦ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Обобщенная модель получения вывода о динамике прошлых процессов деятельности по археологическим данным (по: *Schiffer M. B., 1976*).

Рис. 2. «Модель потока» для изделий длительного пользования (по: *Schiffer M. B., 1976*).

Рис. 3. Единые условные обозначения к планам стойбищ.

Рис. 4. План летнего стойбища А1.

Рис. 5. План летнего стойбища А2.

Рис. 6. План летнего стойбища А3.

Рис. 7. План летнего стойбища А4.

Рис. 8. План зимнего стойбища В1.

Рис. 9. План зимнего стойбища В2.

Рис. 10. План зимнего стойбища В3.

Рис. 11. План зимнего стойбища В4.

ТАБЛИЦЫ

Табл. 1. Коэффициент концентрации предметов на летних поселениях через энтропию.

Табл. 2. Коэффициент концентрации предметов на зимних поселениях через энтропию.

Табл. 3. Характеристика концентрации предметов на летних и зимних поселениях по объектам.

Табл. 4. Количественная характеристика распределения предметов материальной культуры по зонам относительно жилища на летних и зимних поселениях.

Табл. 5. Процентное соотношение распределения предметов материальной культуры по зонам относительно жилища на летних и зимних поселениях.

Табл. 6. Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» на летних и зимних поселениях.

Табл. 7. Характеристика плотности предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» на летних и зимних поселениях.

Табл. 8. Количественная характеристика предметов материальной культуры на летних поселениях по категориям «мусор» и «функционирующие» относительно объектов.

Табл. 9. Количественная характеристика предметов материальной культуры на зимних поселениях по категориям «мусор» и «функционирующие».

Табл. 10. Процентное соотношение предметов материальной культуры на летних поселениях по категориям «мусор» и «функционирующие» относительно объектов.

Табл. 11. Процентное соотношение предметов материальной культуры на зимних поселениях по категориям «мусор» и «функционирующие».

Табл. 12. Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на летних поселениях.

Табл. 13. Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на зимних поселениях.

Табл. 14. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на летних поселениях.

Табл. 15. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на зимних поселениях.

Табл. 16. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на летних и зимних поселениях.

Табл. 17. Процентное соотношение вещественных остатков по функциональной принадлежности на летних и зимних поселениях.

Табл. 18. Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в летних жилищах.

Табл. 19. Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в зимних жилищах.

Табл. 20. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в летних жилищах.

Табл. 21. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в зимних жилищах.

Табл. 22. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» в летних и зимних жилищах.

Табл. 23. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» в летних кухнях.

Табл. 24. Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционирующие» в мусорных кучах.

Табл. 25. Характеристика значимости объектов на летнем поселении А1.

Табл. 26. Характеристика значимости объектов на летнем поселении А2.

Табл. 27. Характеристика значимости объектов на летнем поселении А3.

Табл. 28. Характеристика значимости объектов на летнем поселении А4.

Табл. 29. Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В1.

Табл. 30. Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В2.

- Табл. 31.* Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В3.
- Табл. 32.* Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В4.
- Табл. 33.* Характеристика значимости объектов на летних поселениях.
- Табл. 34.* Характеристика значимости объектов на зимних поселениях.
- Табл. 35.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на летнем поселении А1.
- Табл. 36.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на летнем поселении А2.
- Табл. 37.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на летнем поселении А3.
- Табл. 38.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на летнем поселении А4.
- Табл. 39.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на зимнем поселении В1.
- Табл. 40.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на зимнем поселении В2.
- Табл. 41.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на зимнем поселении В3.
- Табл. 42.* Характеристика значимости категорий вещественных остатков на зимнем поселении В4.
- Табл. 43.* Характеристика значимости видов вещественных остатков на летних и зимних поселениях.
- Табл. 44.* Процентное соотношение вещественных остатков в мусорных кучах на летних поселениях по функциональной принадлежности.

Рис. 1. Обобщенная модель получения вывода о динамике прошлых процессов деятельности по археологическим данным (по: *Schiffer M. B., 1976*)

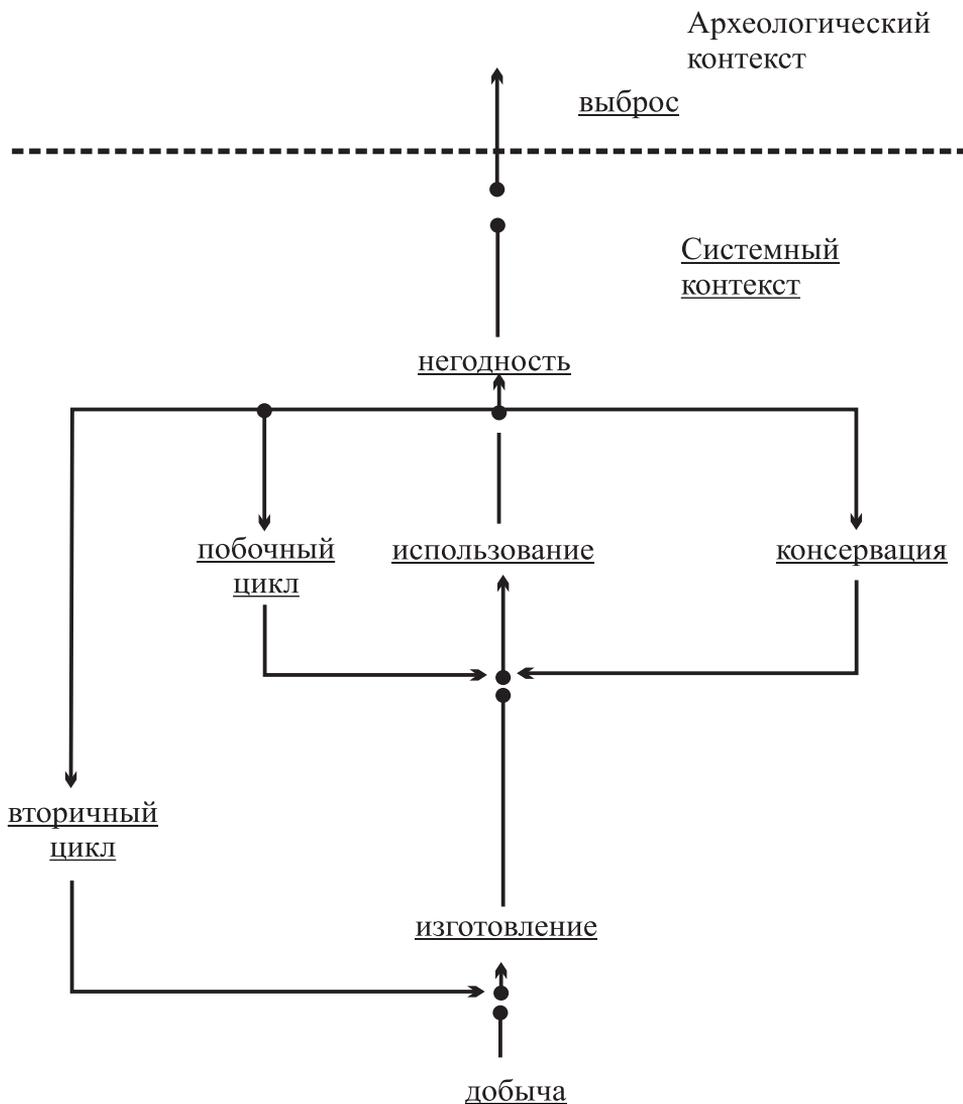

Рис. 2. «Модель потока» для изделий длительного пользования
(по: *Schiffer M. B., 1976*)

—●●— — благоприятные условия для хранения и/или транспортировки изделий

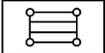
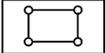
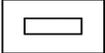
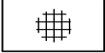
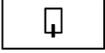
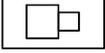
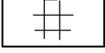
	- летняя кухня
	- навес для хранения зимних вещей
	- баня
	- лабаз
	- мусорная куча
	- зона интенсивного вытаптывания
	- собачья конура
	- туалет
	- стеллаж для кухонной посуды
	- умывальник
	- землянка
	- вещественные остатки материальной культуры
	- скопление органического мусора
	- чум
	- дымокур

Рис. 3. Единые условные обозначения к планам стойбищ

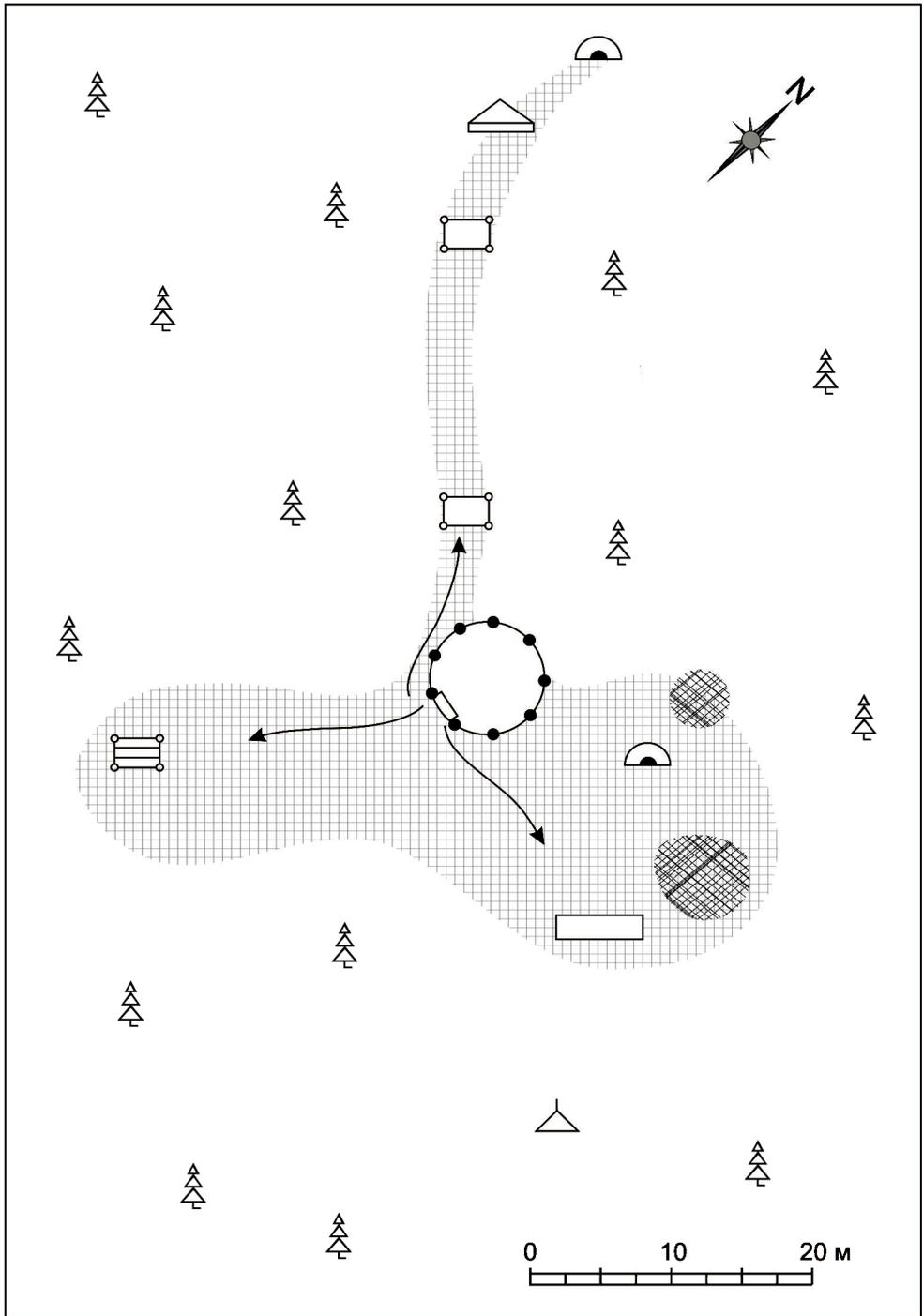

Рис. 4. План летнего стойбища А1

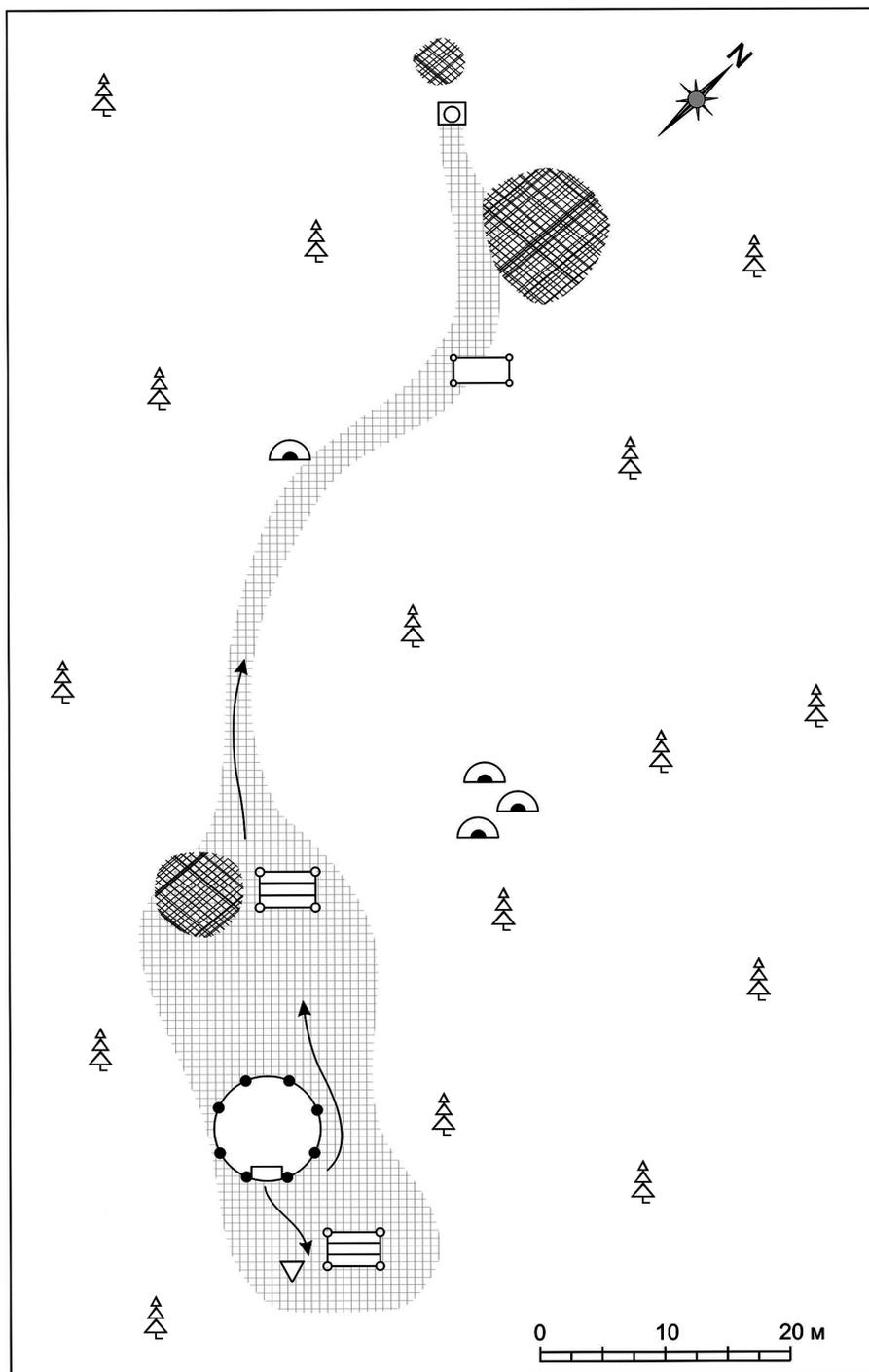

Рис. 5. План летнего стойбища А2

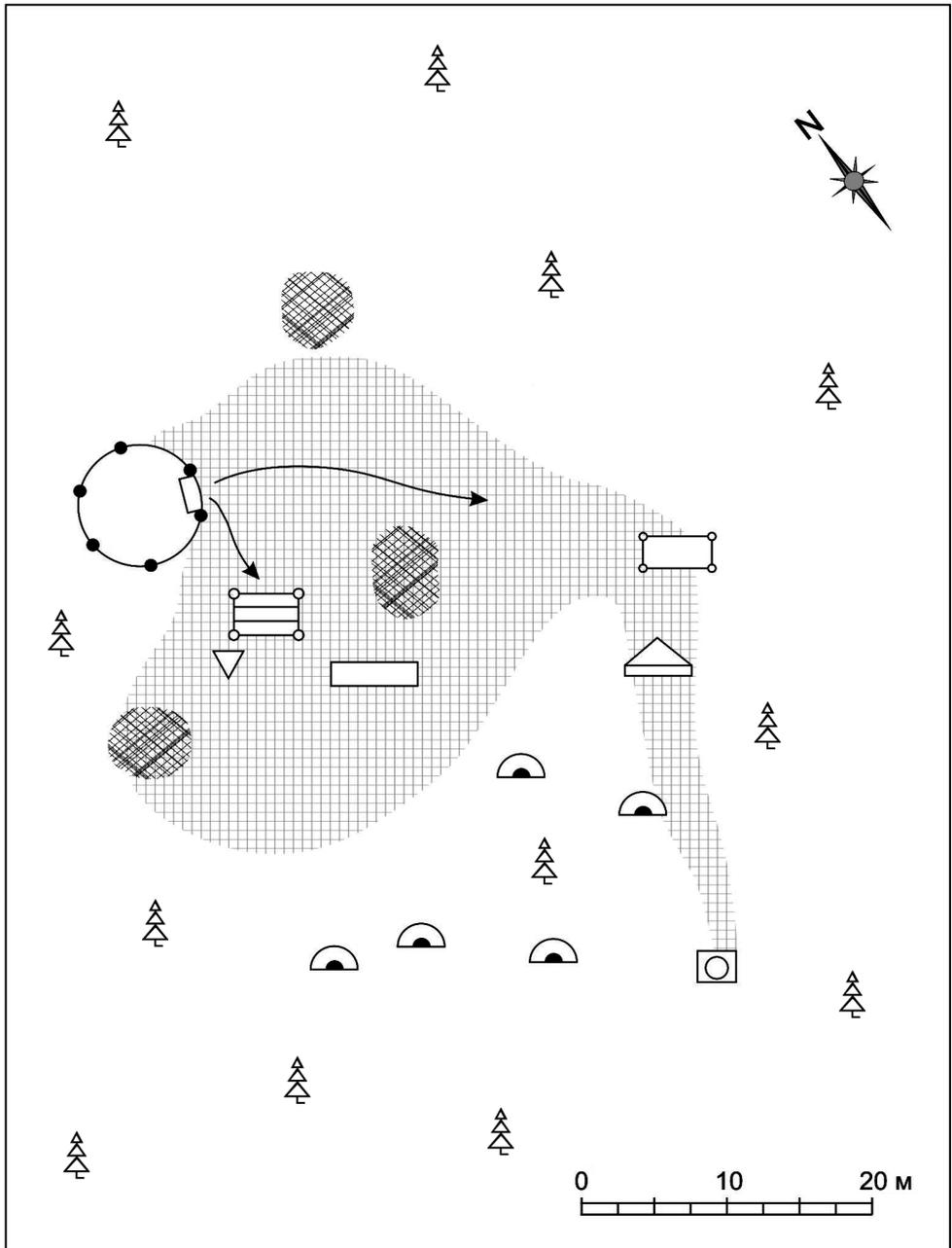

Рис. 6. План летнего стойбища А3

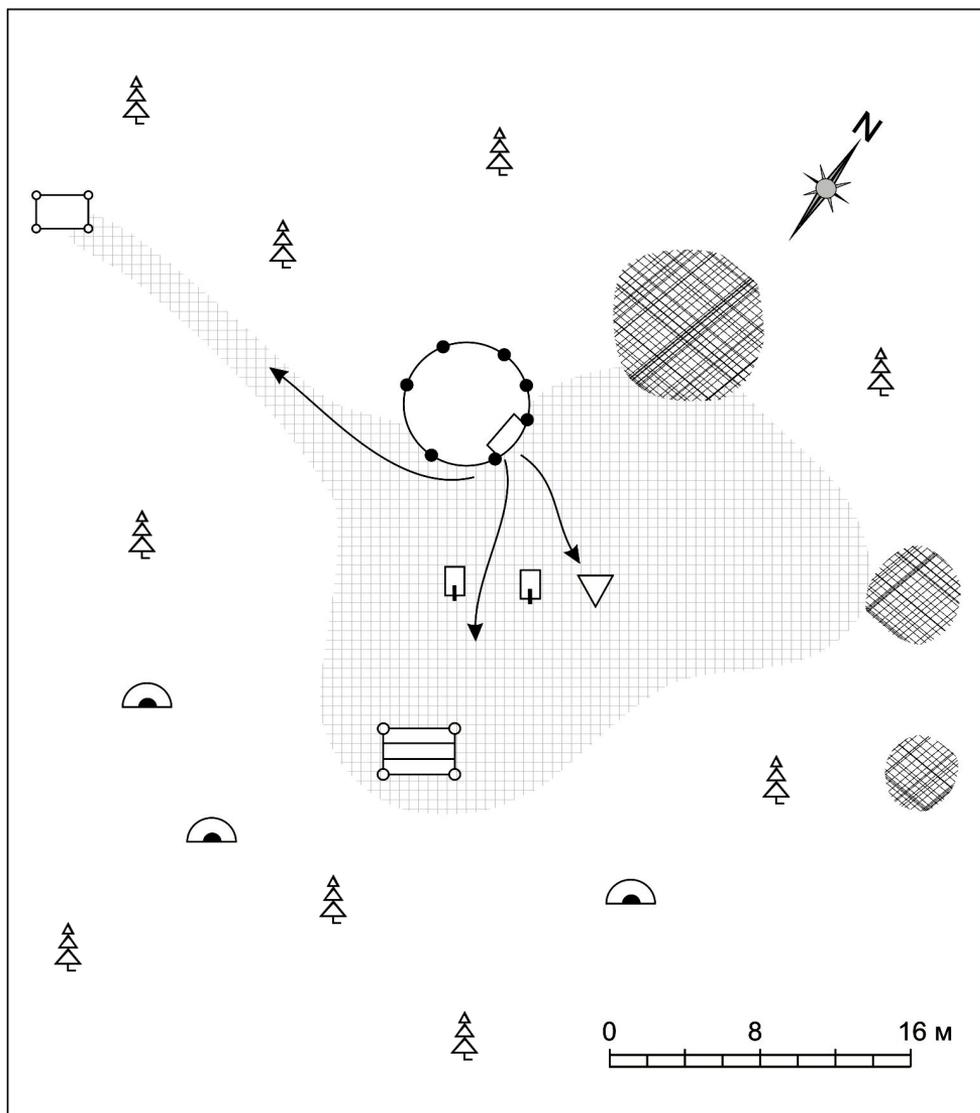

Рис. 7. План летнего стойбища А4

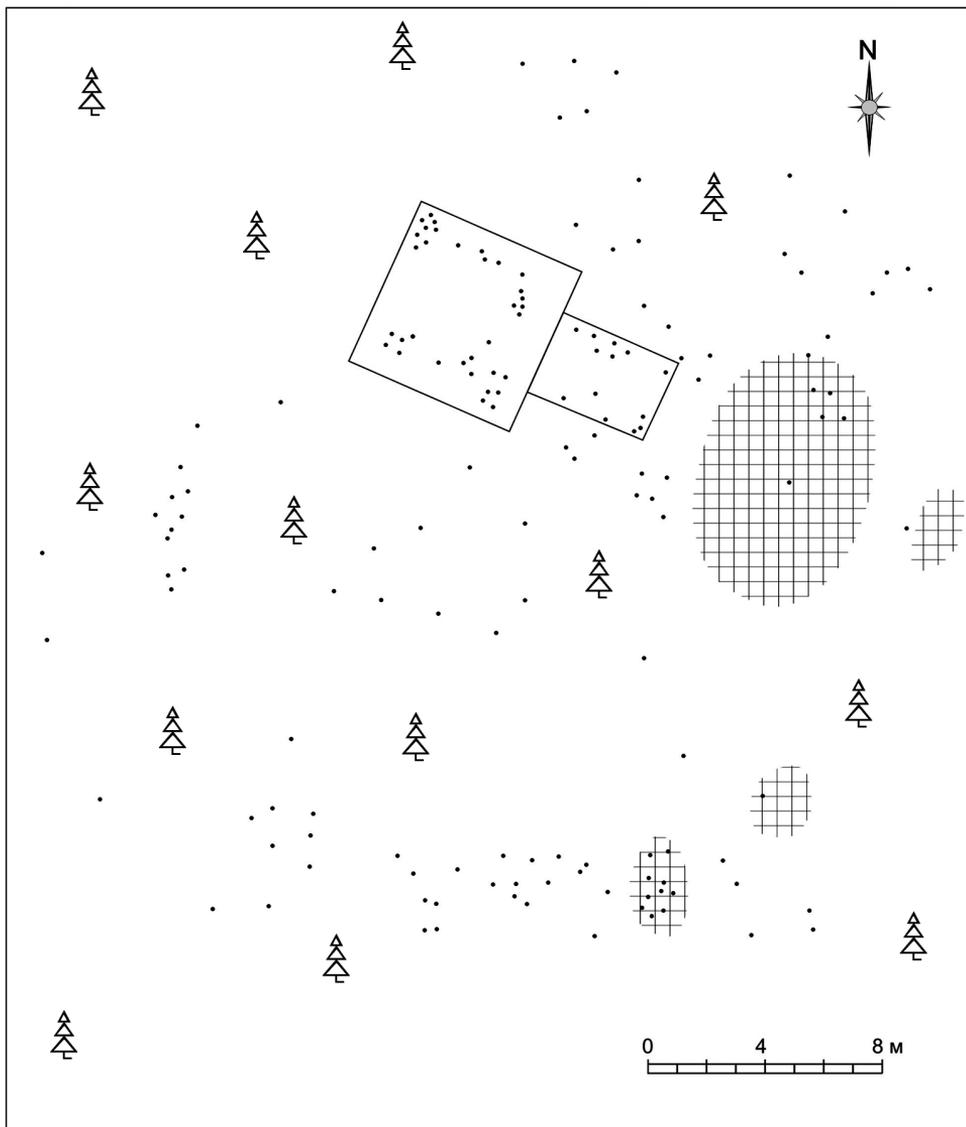

Рис. 8. План зимнего стойбища В1

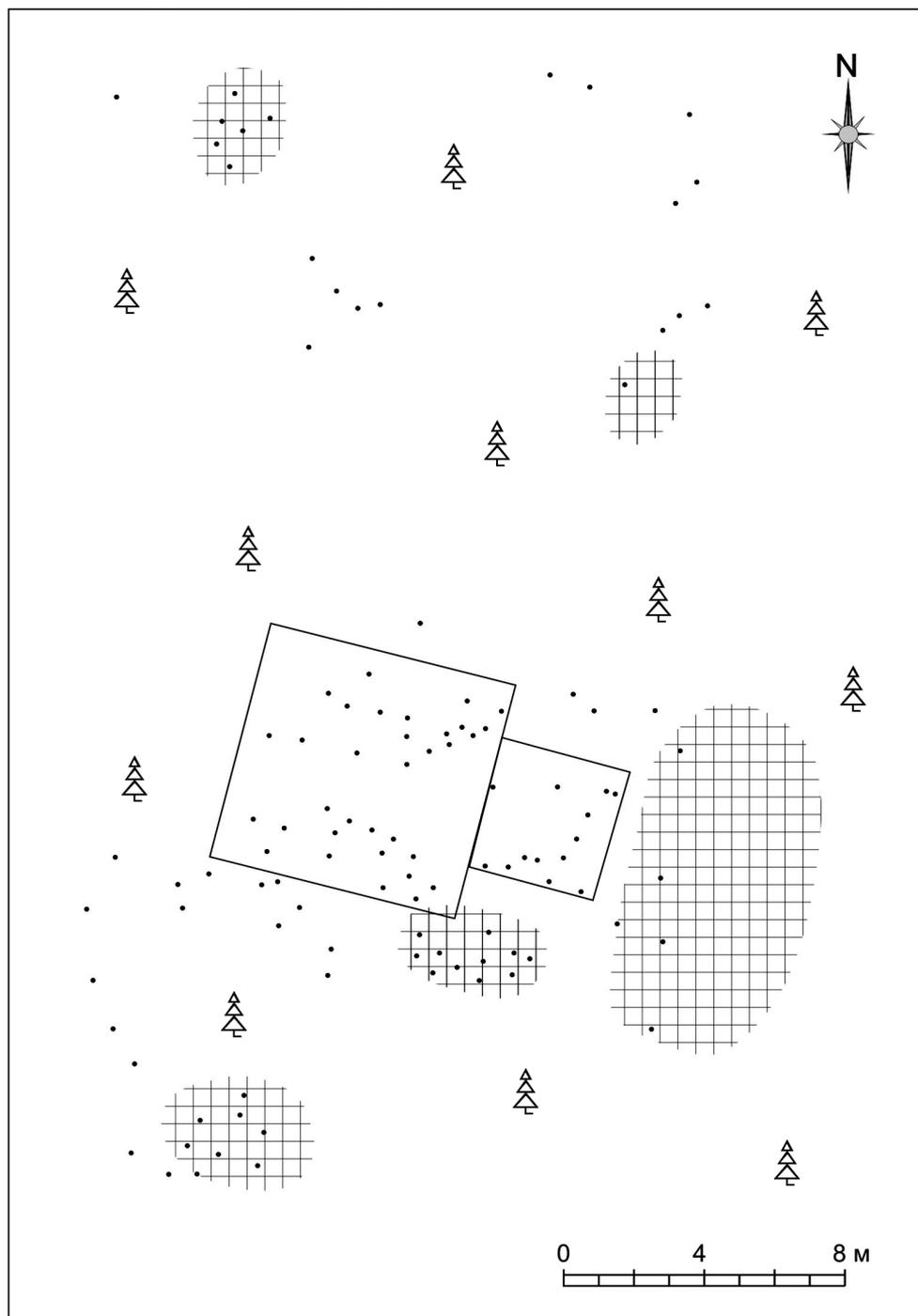

Рис. 9. План зимнего стойбища В2

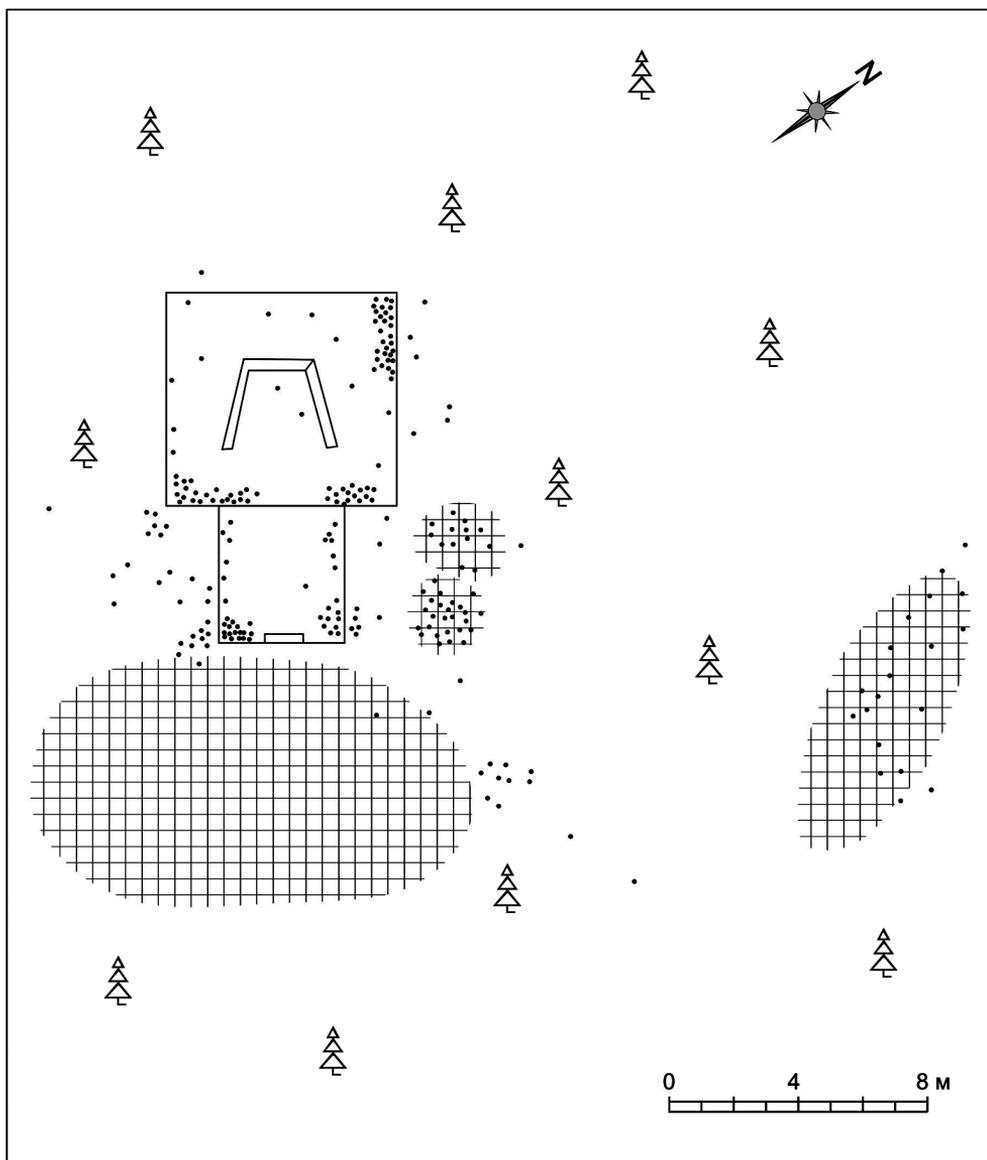

Рис. 10. План зимнего стойбища В3

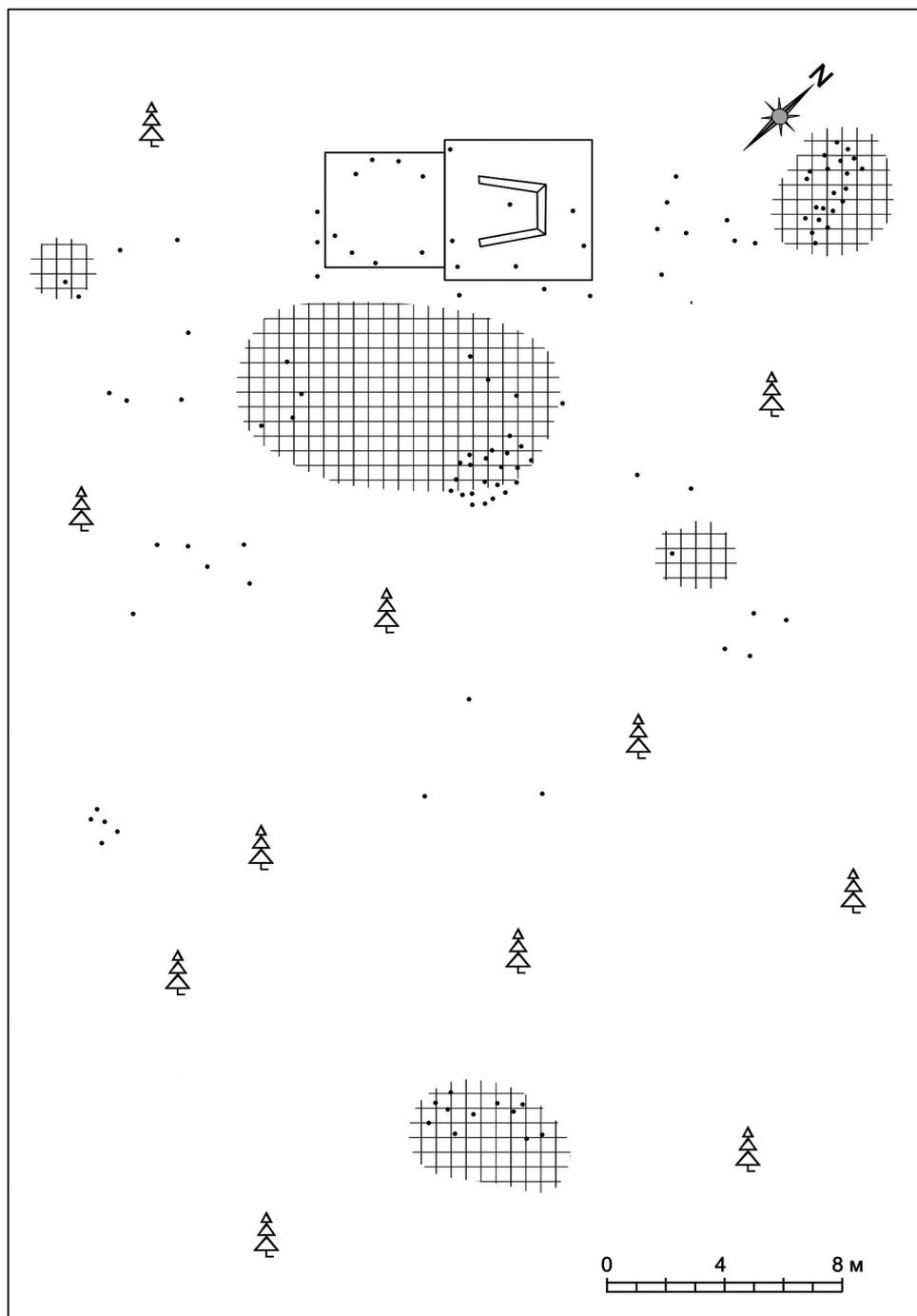

Рис. 11. План зимнего стойбища В4

Таблица 1

Коэффициент концентрации предметов на летних поселениях через энтропию

Тип пос-я	А 1			А 2			А 3			А 4			
	№ п/п	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
1	128	0,89	0,149	0,268	102	0,8	0,268	127	0,9	0,11	102	0,9	0,149
2	15	0,1	0,332	0,464	26	0,2	0,464	10	0,1	0,268	12	0,1	0,332
3	5	0,03	0,151	0,35	15	0,1	0,35	7	0,1	0,216	4	0	0,151
			H=0,63 H ₀ =1,58 R=0,61	H=1,10 H ₀ =1,58 R=0,32			H=0,59 H ₀ =1,58 R=0,63					H=0,63 H ₀ =1,58 R=0,61	

Таблица 2

Коэффициент концентрации предметов на зимних поселениях через энтропию

Тип пос-я	В1			В2			В3			В4		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
1	24	0,38	0,53	31	0,6	0,462	24	0,6	0,462	18	0,4	0,523
2	38	0,61	0,435	23	0,4	0,525	18	0,4	0,525	23	0,6	0,468
3	5	0,08	0,291	7	0,1	0,367	6	0,1	0,397	3	0,1	0,268
	H=1,25 H ₀ =1,58 R=0,21			H=1,35 H ₀ =1,58 R=0,15			H=1,38 H ₀ =1,58 R=0,13			H=1,27 H ₀ =1,58 R=0,20		

Таблица 3

Характеристика концентрации предметов на летних и зимних поселениях по объектам

Тип поселения Объект	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	B4
жилище	+	+	+	+	+	+	+	+
летняя кухня	+	+	+	+	-	-	-	-
мусорная куча	+	+	+	+	-	-	-	-
рабочее место	+	+	+	+	-	-	-	-
околожил. пр-во	-	-	-	-	+	+	+	+

Таблица 4

Количественная характеристика распределения предметов материальной культуры по зонам относительно жилища на летних и зимних поселениях

Тип поселения Зона	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	B4
привходовая	52	140	111	71	100	47	114	76
задняя	39	49	30	25	22	32	6	38
левая	52	49	56	56	83	47	40	44
правая	39	140	85	40	39	32	80	70

Таблица 5

Процентное соотношение распределения предметов материальной культуры по зонам относительно жилища на летних и зимних поселениях

Тип поселения	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	B4
Зона								
привходовая	57,0	74,0	78,0	73,0	81,0	59,0	95,0	67,0
задняя	43,0	26,0	22,0	27,0	19,0	41,0	5,0	33,0
левая	57,0	26,0	39,0	58,0	68,0	59,0	33,0	38,0
правая	43,0	74,0	61,0	42,0	32,0	41,0	67,0	62,0

Таблица 6

Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» на летних и зимних поселениях

Тип поселения	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	B4
Категория предметов								
мусор	64	95	102	47	120	86	145	105
функционалирующие	27	106	39	33	12	2	23	16

Таблица 7

Характеристика плотности предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» на летних и зимних поселениях

Тип поселения	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	B4
Категория предметов								
мусор	0,02	0,04	0,04	0,02	0,12	0,09	0,21	0,15
функционалирующие	0,01	0,05	0,01	0,01	0,01	0,002	0,03	0,02
ВСЕГО	0,03	0,09	0,05	0,03	0,13	0,1	0,24	0,17

Таблица 8

Количественная характеристика предметов материальной культуры на летних поселениях по категориям «мусор» и «функционалирующие» относительно объектов

Тип поселения	A1		A2		A3		A4	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
летняя кухня	25	27	41	96	18	39	7	36
мусорная куча	39	–	45	–	84	–	38	–
ВСЕГО	64	27	86	96	112	39	45	36

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 9

Количественная характеристика предметов материальной культуры на зимних поселениях по категориям «мусор» и «функционалирующие»

B1	B2		B3		B4		
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	
119	12	85	2	137	23	102	16

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 10

Процентное соотношение предметов материальной культуры на летних поселениях по категориям «мусор» и «функционалирующие» относительно объектов

Тип поселения	A1		A2		A3		A4	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
летняя кухня	48,0	52,0	30,0	70,0	31,6	68,4	16,3	83,7
мусорная куча	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0	100,0
ВСЕГО	70,3	29,7	47,3	52,7	74,1	25,9	55,5	44,5

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 11

Процентное соотношение предметов материальной культуры на зимних поселениях по категориям «мусор» и «функционалирующие»

B1	B2		B3		B4	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф
90,1	97,7	2,3	85,6	14,4	86,4	13,6

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 12

Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на летних поселениях

Тип поселения Вид остатков	А1			А2			А3			А4			Всего					
	Л/К	М/К		Л/К	М/К		Л/К	М/К		Л/К	М/К		Л/К	М/К				
		Ф	М		Ф	М		Ф	М		Ф	М		Ф	М	Ф	М	
железные банки	7	-	23	-	13	3	14	-	7	1	24	-	4	1	22	-	114	5
стеклянные банки	1	1	6	-	-	7	-	-	-	3	8	-	-	2	6	-	21	13
бутылки	-	-	4	-	3	-	-	-	-	-	2	-	-	-	4	-	13	-
пузырьки	1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-
крышки	2	1	-	-	3	5	3	-	-	3	3	-	-	3	1	-	12	12
бытовая посуда	3	-	-	-	-	-	1	-	-	-	5	-	-	-	1	-	10	-
кастрюли	-	4	1	-	-	14	1	-	-	-	8	-	-	5	-	-	10	23
ведра	-	-	-	-	-	10	-	-	-	12	-	-	-	7	-	-	-	29
кружки, тарелки	-	-	-	-	-	6	1	-	-	6	-	-	-	5	-	-	1	17
техника	2	3	-	-	5	2	10	-	2	-	8	-	1	-	-	-	28	5
одежда	1	-	1	-	2	21	2	-	1	-	7	-	-	3	-	-	14	24
утварь	2	9	-	-	-	21	2	-	1	10	1	-	-	7	-	-	6	47
пищевые отбросы	-	-	2	-	4	-	2	-	-	-	6	-	-	-	1	-	15	-
охота, рыб-во, олен-во	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
материалы	6	7	2	-	9	-	9	-	3	-	12	-	2	-	3	-	46	7
орудия ремесла	-	2	-	-	-	7	-	-	-	4	-	-	-	3	-	-	-	16
органический мусор	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ВСЕГО	25	27	39	-	41	96	45	-	14	39	84	-	7	36	38	-	293	198

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие; Л/К – летняя кухня; М/К – мусорная кухня

Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на зимних поселениях

Тип поселения	B1		B2		B3		B4		ВСЕГО	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Вид остатков	57	-	45	-	43	-	51	-	196	-
железные банки	14	-	7	-	11	-	19	-	51	-
стеклянные банки	8	-	3	-	39	-	17	-	67	-
бутылки	3	-	2	-	7	-	-	-	12	-
пузырьки	3	-	-	-	7	-	1	3	11	3
крышки	2	-	3	-	5	-	-	-	10	-
бытовая посуда	-	1	-	-	-	2	1	-	1	3
кастрюли	-	1	-	-	-	1	-	3	-	5
ведра	-	1	-	-	-	-	-	1	-	5
кружки, тарелки	-	1	-	-	-	3	-	1	-	5
техника	3	-	-	-	2	2	1	-	6	2
одежда	2	-	-	-	-	-	-	3	2	3
утварь	18	3	2	2	1	6	5	4	26	15
пищевые отбросы	4	-	20	-	16	-	5	-	45	-
охота, рыб-во, олен-во	3	2	2	-	-	9	-	2	5	13
материалы	2	4	1	-	6	-	2	-	11	4
орудия ремесла	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
органический мусор	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-
ВСЕГО	119	12	85	2	137	23	102	16	443	53

Примечание: М – мусор, Ф – функционирующие

Таблица 14

**Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие»
и вещественных остатков по функциональной принадлежности
на летних поселениях**

Тип поселения	A1		A2		A3		A4		ВСЕГО	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Вид остатков										
железные банки	100,0	–	90,0	10,0	97,0	3,2	96,0	3,8	100,0	–
стеклянные банки	87,5	12,5	–	100,0	73,0	27,0	7,5	25,0	87,5	12,5
бутылки	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–
пузырьки	100,0	–	100,0	–	–	–	–	–	100,0	–
крышки	66,0	34,0	54,5	45,5	50,0	50,0	25,0	75,0	66,0	34,0
бытовая посуда	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–
кастрюли	20,0	80,0	6,7	93,3	–	100,0	–	100,0	20,0	80,0
ведра	–	–	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–	–
кружки, тарелки	–	–	14,3	8,57	–	100,0	–	100,0	–	–
техника	40,0	60,0	88,2	11,8	100,0	–	100,0	–	40,0	60,0
одежда	100,0	–	16,0	84,0	100,0	–	–	100,0	100,0	–
утварь	18,2	81,8	8,7	91,3	17,0	83,0	–	100,0	18,2	81,8
пищевые отбросы	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–
охота, рыб-во, олен-во	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
материалы	53,3	46,7	100,0	–	100,0	–	100,0	–	53,3	46,7
орудия ремесла	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на зимних поселениях

Тип поселения	В1		В2		В3		В4	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Вид остатков								
железные банки	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-
стеклянные банки	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-
бутылки	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-
пузырьки	100,0	-	100,0	-	100,0	-	-	-
крышки	100,0	-	-	-	100,0	-	25,0	75,0
бытовая посуда	100,0	-	100,0	-	100,0	-	-	-
кастрюли	-	100,0	-	-	-	100,0	100,0	-
ведра	-	100,0	-	-	-	100,0	-	100,0
кружки, тарелки	-	100,0	-	-	-	100,0	-	100,0
техника	100,0	-	-	-	50,0	50,0	100,0	-
одежда	100,0	-	-	-	-	-	-	100,0
утварь	85,7	14,3	50,0	50,0	14,0	86,0	56,0	45,0
пищевые отбросы	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-
охота, рыб-во, олен-во	60,0	40,0	100,0	-	-	100,0	-	100,0
материалы	34,4	66,6	100,0	-	100,0	-	100,0	-
орудия ремесла	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 16

Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функциональные» и вещественных остатков по функциональной принадлежности на летних и зимних поселениях

Тип поселения	ЛЕТНИЕ		ЗИМНИЕ	
	М	Ф	М	Ф
Вид остатков				
железные банки	95,7	4,3	100,0	–
стеклянные банки	61,7	38,3	100,0	–
бутылки	100,0	–	100,0	–
пузырьки	100,0	–	100,0	–
крышки	50,0	50,0	78,5	21,5
бытовая посуда	100,0	–	100,0	–
кастрюли	31,1	69,9	25,0	75,0
ведра	–	100,0	–	100,0
кружки, тарелки	5,6	94,4	–	100,0
техника	84,8	15,2	75,0	25,0
одежда	36,9	63,1	40,0	69,0
утварь	6,0	94,0	63,4	36,6
пищевые отбросы	100,0	–	100,0	–
охота, рыб-во, олен-во	–	–	16,7	83,3
материалы	90,1	9,9	73,3	26,7
орудия ремесла	–	100,0	–	–

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 17

Процентное соотношение вещественных остатков по функциональной принадлежности на летних и зимних поселениях

Тип поселения	ЛЕТНИЕ	ЗИМНИЕ
Вид остатков		
железные банки	38,9	44,2
стеклянные банки	7,1	11,5
бутылки	4,4	15,1
пузырьки	1,0	2,7
крышки	4,1	2,4
бытовая посуда	3,4	2,2
кастрюли	3,4	0,2
ведра	–	–
кружки, тарелки	0,3	–
техника	9,5	1,3
одежда	4,7	0,4
утварь	2,0	5,8
пищевые отбросы	5,1	10
охота, рыб-во, олен-во	–	1,1
материалы	15,6	2,4
орудия ремесла	–	–

Таблица 18

Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в летних жилищах

Тип поселения	А1		А2		А3		А4		ВСЕГО	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Вид остатков										
посуда	-	16	-	20	-	28	-	17	-	81
ложки, вилки	-	10	-	12	-	7	-	5	-	34
утварь	-	5	-	6	-	8	-	4	-	23
орудия труда	-	14	-	14	-	24	-	8	-	60
охота, рыб-во, олен-во	-	2	-	-	-	1	-	2	-	5
техника	-	-	-	9	4	1	-	-	11	10
ВСЕГО	-	47	7	52	4	67	-	36	11	213

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 19

Количественная характеристика предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в зимних жилищах

Тип поселения	В1		В2		В3		В4		ВСЕГО	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Вид остатков										
посуда	3	25	7	-	13	7	1	3	24	35
ложки, вилки	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
утварь	5	11	3	5	11	5	-	2	19	23
орудия труда	-	1	-	-	-	1	-	-	-	2
охота, рыб-во, олен-во	-	26	-	-	-	13	-	-	-	39
техника	-	1	-	1	3	-	-	-	3	2
материалы	-	1	6	1	1	5	-	-	7	7
пищевые отбросы	-	-	2	-	3	-	-	-	5	-
ВСЕГО	8	66	18	7	31	31	1	5	58	109

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 20

Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в летних жилищах

Тип поселения	A1		A2		A3		A4	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Вид остатков								
посуда	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0
ложки, вилки	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0
утварь	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0
орудия труда	-	100,0	-	100,0	-	100,0	-	100,0
охота, рыб-во, олен-во	-	100,0	-	-	-	100,0	-	100,0
техника	-	-	43,7	56,3	80,0	20,0	-	-

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 21

Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» и вещественных остатков по функциональной принадлежности в зимних жилищах

Тип поселения	B1		B2		B3		B4	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Вид остатков								
посуда	11,0	89,0	100,0	-	65,0	35,0	25,0	75,0
ложки, вилки	-	100,0	-	-	-	-	-	-
утварь	31,3	69,0	38,5	63,0	69,0	31,0	-	100,0
орудия труда	-	100,0	-	-	-	100,0	-	-
охота, рыб-во, олен-во	-	100,0	-	-	-	100,0	-	-
техника		100,0	-	100,0	100,0	-	-	-
материалы	-	100,0	85,7	14,3	16,7	83,3	-	-
пищевые отбросы	-	-	100,0	-	100,0	-	-	-

Примечание: М – мусор, Ф – функционалирующие

Таблица 22

Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» в летних и зимних жилищах

Тип поселения	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	B4
Категория предметов								
мусор	-	-	-	-	10	72	50	16
функционалирующие	100	100	100	100	90	28	50	84

Таблица 23

Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» в летних кухнях

Тип поселения	A1	A2	A3	A4
Категория предметов				
мусор	50	31	26	17
функционалирующие	50	69	74	83

Таблица 24

Процентное соотношение предметов материальной культуры по категориям «мусор» и «функционалирующие» в мусорных кучах

Тип поселения	B1	B2	B3	B4
Категория предметов				
мусор	100	100	100	100
функционалирующие	-	-	-	-

Таблица 25

Характеристика значимости объектов на летнем поселении А1

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			КУХНЯ			МУСОРНАЯ КУЧА			РАБОЧЕЕ МЕСТО		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
Вид остатков												
посуда	16	0,34	0,529	20	0,48	0,508	34	0,92	0,110	-	-	-
орудия труда	14	0,29	0,517	2	0,05	0,216	-	-	-	-	-	-
одежда	-	-	-	1	0,02	0,112	1	0,03	0,151	-	-	-
техника	-	-	-	5	0,12	0,367	-	-	-	-	-	-
утварь	15	0,31	0,523	11	0,26	0,505	-	-	-	-	-	-
пищевые отатки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
охота, рыб-во, олен-во	2	0,04	0,185	-	-	-	-	-	-	2	0,5	0,5
материалы	-	-	-	2	0,05	0,216	2	0,05	0,216	2	0,5	0,5
		H=1,75 H ₀ =2,00 R=0,13		H=1,92 H ₀ =2,58 R=0,26		H=0,46 H ₀ =1,58 R=0,71				H=1 H ₀ =1 R=0		

Таблица 26

Характеристика значимости объектов на летнем поселении А2

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			КУХНЯ			МУСОРНАЯ КУЧА			РАБОЧЕЕ МЕСТО		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
Вид остатков												
посуда	20	0,33	0,527	66	0,48	0,508	20	0,47	0,512	3	0,130	0,382
орудия труда	14	0,23	0,487	7	0,05	0,216	-	-	-	1	0,040	0,185
одежда	-	-	-	23	0,17	0,434	2	0,05	0,216	1	0,040	0,185
техника	9	0,15	0,410	7	0,05	0,216	10	0,21	0,472	10	0,143	0,523
утварь	18	0,29	0,517	21	0,15	0,410	2	0,05	0,216	1	0,040	0,185
пищевые остатки	-	-	-	4	0,03	0,151	2	0,05	0,216	-	-	-
охота, рыб-во, олен-во	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	0,13	0,382
материалы	-	-	-	9	0,07	0,268	9	0,21	0,472	4	0,17	0,434
		H=1,94 H ₀ =2,00 R=0,03			H=2,20 H ₀ =2,80 R=0,22			H=2,10 H ₀ =2,58 R=0,19			H=2,27 H ₀ =2,80 R=0,19	

Таблица 27

Характеристика значимости объектов на летнем поселении АЗ

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			КУХНЯ			МУСОРНАЯ КУЧА			РАБОЧЕЕ МЕСТО		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
Вид остатков												
посуда	28	0,41	0,527	34	0,62	0,427	50	0,59	0,449	2	0,11	0,350
орудия труда	24	0,35	0,530	4	0,07	0,268	-	-	-	2	0,11	0,350
одежда	-	-	-	1	0,02	0,112	7	0,08	0,291	5	0,26	0,505
техника	1	0,01	0,066	2	0,04	0,185	8	0,09	0,312	5	0,26	0,505
утварь	15	0,22	0,48	11	0,20	0,464	1	0,01	0,066	-	-	-
пищевые остатки	-	-	-	-	-	-	6	0,07	0,268	-	-	-
охота, рыб-во, олен-во	1	0,01	0,066	-	-	-	-	-	-	3	0,16	0,423
материалы	-	-	-	3	0,05	0,216	12	0,14	0,397	2	0,11	0,35
		H=1,67 H _o =2,32 R=0,29			H=1,67 H _o =2,58 R=0,36			H=1,78 H _o =2,58 R=0,31			H=2,48 H _o =2,58 R=0,04	

Таблица 28

Характеристика значимости объектов на летнем поселении А4

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			КУХНЯ			МУСОРНАЯ КУЧА			РАБОЧЕЕ МЕСТО		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
Вид остатков												
посуда	17	0,47	0,512	27	0,63	0,413	34	0,91	0,123	-	-	-
орудия труда	8	0,22	0,480	3	0,07	0,268	-	-	-	1	0,25	0,5
одежда	-	-	-	3	0,07	0,268	-	-	-	-	-	-
техника	-	-	-	1	0,02	0,112	-	-	-	-	-	-
утварь	9	0,25	0,500	7	0,16	0,423	-	-	-	-	-	-
пищевые остатки	-	-	-	-	-	-	1	0,02	0,112	-	-	-
охота, рыб-во, олен-во	0,243	0,06	2	-	-	-	-	-	-	2	0,50	0,5
материалы	-	-	-	2	0,05	0,216	3	0,08	0,291	1	0,25	0,5
		H=1,22 H ^o =2,00 R=0,39			H=1,70 H ^o =2,58 R=0,34			H=0,52 H ^o =1,58 R=0,67			H=1,50 H ^o =1,58 R=0,05	

Таблица 29

Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В1

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			ОКОЛОЖИЛ. ПРОСТ-ВО		
	п	р _i	р _i log р _i	п	р _i	р _i log р _i
посуда	28	0,38	0,530	90	0,81	0,446
орудия труда	1	0,01	0,066	–	–	–
одежда	–	–	–	2	0,02	0,112
техника	1	0,01	0,066	3	0,03	0,151
утварь	17	0,23	0,487	24	0,22	0,448
пищевые остатки	–	–	–	4	0,04	0,185
охота, рыб-во, олен-во	26	0,35	0,530	5	0,05	0,216
материалы	1	0,01	0,066	6	0,05	0,216
	$H=1,74$ $H_0=2,58$ $R=0,32$			$H=1,61$ $H_0=2,58$ $R=0,38$		

Таблица 30

Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В2

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			ОКОЛОЖИЛ. ПРОСТ-ВО		
	п	р _i	р _i log р _i	п	р _i	р _i log р _i
посуда	7	0,28	0,514	60	0,69	0,369
орудия труда	–	–	–	–	–	–
одежда	–	–	–	–	–	–
техника	1	0,04	0,185	–	–	–
утварь	8	0,32	0,526	4	0,04	0,185
пищевые остатки	2	0,08	0,291	20	0,23	0,487
охота, рыб-во, олен-во	–	–	–	2	0,02	0,112
материалы	7	0,28	0,514	1	0,01	0,066

Таблица 31

Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В3

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			ОКОЛОЖИЛ. ПРОСТ-ВО		
	н	р _і	р _і log р _і	н	р _і	р _і log р _і
посуда	20	0,36	0,530	118	0,74	0,321
орудия труда	1	0,02	0,112	–	–	–
одежда	–	–	–	–	–	–
техника	3	0,05	0,216	4	0,02	0,112
утварь	16	0,28	0,514	7	0,04	0,185
пищевые остатки	3	0,05	0,216	16	0,10	0,332
охота, рыб-во, олен-во	13	0,23	0,497	9	0,05	0,216
материалы	–	–	–	6	0,03	0,151
	Н=2,10 Н _о =2,58 R=0,20			Н=1,32 Н _о =2,58 R=0,49		

Таблица 32

Характеристика значимости объектов на зимнем поселении В4

Вид объекта	ЖИЛИЩЕ			ОКОЛОЖИЛ. ПРОСТ-ВО		
	н	р _і	р _і log р _і	н	р _і	р _і log р _і
посуда	4	0,67	0,387	96	0,81	0,241
орудия труда	–	–	–	–	–	–
одежда	–	–	–	3	0,02	0,112
техника	–	–	–	1	0,01	0,066
утварь	2	0,32	0,527	9	0,07	0,268
пищевые остатки	–	–	–	5	0,04	0,185
охота, рыб-во, олен-во	–	–	–	2	0,02	0,112
материалы	–	–	–	2	0,02	0,112

Таблица 33

Характеристика значимости объектов на летних поселениях

Тип поселения Объект	A1	A2	A3	A4
жилище	0,12	0,03	0,29	0,39
летняя кухня	0,26	0,22	0,36	0,34
мусорная куча	0,71	0,19	0,31	0,67
рабочее место	–	0,19	0,04	0,05

Таблица 34

Характеристика значимости объектов на зимних поселениях

Тип поселения Объект	B1	B2	B3	B4
жилище	0,32	0,13	0,2	0,09
околожил. простр-во	0,38	0,48	0,49	0,61

Таблица 35

Характеристика значимости категорий вещественных остатков на легнем поселении А1

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	ПОСУДА			ОРУДИЯ ТРУДА			ОДЕЖДА			ТЕХНИКА		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	16	0,22	0,480	14	0,87	0,174	-	-	-	-	-	-
летняя кухня	20	0,28	0,514	2	0,13	0,382	1	0,5	0,5	5	1	1
мусорная куча	34	0,48	0,508	-	-	-	1	0,5	0,5	-	-	-
рабочее место	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	УТВАРЬ			ПИЩЕВЫЕ ОТБРОСЫ			ОХОТА, РЫБ-ВО, ОЛЕН-ВО			МАТЕРИАЛЫ		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	15	0,57	0,462	-	-	-	2	0,5	0,5	-	-	-
летняя кухня	11	0,43	0,523	-	-	-	-	-	-	2	0,33	0,527
мусорная куча	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	0,33	0,527
рабочее место	-	-	-	-	-	-	2	0,5	0,5	2	0,33	0,527

Таблица 36
 Характеристика значимости категорий вещественных остатков на летнем поселении А2

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	ПОСУДА			ОРУДИЯ ТРУДА			ОДЕЖДА			ТЕХНИКА		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	20	0,18	0,445	14	0,64	0,412	-	-	-	9	0,25	0,500
летняя кухня	66	0,61	0,435	7	0,32	0,526	23	0,88	0,162	7	0,19	0,455
мусорная куча	20	0,18	0,445	-	-	-	2	0,08	0,291	10	0,28	0,514
рабочее место	3	0,03	0,151	1	0,04	0,185	1	0,04	0,185	10	0,28	0,514

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	УТВАРЬ			ПИЩЕВЫЕ ОТБРОСЫ			ОХОТА, РЫБ-ВО, ОЛЕН-ВО			МАТЕРИАЛЫ		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	18	0,43	0,523	-	-	-	-	-	-	-	-	-
летняя кухня	21	0,50	0,500	4	0,67	0,387	-	-	-	9	0,41	0,527
мусорная куча	2	0,05	0,216	2	0,33	0,527	-	-	-	9	0,41	0,527
рабочее место	1	0,02	0,112	-	-	-	3	-	-	4	0,18	0,445

Таблица 37

Характеристика значимости категорий вещественных остатков на летнем поселении АЗ

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	ПОСУДА			ОРУДИЯ ТРУДА			ОДЕЖДА			ТЕХНИКА		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	28	0,24	0,494	24	0,80	0,257	-	-	-	1	0,06	0,243
летняя кухня	34	0,30	0,521	4	0,13	0,382	1	0,08	0,29	2	0,13	0,382
мусорная куча	50	0,44	0,521	-	-	-	7	0,54	0,48	8	0,50	0,500
рабочее место	2	0,02	0,112	2	0,06	0,243	5	0,38	0,53	5	0,31	0,523

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	УТВАРЬ			ПИЩЕВЫЕ ОТБРОСЫ			ОХОТА, РЫБ-ВО, ОЛЕН-ВО			МАТЕРИАЛЫ		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	15	0,55	0,474	-	-	-	1	0,25	0,50	-	-	-
летняя кухня	11	0,41	0,527	-	-	-	-	-	-	3	0,18	0,445
мусорная куча	1	0,04	0,185	6	-	-	-	-	-	12	0,70	0,360
рабочее место	-	-	-	-	-	-	3	0,75	0,31	2	0,12	0,367

Таблица 38

Характеристика значимости категорий вещественных остатков на летнем поселении А4

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	ПОСУДА			ОРУДИЯ ТРУДА			ОДЕЖДА			ТЕХНИКА		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	17	0,22	0,480	8	0,67	0,387	-	-	-	-	-	-
летняя кухня	27	0,35	0,530	3	0,25	0,500	3	-	-	1	-	-
мусорная куча	34	0,43	0,523	-	-	-	-	-	-	-	-	-
рабочее место	-	-	-	1	0,08	0,291	-	-	-	-	-	-

КАТЕГОРИЯ ОСТАТКОВ	УТВАРЬ			ПИЩЕВЫЕ ОСТАТКИ			ОХОТА, РЫБ-ВО, ОЛЕН-ВО			МАТЕРИАЛЫ		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
ОБЪЕКТ жилище	9	0,56	0,468	-	-	-	2	0,5	0,5	-	-	-
летняя кухня	7	0,44	0,521	-	-	-	-	-	-	2	0,33	0,527
мусорная куча	-	-	-	1	-	-	-	-	-	3	0,50	0,500
рабочее место	-	-	-	-	-	-	2	0,5	0,5	1	0,17	0,434

Таблица 39

Характеристика значимости категорий вещественных остатков на зимнем поселении В1

Категория остатков	ПОСУДА			ОРУДИЯ ТРУДА			УТВАРЬ			ПИЩЕВЫЕ ОСТАТКИ		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
жилище	28	0,24	0,494	1	-	-	17	0,45	0,518	-	-	-
околожил. простр-во	90	0,76	0,300	-	-	-	21	0,55	0,474	4	-	-
	H=0,79 H ₀ =1 R=0,21						H=0,99 H ₀ =1 R=0,01					

Категория остатков	ОДЕЖДА			ТЕХНИКА			ОХОТА, РЫБ-ВО, ОЛЕН-ВО			МАТЕРИАЛЫ		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
жилище	-	-	-	1	0,25	0,5	26	0,84	0,211	1	0,14	0,397
околожил. простр-во	2	-	-	3	0,75	0,311	5	0,16	0,423	6	0,86	0,187
				H=0,81 H ₀ =1 R=0,19			H=0,63 H ₀ =1 R=0,37			H=0,58 H ₀ =1 R=0,42		

Таблица 41

Характеристика значимости категорий вещественных остатков на зимнем поселении В3

Категория остатков	ПОСУДА			ТЕХНИКА		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
жилище	20	0,14	0,397	3	0,42	0,525
околожил. простр-во	118	0,86	0,187	4	0,58	0,455
	$H=0,58$ $H_o=1$ $R=0,42$			$H=0,98$ $H_o=1$ $R=0,02$		

УТВАРЬ			ПИЩЕВЫЕ ОСТАТКИ			ОХОТА, РЫБ-ВО, ОЛЕН-ВО		
n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
16	0,69	0,369	3	0,16	0,423	13	0,59	0,449
7	0,31	0,523	16	0,84	0,21	9	0,41	0,527
$H=0,89$ $H_o=1$ $R=0,11$			$H=0,63$ $H_o=1$ $R=0,37$			$H=0,97$ $H_o=1$ $R=0,03$		

Таблица 42

Характеристика значимости категорий вещественных остатков на зимнем поселении В4

Категория остатков	ПОСУДА			УТВАРЬ		
	n	pi	pi log pi	n	pi	pi log pi
жилище	4	0,04	0,185	2	0,18	0,445
околожил. простр-во	96	0,96	0,056	9	0,82	0,234
	$H=0,24$ $H_o=1$ $R=0,76$			$H=0,67$ $H_o=1$ $R=0,33$		

Таблица 43

Характеристика значимости видов вещественных остатков на летних и зимних поселениях

Тип поселения	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	B4
Вид предметов								
посуда	0,06	0,28	0,18	0,03	0,21	0,54	0,42	0,76
орудия труда	0,45	0,29	0,44	0,26	-	-	-	-
одежда	-	0,6	0,18	1	-	-	-	-
техника	1	0,01	0,18	1	0,19	-	0,02	-
утварь	0,02	0,28	0,25	0,01	0,01	0,09	0,11	0,03
пищевые отходы	1	0,09	1	1	-	0,57	0,34	-
охота, рыб-во, олен-во	-	1	0,19	-	0,39	-	0,03	-
материалы	-	0,05	0,26	0,08	0,42	0,45	-	-

Таблица 44

Процентное соотношение вещественных остатков в мусорных кучах на летних поселениях по функциональной принадлежности

Тип поселения	A1	A2	A3	A4	ВСЕГО
Вид остатков					
железные банки	58,9	31,1	28,5	57,8	41,9
стеклянные банки	15,3	-	9,5	15,7	10,1
бутылки	10,2	-	2,3	10,5	5,0
пузырьки	-	-	-	-	-
крышки	-	6,6	3,5	2,6	3,5
бытовая посуда	-	2,2	5,9	2,6	3,5
кастрюли	2,5	2,2	-	-	1,0
ведра	-	-	-	-	-
кружки, тарелки	-	2,2	-	-	0,5
техника	-	22,2	9,5	-	9,0
одежда	2,5	4,4	8,3	-	5,0
утварь	-	4,4	1,1	-	1,5
пищевые отбросы	5,1	4,4	7,1	2,6	5,5
охота, рыб-во, олен-во	-	-	-	-	-
материалы	5,1	20,0	14,2	7,8	13,1
орудия ремесла	-	-	-	-	-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева Ю. П., 1979.* Историко-философские взгляды Лесли А. Уайта (1900–1975) // Этнография за рубежом. – М.
- Аверкиева Ю. П., 1979а.* История теоретической мысли в американской этнографии. – М.
- Артамонов М. И., 1948.* Этнография Скифии // Ученые записки Ленинградского университета. – М.
- Артамонов М. И., 1949.* К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИА. – Вып. XXIX.
- Арутюнов С. А., Хазанов А. М., 1979.* Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. – № 6.
- Арциховский А. В., 1929.* Новые методы археологии // Историк-марксист. – Т. 14.
- Арциховский А. В., 1953.* Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М.
- Арциховский А. В., Киселёв С. В., Смирнов А. П., 1932.* Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщения ГАИМК. – № 1–2.
- Богомолов В. Б., Томилов Н. А., 1981.* Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск.
- Борисковский П. И., Окладников А. П., 1953.* О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытнообщинного строя // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М.
- Бройчевский М. Ю., 1965.* Теоретичні основи досягнень етногенезу // Український історичний журнал. – Киев. – № 2.
- Брюсов А. Я., 1928.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Труды секции теории и методологии РАНИОН. – Т. 2.
- Брюсов А. Я., 1952.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.
- Быковский С. Н., 1931.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследователями // Сообщения ГАИМК. – № 4–5.
- Гемуев И. Н., Пелих Г. И., 1974.* Селькупское оленеводство // СЭ. – № 3.
- Генинг В. Ф., 1982.* Очерки по истории советской археологии. – Киев.
- Генинг В. Ф., 1983.* Объект и предмет науки в археологии. – Киев.
- Гиля Е. Ю., 1992.* Возможности эксперимента в археологии // Экспериментальная археология. – Тобольск. – Вып. 2.
- Глушков И. Г., 1983.* Теоретическая мысль в археологии во второй половине 20-х – начале 30-х гг. // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск.

- Глушков И. Г., 1989.* О причинах эмпиризма в советской археологии // Историка об историках. – Омск.
- Глушков И. Г., 1993.* Этноархеология: к истории археолого-этнографических параллелей // Историческое познание: традиции и новации. Тез. докл. к конф. Часть 1. – Ижевск.
- Глушков И. Г., 1996.* Керамика как исторический источник. – Новосибирск.
- Глушков И. Г., Глушкова Т. Н., 1992.* Текстильная керамика как исторический источник. – Тобольск.
- Глушков И. Г., Захожая Т. М., 1992.* Объективное и субъективное в реконструкции // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск.
- Головнёв А. В., 1993.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск.
- Городцов В. А., 1908.* Первобытная археология: Курс лекций. – М.
- Городцов В. А., 1923.* Археология. – Т. 1. – М.–Л.
- Грачёва Г. Н., Хлобыстин Л. П., 1981.* Вопросы методики использования данных этнографии в археологических исследованиях // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск.
- Дебец Г. Ф., 1930.* Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. – Т. 19. – Вып. 1–2.
- Дебец Г. Ф., 1941.* Проблема заселения Северо-Западной Сибири по данным антропологии // КСИИМК. – № IX.
- Жуков Б. С., 1927.* Из методологии изучения культур, стоянок и городищ // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. – М.
- Жуков Б. С., 1929.* Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. – М.
- Забелин И. Е., 1878.* В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? // Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Т. 1.
- Зализняк Л. Л., 1989.* Охотники на северного оленя украинского полесья эпохи финального палеолита. – Киев.
- Захарук Ю. М., 1964.* Проблемы археологической культуры // Археология (на украинском языке). – Киев. – № 17.
- Иловайский Д. И., 1878.* Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Т. 1.
- Квирквелия О. Р., 1989.* Археология современности или социологическая археология // Методические проблемы реконструкции в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск.
- Кениг А. В., 1995.* За создание отечественной этноархеологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск.
- Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979.* Бронзовый век Васюганья. – Томск.
- Киселёв С. В., 1933.* Разложение рода на Енисее. – Л.
- Киселёв С. В., 1949.* Древняя история Южной Сибири. – МИА. – № 9.
- Клейн Л. С., 1973.* Рец. на сб. «New perspectives in archaeology». – СА. – № 2.
- Клейн Л. С., 1977.* К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. – Л. – Вып. 1.

- Клейн Л. С., 1978.* Археологические источники. – Л.
- Кожин А. М., 1964.* О технике выделки фатьяновской керамики. – КСИА. – Вып. 14.
- Кокшаров С. Ф., 1992.* Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Свердловск.
- Колчин Б. А., 1965.* Археология и естественные науки // Археология и естественные науки. – М.
- Конигов Б. А., 1991.* Раннесредневековые жилища таежного Прииртышья (Омская область) // Жилища народов Западной Сибири. – Томск.
- Коробкова Г. Ф., 1978.* Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // КСИА. – № 152.
- Коробкова Г. Ф., 1987.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л.
- Косарев М. Ф., 1981.* К вопросу о методике археолого-этнографических сопоставлений // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск.
- Косарев М. Ф., 1984.* Западная Сибирь в древности. – М.
- Косарев М. Ф., 1988.* Некоторые методологические и теоретические проблемы Урало-Сибирской археологии // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск.
- Крупнов Е. И., 1957.* О происхождении и датировке кобанской культуры // СА. – № 1.
- Лебедев В. В., 1980.* Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX веке // СЭ. – № 2.
- Лебедев Г. С., 1992.* История отечественной археологии. – СПб.
- Лёзова С. В., 1991.* Жилище северных селькупов // Экспериментальная археология. – Тобольск. – Вып. 1.
- Маркарян Э. С., 1981.* К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа. Исторические этапы и формы воздействия. – М.
- Массон В. М., 1971.* Поселение Джейтун // МИА. – № 180.
- Массон В. М., 1980.* У истоков теоретической мысли советской археологии // КСИА. – Вып. 163.
- Матющенко В. И., 1976.* О состоянии и возможностях социально-экономической истории древнего населения Западной Сибири // Из истории Сибири. – Томск. – Вып. 21.
- Мельников Б. В., 1996.* Из опыта археолого-этнографических исследований Омского университета в Западной Сибири (1987–1991 гг.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск.
- Монгайт А. Л., 1967.* Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // Народы Азии и Африки. – № 1.
- Морган Л. Г., 1934.* Древнее общество. – Л.
- Окладников А. П., 1938.* Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. – № 1.
- Окладников А. П., 1950.* К изучению начальных этапов формирования народов

- Сибири (население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) // СА. – № 2.
- Окладников А. П., 1950а.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. – № 18.
- Плюснин Ю. М., 1994.** Этологические подходы к проблеме археологических реконструкций // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск.
- Прахин А. Д., 1986.** История советской археологии. – Воронеж.
- Равдоникас В. И., 1930.** За марксистскую историю материальной культуры. – М.–Л.
- Равдоникас В. И., 1931.** К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество // Известия ГАИМК. – Вып. 2.
- Сахаров И. П., 1851.** Обзорение русской археологии // ЗОРСА. – Т. 1.
- Семёнов С. А., 1957.** Первобытная техника. – М.–Л.
- Семёнов С. А., 1968.** Развитие техники в каменном веке. – Л.
- Скалон В., 1930.** В тундре верхнего Таза // Советский Север. – № 3.
- Соколова З. П., 1980.** К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. – М.
- Тайлор Э., 1989.** Первобытная культура. – М.
- Томилов Н. А., 1993.** Проблемы этнической истории. – Томск.
- Томилов Н. А., 1995.** Этноархеология и метод конструирования этноархеологических комплексов // Методика комплексных исследований культур народов Западной Сибири. – Томск.
- Томилов Н. А., 1996.** Этноархеология и этнографо-археологические комплексы // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск.
- Третьяков П. Н., 1962.** Бологовское городище // КСИА. – Вып. 87.
- Уваров А. С., 1878.** Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Т. 1.
- Физико-географическое..., 1973.** Физико-географическое районирование Тюменской области. – М.
- Формозов А. А., 1957.** Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? // СА. – № 4.
- Фосс М. Е., 1952.** Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. – № 29.
- Чернецов В. Н., 1953.** Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – № 35.
- Шаргородский Л. Т., 1994.** Селькупы. Современные этнические процессы у селькупов. – М.
- Шнирельман В. А., 1979.** Методы использования этнографических данных для реконструкции первобытной истории в зарубежной науке // Этнография как источник реконструкции первобытного общества. – М.
- Шнирельман В. А., 1984.** Этноархеология – 70-е годы // СЭ. – № 2.
- Шнирельман В. А., 1995.** Археология и этнография: проблемы корреляции // «Моя избраница наука, наука, без которой мне не жить...». – Барнаул.

- Ascher R., 1961.** Experimental archaeology // *American Anthropologist* – V. 67. – N 4.
- Binford L. R., 1962.** Archaeology as anthropology // *American Antiquity*. – V. 28.
- Binford L. R., 1964.** A consideration of archaeological research design // *American Antiquity*. – V. 29.
- Binford L. R., 1965.** Archaeological systematic and the study of culture process // *American Antiquity*. – V. 31.
- Binford L. R., 1968.** Some Comments on Historical Versus Processual Archaeology // *Southwestern Journal of Anthropology*. – V. 24.
- Binford L. R., 1972.** *An Archaeological Perspective* – New York: Seminar Press.
- Binford L. R., 1977.** General Introduction // *For Theory Building in Archaeology* / Ed. L. R. Binford. – New York: Academic Press.
- Binford L. R., 1980.** Willow smoke and dogs tales: Hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation // *American Antiquity*. – V. 45.
- Binford L. R., 1981.** *Bones: Ancient Men and Modern Myths*. – New York: Academic Press.
- Binford L. R., 1983.** *Working at Archaeology*. – New York: Academic Press.
- Binford L. R., Binford S. R., 1966.** A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies // *American Anthropologist*. – V. 68.
- Binford L. R., Binford S. R., 1966.** The predatory revolution. A consideration of the evidence for a new subsistence level // *American Anthropologist*. – V. 68.
- Boas F., 1965.** *The mind of primitive man*. – N. Y.
- Chang K.-C., 1980.** *Shang Civilization*. – New Haven (Connecticut) and London: Yale University Press.
- Clarke D. L., 1972.** Comment on: Watson at all, 1971 // *Antiquity*. – V. 46.
- Coles J., 1968.** Experimental archaeology. – Edinburgh (PSAS; vol. 99).
- Constas H., 1967.** The Congress international des sciences anthropologiques et ethnologiques. – Moscow.
- Eggers H. J., 1950.** Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. – In *Ur-und Archaeology als historische Wissenschaft*. – Heidelberg.
- Erasmus C. J., 1968.** Thoughts on Upland Collapse: an Essay on Explanation in Archaeology // *Southwestern Journal of Anthropology*. – V. 24.
- Ethnoarchaeology, 1979.** *Ethnoarchaeology: Implications of Ethnography for Archaeology* / Ed. C. Kramer. – New York: Columbia University Press.
- Flannery K. V., 1967.** Culture history versus culture process // *Scientific American*. – V. 217.
- Fritz J. M., Plog F. T., 1970.** The Nature of Archaeological Explanation // *American Antiquity*. – V. 35.
- Gould R. A., 1981.** *Modern material culture. The archaeology of US*. – N. Y.
- Hill J. N., 1972.** The methodological debate in contemporary archaeology: a model // *Models in Archaeology* / Ed. D. L. Clarke. – London: Methuen.
- Klein L. S., 1977.** Panorama of Theoretical Archaeology // *Current Anthropology*. – V. 1.
- Kleindienst M. R., Watson P. J., 1956.** Action archaeology: The archaeological inventory of a living community // *Anthropology Tomorrow*. – V. 5.
- Kramer C. (ed.), 1979.** *Ethnoarchaeology: implications of ethnography for archaeology*. – New York: Columbia University Press.

- Renfrew C., 1969.** Approaches to Social Archaeology. – Cambridge / Mass.: Harvard Ethnoarchaeology.
- Sabloff J. A., Willey G. R., 1968.** The Collapce of Maya Civilization in the Southern Lowland : A Consideration of History and Process // Southwestern Journal of Anthropology – V. 23.
- Sabloff J. A., Willey G. R., 1974.** A History of American Archaeology. – San-Francisco: Freeman.
- Salmon M. N., 1972.** Philosophy and Archaeology. – New York: Academic Press.
- Schiffer M. B., 1972.** Archaeological context and systematic context // American Antiquity. – V. 37.
- Schiffer M. B., 1976.** Behabioral Archaeology. – New York: Academic Press.
- Schiffer M. F., 1981.** Methodological Issues in Ethnoarchaelogy // Modern material cultyre. – N.Y.
- Schwartz D. W., 1978.** Foreword // Explanations in Ethnoarchaelogy / Ed. R. A. Gould. – New Mexico: University Press
- Slotcin J. S., 1952.** Some basic methodological problems in prehistory // Southwestern Journal of Anthropology. – V. 8.
- Stanislawski M., 1977.** Ethnoarchaelogy of Hopi and Hopi-Tewa Pottery Making: Styles of learning // Experimental archaeology. – N. Y.
- Steward J. H., 1955.** Theory of Culture Change. – Urbania: Illinois University Press.
- Trigger B. G., 1970.** Aims in Prehistoric Archaeology // Antiquity. – V. 44.
- Tringham R., 1978.** Experimentation, Ethnoarchaelogy and the Learforogs in Archaeological Methodology // Explorations in Ethnoarchaelogy/ Gould R. A. Albuguerque.
- Watson P. J., 1979.** The Idea of Ethnoarchaelogy // Ethnoarchaeology: Implications of Ethnoarchaelogy for Archaeology / Ed. S. Kramer. – New York: Columbia University Press.
- Watson P. J., Leblanc S. A., Redman C. L., 1971.** Explanation in Archaeology: an explicitly scientific approach. – New York–London: Columbia University Press.
- Watson R. A., 1972.** The “new archaeology” of 1960-s // Antiquity. – V. 46.
- White J. P., Thomas D. N., 1972.** What mean these stones? Ethno-taxonomic models and interpretations in the New Guinea Highlands. – In Models in archaeology. – London.
- White L. A., 1949.** The science of culture. – New York: Random House.
- Willey G., Phillips P., 1958.** Method and theory in American archaeology. – Chicago, University of Chicago Press.
- Yellen Y. E., 1977.** Archaeological Approaches to the present: Models for Reconstructing the Past. – N. Y.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АЭК	– Археолого-этнографический комплекс
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВДИ	– Вопросы древней истории
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры АН СССР
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры (АН СССР)
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам
СА	– Советская археология
Совнарком	– (СНК) Совет народный комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СЭ	– Советская этнография
ЦК ВКПб	– Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЭАК	– Этнографо-археологический комплекс

ООО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «ЮГРА-ТЕРРА»

Директор
Кандидат исторических наук
Васильев Виталий Геннадьевич

Юридический адрес: 628001, г. Ханты-Мансийск, ул. Ямская, д. 3/1 – 9

Фактический адрес: 628001, г. Ханты-Мансийск, ул. Тобольский тракт, 2А, 3-й подъезд, тел./факс.: (3467) 36-36-50, 36-36-51; +79028147946, e-mail: vasilyevvg@bk.ru

Научно-производственный центр «Югра-Терра» был основан в мае 2003 года и в настоящее время является динамично развивающимся предприятием в области изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия Севера Западной Сибири в целом и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в частности.

Основные виды деятельности центра «Югра-Терра» – производство научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ, обеспечивающих исключение негативного воздействия на объекты культурного наследия в результате промышленного освоения территорий и их сохранность.

Основные направления деятельности:

- мониторинг состояния объектов культурного наследия;
- проектные и проектно-изыскательские работы в области сохранения и использования объектов культурного наследия;
- историко-культурные исследования в зонах хозяйственной деятельности (историко-культурная экспертиза земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению);
- противоаварийные археологические работы на объектах культурного наследия (археологические раскопки).

Партнерами в данном направлении являются такие компании, как ООО «Газпром трансгаз Югорск», ОАО «Русснефть», ООО «Газпромнефть-Хантос», ООО «Сибнефть-Югра», ОАО «ТНК-Нягань», ЗАО «Ямалгазинвест», ОАО «Лукойл – Западная Сибирь», ОАО «Тюменьэнерго», ОАО «Тюменнефтегеофизика», ОАО «Уралсвязьинформ», ОАО «Уральская нефтяная компания» и другие компании, осуществляющие различные виды хозяйственной деятельности на территории Сибири.

За время работы налажены деловые связи с научными академическими центрами Сибири. Совместно со специалистами Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) в течение нескольких лет проводились археологические экспедиции по изучению средневековых объектов культурного наследия на территории Белоярского района автономного округа. В научной сфере Центр сотрудничает также с Институтом проблем освоения Севера и Институтом гуманитарных исследований (г. Тюмень).

Вместе с тем, научно-производственный центр «Югра-Терра» участвует в организации и проведении региональных археологических научных конференций и семинаров, инвестирует средства в издание сборников статей, монографий, буклетов и видеофильмов.

Сотрудники Центра являются держателями Открытых листов, ежегодно выдаваемых Отделом полевых исследований РАН, что позволяет центру «Югра-Терра» реализовывать различные актуальные проекты, направленные на изучение и сохранение культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Кениг Александр Владимирович

Этноархеология
как метод археологических реконструкций
(на примере тазовских селькупов)

Верстка: Григорьева С. Б.
Редактор: Горбачева Е. Е.
Корректор: Горбачева Е. Е.

Подписано в печать 06.09.2010 г. Формат 70x100 ¹/₁₆
Бумага для ВХИ. Печать офсетная.
Печ. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ 2063

Отпечатано в типографии АМБ:
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59,
тел.: (343) 251-65-91, 229-53-36